ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2011

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертес (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*
Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Верстка: *Валерия Козак*
Фото: *О. Начинкин*

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Фонда Карнеги(Нью-Йорк),
Фонда Ч.С.Мотта, Шведского агентства международного сотрудничества для развития(SIDA), группы компаний «Рольф».

Содержание

№ 3 (56) 2011

К читателю 5

Семинар

Почему важны институты в построении демократии? 7
Сильке Темпл

Дискуссия 12

Тема номера

Гражданское образование (самое общее введение в предмет) 18
Александр Согомонов

Россия и Запад

Европейский вектор политики России 29
Александр Грушко

Россия – стратегический партнер? 34
Эрнст-Йорг Штудниц

Власть и общество

Власть против общественной пользы 44
Пьер Розанваллон

Закон и право

Суд и правосудие: независимость и подотчетность 52
Миндия Угрехелидзе

Пять минут философии права 57
Густав Радбрух

Регионы России

Гражданская позиция выгодна обществу 59
Никита Белых

Точка зрения

«Россия для русских»
Никита Соколов 62

Личный опыт

Московско-ленинградская экономическая школа
Сергей Васильев 69

Август 91-го и оппозиция
Игорь Харичев 77

Из отечественных изданий

«Вестник Пермского университета»
Любовь Фадеева 81

Гражданское общество и публичная сфера
Андрей Семенов 82

Наш анонс

Молодежь России
Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая 93

Из воспоминаний
В.А. Маклаков 103

Книги

Афганистан как актуальное прошлое
Федор Лукьянов 108

Региональное книжное обозрение
Александр Согомонов, Игорь Князев 110

Контрапункт
Владимир Рыжков 113

Nota bene

Российское образование и будущее альтернативной энергетики
Константин Ильковский, Дмитрий Тимофеев 119

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Бельгии, Германии, Испании, Италии, Канады, Франции, Швейцарии.

К читателю

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

Как известно, истина может быть разной — божественной, философской научной, идеологической, а иногда ссылаются на истину, присущую якобы общественному мнению. Речь, конечно, идет в этом случае не об истине, а стереотипах массового сознания, и поэтому им легко манипулировать. Истиной же манипулировать невозможно, хотя от этого проблема не исчезает. Более того, именно в том, что истины разные, и заключается проблема. Если не забывать о разных религиях, в каждой из которых есть свой Бог как истина, о существовании философии, науки, искусства, права. Не говоря уже о миллионах людей с разным цветом кожи и расовой проблеме, о проблеме богатых и бедных, о тысячах языков, включая профессиональные (физики, биологии, экономики, социологии, эстетики и т. д.), о нравах, разных вкусах. Так как же во всем этом разобраться, если мы говорим одновременно о человечестве, то есть интуитивно принадлежим тем самым к человеческому роду.

Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, скажу вначале о расовой проблеме и проблеме бедных и богатых, которые, как показывает исторический опыт, все же поддаются решению, когда люди начинают бороться за свои права и считают себя гражданами, “забывая” об этническом происхождении, а бедность уменьшается не только с помощью «диктатуры пролетариата». Вопрос о разных естественных языках преодолевается с помощью переводов. О вкусах согласились не спорить после появления эстетики — философской дисциплины, изучающей художественные оценки, соответствующие представлениям о прекрасном, безобразном, возвышенном, низменном и т. д., обращаясь к художественному творчеству. А вопрос о нравах (моральных практиках) стал более ясным с появлением современной этики — раздела философии, изучающей мораль, ее сущность и роль в общественной жизни.

А что касается профессиональных языков, то здесь — в естественных науках опорой их развития становится абстрактный язык математики, а в гуманитарных и социальных науках на первый план выходят личность и право. Но проблема истины при этом, естественно, не исчезает, продолжая сохранять свою актуальность. Ибо истина коммуникативна, и если она вызывает конфликты, то только потому, что чаще всего к ней относятся не более как к формальному «выражению» мыслей, имеющему нечто вторичное по отношению к самой мысли. «Истина не может быть понята вне коммуникации. В сфере "экзистенционального" истина и коммуникация суть одно»*. Поэтому нельзя исключать, что истина есть то, что людей объединяет. А иначе философы и теологи не писали бы свои трактаты, не создавались бы произведения искусства и литературы, не совершались научные открытия, не было бы разделения властей. А в наши дни сторонники разных истин и люди разных национальностей не стремились бы к преодолению конфликтов и к миру, не обсуждали на международных конгрессах и конференциях волнующие человечество проблемы экологии, здравоохранения, экономические и финансовые проблемы. И не появились бы современные технические средства массовой коммуникации.

Так что же побуждает людей разных убеждений, взглядов, вероисповеданий полагаться на такие, казалось бы, абстрактные ценности, как истина, добро, дружба, человеческое достоинство? И одновременно стремиться к реализации в общественной жизни столь же абстрактных понятий, как свобода и справедливость? С одной стороны, личное знание о несовершенстве человека как такового, его склонности к обману, зависти, коварству, насилию, а с другой — убеждение в возможности их преодоления не только личными усилиями, но и усилиями общества, когда возникают конфликты и кризисные ситуации, и для их решения существуют давно изобретенные закон и право. По аналогии с законами природы, когда для их анализа с целью практического использования стал применяться математический аппарат. А законодательство, на основе которого принимаются судебные решения, в сущности, такая же математика — только в виде правовых норм, формировавшихся не без влияния религиозных заповедей и этических норм.

** Ханна Арендт. Люди в темные времена. Пер. с английского и немецкого Г. Дашевского, Б. Дубина. — М.: Московская школа политических исследований, 2003. — С. 101.*

*Почему важны институты в построении демократии?**

Сильке Темпел, главный редактор журнала «Die Zeitschrift Internationale Politik»

Я родилась в 1960-е годы в Западной Германии, когда мир был достаточно простым и понятным. Были западные демократии и так называемые народные демократии, которые существовали за каменной стеной. В молодости я считала, что восточноевропейские страны вообще лицемерно называют себя «народными демократиями». В августе 1989 года я уехала из Германии в США, оставив родину как раз в тот момент, когда рухнула Берлинская стена. Возвращение преподнесло мне урок реальной демократии; она была не похожа на то, что мы изучали в школе и в университете. Я стала задавать себе «неудобные» вопросы, касающиеся демократического устройства. В ходе последующей работы в Чехии, Израиле, на палестинских территориях они множились, и зачастую на них не было прямых ответов.

Как же так, думалось мне, почему система так называемой западной демократии, в которой я выросла, продолжает оставаться непонятной? Мне тогда пришло в голову, что демократию можно уподобить здоровью: когда вы здоровы, это воспринимается как само собой разумеющееся — нет ни боли, ни дискомфорта. О здоровье задумываются только тогда, когда что-то приходит в расстройство. У Черчилля есть важные слова на этот счет: «Когда первый человек, которого вы видите утром, — это молочник, тогда можно сказать, что вы живете в демократии. А если это, скажем, полицейский?» Я пытаюсь сравнивать демократию с состоянием здорового человека, то есть с состоянием свободным, избавленным от вмешательства извне.

Демократическое государство предполагает участие людей в политико-социальной жизни и стимулирует его, но при этом демократия не позволяет государству вмешиваться в личные дела граждан.

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 19 июля 2011 г.*

Как рядовой гражданин ФРГ я просто не ощущаю на себе процесс государственного управления по той простой причине, что машина государства работает исправно.

Возможно, это парадокс, но демократия, похоже, вообще зиждется на парадоксах. Упомяну еще один — парадокс равенства. Люди по всему миру боролись и умирали за равенство. Но что, собственно, есть равенство? Каждый из нас хорошо знает, что в своих способностях люди неравны, они слишком разные. Так что ответить на этот вопрос нелегко. Наконец, позвольте еще один парадокс, на этот раз касающийся участия граждан в делах своей страны. Афинская демократия предполагала политическое участие исключительно аристократов, но при этом подразумевала достаточно простую управленческую систему. Речь шла не столько о путях личного участия в разрешении тех или иных проблем, сколько о выборе для этого конкретных политиков. Наши современные общества слишком сложны, чтобы пользоваться рецептами Афин. Культура участия сильно видоизменилась, что проистекает из усложнившегося состава нынешних обществ. Система представительной власти вытеснила прямую демократию, но при этом сама демократия никуда не исчезла, она по-прежнему остается демократией.

Однако, рассуждая о парадоксах демократии, в первую очередь мы должны говорить об институтах. Размышляя о качествах образцового государства, я пришла еще к одному парадоксу. Пожалуй, самое важное в демократии то, что демократическая полития не пытается стать образцовым государством. Например, отцы-основатели американской демократии, сочинившие самые замечательные тексты о демократическом управлении — Декларацию независимости и Конституцию США, не желали создания идеального государства. Они очень трезво оценивали человеческие недостатки и добродетели, возможности людей. Они сознавали, что человеком движет корысть, а не альтруизм. Вся система государственного правления, по их мнению, должна была основываться на сугубо реалистичной оценке человеческой природы.

Именно поэтому, мне кажется, у американцев возникла исключительно здравая идея — создание системы сдержек и противовесов. Люди должны сдерживать друг друга: такова была рациональная основа этой системы. Мы говорим о «совершенной» системе вовсе не потому, что человек совершенен, а как раз из-за того, что люди постоянно ошибаются. Основная задача демократии — создание не образцовой системы, а такой, которая умеет исправлять собственные ошибки. И тут я вспоминаю максиму Ленина о том, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно. В ней, по сути, запечатлена противоположность демократии — системы, которая ни в коем случае не стремится к абсолютизации истины или претензии на истину в последней инстанции.

Сказанное, в свою очередь, ведет меня к метафоре, касающейся институтов. Мы все люди XXI века; почему бы не уподобить гражданское общество программному обеспечению? То есть представить себе компьютер, в котором роль «железа» играют институты, а функции программного обеспечения выполняет гражданское общество? Поясню свою мысль примером из немецкой истории. В 1919 году, вскоре после Первой мировой войны в Германии была принята одна из самых либеральных конституций в истории страны. Все предполагавшиеся ею институты были просто замечательными — по крайней мере, в теории. На практике, однако, все это не сработало: подвело «программное обеспечение», имевшееся у нас на тот

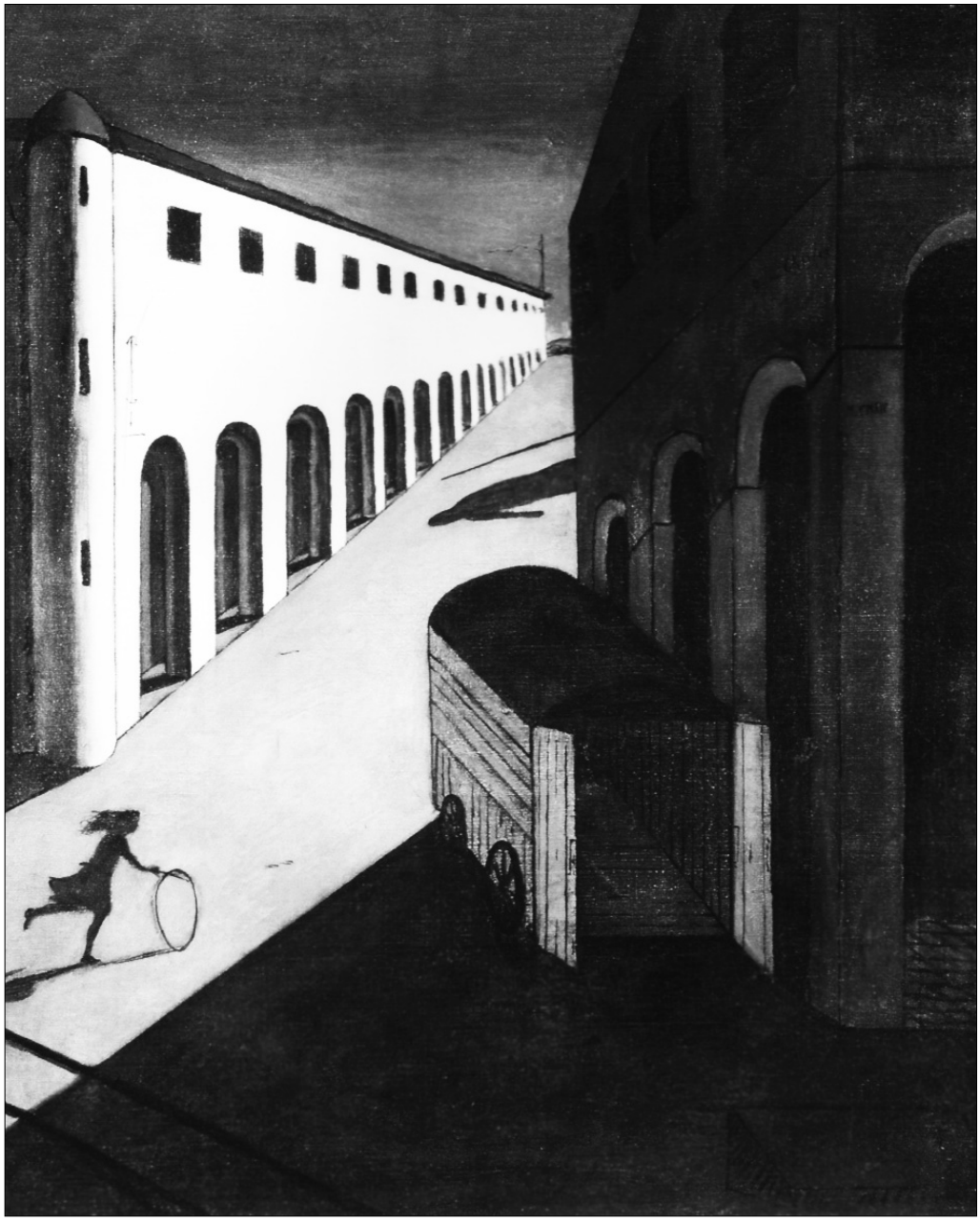
момент, — те ценности, в которые немцы тогда верили. Послевоенное немецкое общество стремилось вернуть империю; в нем господствовало ощущение, что немцы проиграли войну несправедливо. Мы доверяли политическим партиям — общество было столь раздроблено, что партии просто не могли функционировать, единая политическая воля отсутствовала почти полностью. В конечном счете сбой нашего политического «программного обеспечения» привел нас к трагическому срыву.

Теперь давайте посмотрим на ситуацию, сложившуюся после Второй мировой войны. Тогда нам повезло: отцы новой немецкой конституции смогли создать систему, которая была более мудрой и менее идеалистичной. Они сумели трезво взглянуть на нашу историю, предусмотрев в конституционной системе предохранительные клапаны, которые позволили ей работать. Был учтен негативный опыт Веймарской республики, где правительства менялись каждый месяц, а президент был слишком силен, претендуя, порой, на место ушедшего императора. Тогда, например, любая партия могла пройти в парламент, преодолев однопроцентный барьер голосов. Требовался комплекс предохранительных мер. Установив пятипроцентный барьер, создатели конституции отсекли мелкие партии, которые больше не могли туда попасть. Фигуру канцлера — главы правительства — политически усилили, а президента, напротив, ослабили. Отправить правительство в отставку теперь стало гораздо труднее. Иными словами, система была адаптирована к тому «программному обеспечению», которое имелось в Германии послевоенной поры.

Здесь мы вплотную приходим к вопросу о гражданском обществе. Если мы не можем с определенностью сказать, является ли то или иное общество демократическим, это указывает на несогласованность программного и аппаратного обеспечения. Вновь упомяну создателей американской демократии. Они учреждали демократические институты в условиях, когда демократическое «программное обеспечение» отсутствовало. Ведь в Америке той поры женщины и рабы, больше половины населения, были исключены из политического процесса. Над его созданием пришлось потрудиться: за то, чтобы позволить женщинам голосовать, американскому гражданскому обществу пришлось бороться. Ведь даже в начале XX века многие мужчины были убеждены, что женщины недостаточно умны и зрелы, чтобы допустить их к избирательным урнам; они получили избирательные права лишь в 1920 году.

Основная задача демократии – создание не образцовой системы, а такой, которая умеет исправлять собственные ошибки

Взглянув на немецкое общество 1949 года, мы можем сказать, что оно уже было демократическим, но еще не было либеральным. Результаты выборов, проходивших в начале 1950-х годов, красноречиво свидетельствовали о том, что многие люди все еще считали гитлеровскую систему национал-социализма не такой плохой. Поэтому нельзя сказать, что общество тогда было достаточно разумно. Демократическая ткань Германии — ее демократическое «программное обеспечение» — на тот момент было недостаточным; оно совершенствовалось по мере того, как начинали функционировать институты. Медленно, но



Джорджо де Кирико. Тайна и меланхолия улицы. 1914

верно общество становилось более либеральным, толерантным. В 1970-е годы, например, женам не разрешалось выходить на работу без разрешения мужей. Конечно, это недемократично, но тогда считалось вполне приемлемым. Упорная борьба феминистского движения покончила с таким положением вещей. Далее, до 1969 года гомосексуализм был под запретом, а теперь допускаются однополые браки. Иными словами, «программное обеспечение» меняется со временем.

При этом необходимо, чтобы и «аппаратное обеспечение» адаптировалось к новым вызовам. Система должна функционировать всегда — неважно, кто у власти. Как однажды было сказано об американской политической системе: она была создана гениями, но теперь управлять ею могут и идиоты. Это значит, что демократии приходится мириться и с наличием идиотов, а их, как мы знаем, достаточно. Возможно, такая система не слишком часто являет нам харизматических лидеров, но зато она способна бесперебойно работать именно как система. Если же вы чувствуете, что она нефункциональна, если простые граждане начинают ощущать давление с ее стороны, тогда «программное обеспечение» выходит на первый план, поскольку оно меняется быстрее и легче.

В России, как мне известно, много думают над тем, как относиться к истории страны. На мой взгляд, Германия могла бы послужить здесь хорошим примером. В 1950-е годы у нас еще не было широкой дискуссии об итогах Второй мировой войны, ни о том, какую боль мы принесли Советскому Союзу, ни о холокосте. Разговоры об этом начались гораздо позже, постепенно, шаг за шагом — с обсуждения книг и статей нескольких мужественных историков, которые осмелились размышлять об этом. Со временем мы научились тому, чтобы воспринимать собственную историю без прикрас. Я думаю, это применимо и для России. Процесс осмысления прошлого бесконечен, потому что всякий раз на историю приходится смотреть по-новому. Постоянно открываются новые материалы, которые необходимо интерпретировать — только так в обществе поддерживается престиж и значение определенных ценностей.

Конечно, не всем странам удается стать успешными демократиями. В таких случаях предстоит ставить диагноз, то есть определять, что же не срабатывает — «железо» или «программное обеспечение»? И это, как правило, очень сложно сделать. Разумеется, ремонт гораздо сложнее в тех случаях, когда не работает сама техника, и это вполне понятно. У вас может быть замечательное программное обеспечение, но если нет компьютера, то решить задачу не удастся. «Программное обеспечение» в случае сбоев можно обновить — это экзистенциальная, живая часть демократического общества. Но вот как проводить трансформацию, если в обществе отказывает «аппаратное обеспечение»? В обычной жизни приходится покупать новый компьютер. А как быть здесь? Можно отправить в отставку всех полицейских, потому что они продажны — замечательно, но откуда взять новых? И что делать, если коррупция идет сверху? Как поступать, если взяточников нельзя привлечь к судебной ответственности, поскольку суды буксуют? Это сложные вопросы, ответы на которые требуют дискуссии. Самое главное: нужно постоянно помнить о том, что демократия — это не совершенная модель, в ее функционировании постоянно происходят ошибки и сбои, которые нужно находить и исправлять.

Нужно постоянно помнить о том, что демократия – это не совершенная модель, в ее функционировании постоянно происходят ошибки и сбои, которые нужно находить и исправлять

Дискуссия

Ян Геберт, *журналист, координатор проектов Института национальной памяти, Варшава:*
— Первый вопрос. В последние годы мы наблюдаем массовые выступления по всей Западной Европе — в Испании, Греции, Италии, других странах. Для меня очевидно, что раз люди вынуждены выходить на улицы, значит, что-то не срабатывает в самой системе. Что вы думаете об этом? И почему подобные массовые протесты не затрагивают Германию?
Второй вопрос касается исламских демократических государств. У некоторых из них имеется и «аппаратное», и «программное обеспечение». Посмотрите, к примеру, на Палестину: это самая демократичная полития арабского мира. Я не говорю «государство», поскольку государства там, как известно, еще нет. Но при этом большинство населения выступает за продолжение войны с Израилем. Как мы можем работать с ними и что здесь можно сделать?

Сильке Темпел:
— Мы слишком часто воспринимаем Запад как некое единое целое, исходя из наличия общих ценностей. Действительно, Запад является Западом только потому, что там есть одинаково функционирующие демократические системы. Но при этом есть и отличия. Вы помните, как начинается «Анна Каренина»? Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Так и у Запада есть некоторые общие счастливые ценности, а вот несчастья — совершенно разные. Взять Грецию: там долговой кризис и кризис евро — до чего они дожили? Грекам необходимы очень жесткие программы по ликвидации задолженности. Конечно, греков это не радует; их огорчает, что какие-то учителя из Брюсселя, прежде всего немцы, что-то высокомерно диктуют. Не стоит забывать, что в различных европейских странах идут разные процессы. Разумеется, демонстрация чаще всего является хорошим признаком в том смысле, что она свидетельствует: люди чем-то недовольны, у них есть голос и возможность высказаться. Проблема в том, чтобы выявить источник недовольства. Вот, например, в Германии недавно проходили огромные демонстрации против строительства нового железнодорожного вокзала в Штутгарте. И, поверьте, я никак не могла понять — действительно ли именно вокзал так задел граждан или дело было в чем-то другом.
Располагая новыми средствами информации, люди чувствуют, что они должны принимать участие в любых общественных делах. Сегодня им кажется, что их оттеснили от этого участия, что решения принимаются за их спинами. В итоге назревает такой момент, когда

демократическим странам, вероятно, придется обновлять, используя мою метафору, и «железо», и «программное обеспечение». Им бросает вызов феномен, еще не понятый до конца, — это новые медиа. Сегодня можно быстрее контактировать, быстрее выражать неудовольствие, быстрее участвовать. На правительства оказывается все большее давление, потому что времени на раздумья становится меньше — приходится быстро реагировать на то, что появляется онлайн. Раньше министры говорили: «У нас есть 24 часа, пока утром не выйдут газеты, которые начнут критиковать нас». А сейчас все по-другому.

По-моему, неудовольствие, которое мы сейчас видим на Западе, не означает отрицания системы в целом. В Греции выходят на демонстрации не против демократии. Нет, ее граждане протестуют против тяжелых экономических программ, которые приходится принимать. В Палестине же, по поводу которой был задан вопрос, дело обстоит совершенно иначе. Я работала там с 1993 по 2003 год, и должна сказать, «аппаратное обеспечение» там было абсолютно негодным. Палестинские власти создали министерства, занимавшиеся в основном взиманием взяток. Так, Ясир Арафат учредил одиннадцать силовых структур, время от времени «стравливая» их друг с другом. По сути, без него эта система не могла работать, а он мог действовать только как партизан, так и не ставший нормальным политическим деятелем. К слову сказать, нынешние палестинские лидеры стараются работать по-другому, уделяя внимание «аппаратному обеспечению». Мы должны, говорят они, сделать так, чтобы работники министерств и силовых ведомств начали отвечать за свои поступки. Ведь демократия — не только возможность высказывать свое несогласие или голосовать за кого-то, это прежде всего ответственность власти. Вы спрашиваете: что в условиях демократии делать с населением, которое хочет войны? Действительно, если верить опросам общественного мнения, более 20 процентов палестинцев желают воевать с Израилем. Более того, правительство сектора Газа в лице ХАМАС тоже настроено в отношении Израиля очень агрессивно. Невозможно спорить с тем, что движение ХАМАС пришло к власти демократическим путем. Но это не единственный критерий демократии. Разве в секторе Газа есть разделение властей? Или независимый суд? Да ничего подобного. С точки зрения выборов — да, это немного напоминает демократическую систему. Но вопрос в том, откажутся ли нынешние правители от власти добровольно, если против них проголосует большинство граждан? В этом я серьезно сомневаюсь, потому что с 2006 года ХАМАС всеми силами добивается того, чтобы на подконтрольной территории не было оппозиции. Так что я не стала бы переоценивать демократичность политической системы, сложившейся в Газе.

Аскер Тешев, *помощник депутата Государственной думы РФ, Кабардино-Балкарская Республика:*

— Вы назвали конституцию Германии, принятую после Первой мировой войны, самой либеральной. В России самой либеральной и демократичной конституцией стал Основной закон 1993 года. Тем не менее немецкая либеральная конституция позволила прийти к власти

Гитлеру. Мой первый вопрос: не породит ли наша первая либеральная конституция собственного Гитлера? И второй вопрос. Вы сказали, что демократия — это не образец, данный раз и навсегда, а адаптивная система с оговорками, позволяющими исправлять ошибки. Насколько важно, по вашему мнению, учитывать национальные, географические, социальные особенности при утверждении демократии в разных странах?

Сильке Темпел:
— Написание конституции одна из наиболее сложных задач при переходе к демократии, потому что конституцию можно уподобить операционной системе в компьютере. Она должна встраиваться в общество, которое обслуживает, и соответствовать тем ценностям, которые проповедует это общество. Она должна быть созвучна истории страны, для которой написана. При этом необходимы и некие ингредиенты, которые универсальны. Можно ли найти конституцию, которая была бы примером для всех? Я не могу помочь вам с этим вопросом, потому что я не историк, который занимается конституциями. Хотя без труда можно заметить, что у нас теперь множество разных моделей. Есть демократические системы при сохранении монархии, как в Великобритании; есть парламентские демократии, отдающие приоритет главе правительства, как в Германии; есть демократии с широкими полномочиями президента, как во Франции или в США. Конституции, повторяю, должны быть адекватными ценностям, которые исповедует общество. Очевидно, у французов есть веские основания, чтобы предусмотреть в своей конституции фигуру сильного президента. У голландцев тоже есть причины для сохранения конституционной монархии, они дорожат этим институтом, несмотря на то что его политическая роль незначительна. Я не думаю, что в конституционном строительстве возможен какой-то генеральный план. Обязательные принципы любой демократической конституции — это разделение властей, обеспечение независимости судов, гарантии основных прав человека. Нынешняя конституция ФРГ нравится мне именно тем, что мы усвоили наши исторические уроки. И первое предложение, которое ее открывает, говорит о том, что достоинство человека неприкосновенно. Иначе говоря, какой-то образцово-показательной конституции, которая подошла бы для России, просто нет в природе. Вы, конечно, должны предусмотреть те основные ингредиенты, о которых я упоминала; но этому должна предшествовать кропотливая исследовательская работа по выяснению того, что готов сейчас усвоить ваш социум, а с чем он пока не справится. Возможно, скажем, у вас еще очень консервативное общество, для которого неприемлемы однополые браки. Значит, им не место в вашей правовой системе, несмотря даже на то, что это ущемляет чьи-то права.

Шамхан Ледиев, *председатель информационно-аналитического комитета молодежного парламента Чеченской Республики:*
— Сколько лет понадобится России, чтобы закончить перезагрузку и начать мыслить по-новому с точки зрения гражданского общества? И второй вопрос. Вы говорили, что демонстрации в Европе являются

показателем того, что в системе что-то не так. Но как быть россиянам, если наш закон о демонстрациях и митингах фактически не может быть реализован, потому что есть «замечательный» закон о противодействии экстремизму?

Сильке Темпел:
— Если вы живете в системе, которая недостаточно эффективно функционирует, и у вас есть необходимость что-то демонстрировать власти, то хорошо, конечно, когда такое возможно и допустимо. Но если в вашем обществе выходить свободно на демонстрацию нельзя, то все гораздо сложнее. Посмотрите, например, на Египет. Там люди заявили о своих претензиях к власти через Интернет, потом они собрались в виртуальном пространстве вместе, и власти не смогли это запретить — невозможно запретить демонстрации в Интернете. В Китае не разрешаются реальные демонстрации, но виртуальные демонстрации там тоже возникают. Проблема, однако, в том, что возмущаться без конца только в Интернете невозможно: хочется выразить свое несогласие и по-иному. Именно это заставило египтян выйти на улицы. В конце концов, граждане покидают страну, если они не могут высказать свое несогласие с чем-то. Если у вас отсутствуют реальные законные средства, добивайтесь их. Все авторитарные режимы заканчивают одинаково: на каком-то этапе они теряют способность сдерживать людей, которые желают выразить свои протестные настроения и чувства. В Тунисе и Египте сначала появились искры протеста, а потом люди уже перестали ждать разрешения, им оно больше не требовалось — им хотелось выразить свое несогласие с положением вещей. Если у вас отсутствуют нормальные инструменты, нужно работать над самоорганизацией, так мне кажется.

Дарья Малюгина, *дискуссионный клуб Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь:*
— Скажите, можно ли считать неудачу мультикультурализма в Европе сигналом для смены «программного обеспечения»? Или это всего лишь временное затруднение, с которым европейцам удастся справиться без каких-либо существенных изменений?

Сильке Темпел:
— Действительно, это интересный вопрос. Давайте посмотрим на случай Германии. Ислам никогда не был частью германской культуры — для нас, немцев, Восток всегда оставался чем-то иным. Воспринимая Восток как нечто иное, мы должны были тем не менее задумываться над тем, как можно интегрировать исламские элементы культуры в наше общество и насколько они сочетаемы с нашими ценностями. В данном случае мы сталкиваемся с группами, у которых совершенно особые, не похожие на наши воззрения на права женщин, эмансипацию, равенство и другие представления о мире. Как мы сможем сочетать столь различные взгляды? Они не сочетаются друг с другом. Я не считаю, кстати, что наше «программное обеспечение» ущербно; мне кажется, речь идет лишь о том, что мы слишком много программ загрузили в свое время и сейчас они мешают системе правильно работать. Говоря о кризисе мультикультурализма, мы имеем в виду только наивные представления о нем, которые нужно преодолевать: он гораздо сложнее, чем нам казалось прежде. Иначе мы и дальше будем наступать друг другу на ноги, а это неприятно.

Сергей Гогин, *независимый журналист, г. Ульяновск:*
— Не могли бы вы провести экспресс-диагностику нашего российского «политического компьютера»? Что здесь не очень хорошо работает — институциональное оборудование, то есть «железо», или гражданское «программное обеспечение»?

Сильке Темпел:
— Сложный вопрос, я слишком мало знаю о России. Слышала, разумеется, о полицейской коррумпированности. Много говорят у нас и про то, как судят Ходорковского. Поправьте, если я не права, но, похоже, применение российского законодательства подгоняется под нужды одного человека. Но право не может ориентироваться на узкий круг людей. В конце концов, каждый гражданин хочет знать, куда идут взимаемые с него налоги и справедливо ли они используются властью. Вы имеете право возражать и заявлять о своих правах. Если же у вас возникают затруднения, то, значит, «железо» работает плохо. А каким образом можно изменить это «железо»? Мне кажется, как раз этим и занимается ваша Школа.

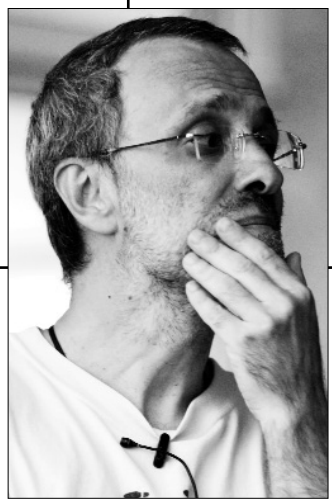
Залина Шадова, *президент региональной Ассоциации выпускников Президентской программы подготовки управленческих кадров «Альп», Кабардино-Балкарская Республика:*
— Спасибо, госпожа Темпел, за вашу замечательную лекцию. Как известно, Германия недавно отметила 20-летие падения Берлинской стены. Вы сказали, что находились в то время в Америке и возвраще-

ние в Германию преподнесло вам урок реальной демократии. Расскажите, как это происходило в ГДР и повлияло на взаимоотношения с Россией.

Сильке Темпел:
Да, мне было удивительно наблюдать за теми изменениями, которые происходили, в том числе и в ГДР, потому что это была страна, куда раньше я не могла просто приехать. Было интересно наблюдать, как на протяжении нескольких лет менялось «программное обеспечение». Это происходило достаточно быстро. Хотя и сегодня многие в этой части Германии все еще ностальгически вспоминают прошлое. Предшествовавшие воссоединению 40 лет, конечно, разделили Германию довольно сильно. Сейчас все более-менее выравнивается, выросло новое поколение. Насколько это повлияло на отношения с Россией? Об этом можно говорить долго. Но мы в Германии понимаем, что Россия для нас очень важный партнер, и считаем, что европейские ценности вам не безразличны. На мой взгляд, демократические партнеры — самые лучшие партнеры, потому что им не надо говорить о партнерстве все время и доказывать, что они партнеры. Мы должны брать на себя ответственность за наше общее будущее и открыто обсуждать волнующие нас проблемы. При этом я имею в виду проблемы бизнеса, открытости России, верховенства права. Ибо что может быть более надежным, чем верховенство права? Лично я, например, опасалась бы вести бизнес в стране, если бы не была уверена, что верну свои инвестиции. Такие вещи пугают. У нас общая с Россией история, не всегда она была гладкой, но, я уверена, чем дальше мы продвигаем наши отношения, тем более прочными они будут.

Пламен Църноречки, *мэр муниципального района «Красное село», г. София:*
— Как прокомментировать тот факт, что Болгария приложила огромные усилия по выполнению всех предварительных условий включения страны в Шенгенскую зону, а Франция, Германия, Нидерланды в ответ заявили нам, что мы слишком бедные? Демократия, получается, только для богатых людей?

Сильке Темпел:
— Надеюсь, что нет. Мне не хотелось бы, чтобы так было. Конечно, демократия не только для богатых. В противном случае у нас кругом были бы авторитарные режимы, потому что обычно их возглавляют богатые и коррумпированные лидеры. Что касается вступления в Шенгенскую зону и Европейский союз, то это вопрос финансово-технический. Для того, например, чтобы попасть в Еврозону, ваши финансовые институты должны быть стабильными. Добиться этого не так просто, даже Германия в свое время кое-что нарушала. Мы, скажем, в 1994–1995 годах нарушали европейский Пакт о стабильности. В странах ЕС неодинаковая экономика, разные производственные возможности, и это создает проблемы, особенно когда есть единая валюта. В результате некоторым начинает казаться, что Европа — клуб богатых людей. При этом, естественно, мы нуждаемся и в барьерах безопасности. Надеюсь, проблемы Болгарии в ближайшее время будут разрешены.



Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования Института социологии РАН

Гражданское образование (самое общее введение в предмет)

Душа моя Павел, держись моих правил:
Люби то-то, то-то, не делай того-то.
Кажись, это ясно. Прощай, мой прекрасный.

А.С. Пушкин в альбом Павлу Вяземскому

История гражданского образования насчитывает более двух с половиной тысячелетий (она восходит к тем временам, когда в древних Афинах была открыта идея демократии и гражданства), хотя, на удивление, во многих нынешних странах как институциональная практика, так и само словосочетание «гражданское образование» все еще в диковинку. Дело, видимо, заключается в том, что далеко не в каждом социуме считается естественной и даже обязательной подготовка новых поколений людей к современной гражданской и демократической жизни.

Для развития гражданского образования необходима фундаментальная предпосылка, а именно — *осознанная намеренность граждан* страны построить, сохранить и укрепить либерально-демократические основы публичной жизни и социальных институтов. Все достижения современной цивилизации — верховенство права, демократия, правовое государство, гражданское общество, свобода, равенство, справедливость, толерантность и многое другое — все эти воплощенные в общественной жизни ценности и принципы не заданы буквально нигде раз и на веки вечные. Они нуждаются в каждодневном *гражданском труде* по их поддержанию и укреплению, у демократии нет, как в компьютере, встроенной функции по автозапуску или автосохранению. В реальной жизни демократий ничего не происходит также и «по умолчанию». Поэтому базовым инструментом их сохранения и развития становится именно гражданское образование. Оно может быть понято узко и направлено только на учащуюся молодежь, а может касаться всех, вне зависимости от возраста, профессии и образования.

При всей кажущейся очевидности смыслов и задач, гражданское образование относится к числу слож-

ных общественно-дидактических проблем, провоцирующих продолжительные споры и коренные разногласия. Что вполне объяснимо. Ведь контент гражданского образования напрямую зависит от того, что мы в некий момент истории понимаем под «гражданством» с точки зрения его наполнения и миссии; какой «гражданский идеал» соотносим с практикуемыми образцами гражданского поведения и общественной этики, какую роль отводим государству, какую политическую философию исповедуем и т. д. И тогда оказывается, что в гражданском образовании действительно очень много неоднозначного и даже двусмысленного, где «очевидное» и «сомнительное» знание и методики постоянно противоборствуют друг с другом.

И все же. Гражданское образование в «продвинутых странах» понимается, прежде всего, как имманентная часть школьного и высшего образования, то есть оно направлено на тех «протограждан» (и самых молодых граждан), которые только вступают в сознательную гражданскую жизнь. Иными словами, кому гражданский статус, гарантирующий новые права и обязанности, свободу и достоинство, еще только предстоит обрести. Подготовку к такому качественному переходу берет на себя начальное и среднее «гражданское обучение» — оно формирует *первоначальную гражданскую доксу* (знание и понимание природы либерально-демократического общества и правового государства). Высшая же школа лишь углубляет ее и/или апробирует в практиках накопления *первоначального гражданского опыта* (участие студентов в выборах, включенность в жизнь местных сообществ, социальная помощь, волонтерство и пр.).

Казалось бы, при таком прямом толковании гражданского образования цели его сформулированы узко и вполне прагматично — обучение протограждан основам самостоятельной гражданской жизни. Однако за этой постановкой стоит более фундаментальная общественно-педагогическая миссия — формирование и поддержание в обществе культуры приверженности либеральным и демократическим ценностям, а через нее — укрепление национальной идентичности и установки общества на подержание институтов демократии и свободы.

Именно таким образом сформулирована цель гражданского образования в установочном документе американской Ассоциации учителей: «Сохранение демократии зависит от того, как мы передадим каждому новому поколению политическое видение свободы и равенства, которое объединяет нас как американцев... Нет никаких оснований полагать, что мы рождаемся с ними. Приверженность достоинству и свободе, равным правам, социальной и экономической справедливости, верховенству права, гражданственности и толерантному отношению к различиям между людьми, взаимопомощи, личной и гражданской ответственности, самоуважению и самоограничению — все это должно составить предмет обучения и преподавания»*.

Тезис о необходимости гражданского образования в современном обществе совсем не кажется трюизмом. На заре европейского нового времени многие теоретики либерализма вполне аргументированно утверждали как раз таки обратное: в либеральном обществе в гражданском образовании особой потребности нет, если, конечно же, общество действительно либеральное и демократическое. Гораздо важнее выстроить в нем адекватные социальные и политические институты, а они, в свою

** Education for Democracy: A Statement of Principles // American Federation of Teachers. — Washington, 1987. — P. 8.*

очередь, сами «отформатируют» в нужном направлении индивидуальные характеры людей и их общественное поведение. Так, в частности, мыслил английский философ Бернард де Мандевиль, опубликовавший в самом начале XVIII века парадоксальное для своего времени философское произведение «Басню о пчелах»*. Эгоизм, по его мнению, естественное видовое и личное начало человека, способ его самосохранения. Склонность человека к социальной жизни следует исключительно из несоответствия между многообразными потребностями человека и его ограниченными личными ресурсами. Не на добродетелях строится общество, а на несовершенстве человеческом и различии в стремлениях людей. Грамотно выстроенная политика и общественные институты направляют частные пороки на общественное благо (private vices — public benefits). Не надо стараться формировать в подростке гражданские «добрые чувства», его тщеславие и эгоистический мотив в современной институциональной оправе сами по себе сделают его моральным**. Эта позиция не без оснований многими современниками считалась чрезмерно циничной, но все же концепцию Мандевиля чаще признавали как вполне адекватную задачам образования в либеральном обществе. Даже Иммануил Кант на исходе века Просвещения в своем знаменитом трактате «К вечному миру» (1795), призывая историков написать историю во «всемирно-гражданском плане», разводил нравственное воспитание и гражданское образование, полагая, что последнее, скорее, выступает функцией того, как организовано государство, в котором человек вынужденно поступает как добропорядочный гражданин (а порой и как высокоморальная личность). Впрочем, уже следующий, XIX век постепенно отходит от этого утверждения и апеллирует к понятию «*гражданский характер*», трактуя его не столько как некий общественный идеал, отформатированный институтами, сколько как реально достижимый культурный «результат» в ходе систематической образовательной деятельности.

И чем ближе мы к нашему времени, тем отчетливее становятся контуры того, что именуется *гражданской педагогикой*. Ее основной посыл: сами по себе государственные институты и обычная школа не могут сформировать тип гражданина (citizen), который ценностями и поведением отличается от «подданного» империи или диктатуры (subject). В политическом и правовом смысле он должен быть, отвечая «духу» времени, здравомыслящим и прагматичным в отношении собственного жизненного пути и развития социума в целом. Миграционные потоки в XX веке лишь усилили потребность в систематическом научении «быть таким гражданином» (citizenship learning), что предполагает не просто адаптацию мигрантов к новой культурной среде, «чувство уважения к ней», но и включение их в смысловые и поведенческие жизненные миры *гражданской нации*.

То есть обретение *компетентности* в знаниях и понимании гражданской жизни. Иначе мир получил бы закрытые диаспоры инородцев и размытые

** Б. Мандевиль. Басня о пчелах. — М.: Мысль, 1974.*

*** Известный американский исследователь Альберт Гиршман, проанализировав английскую прессу и беллетристику XVII–XVIII вв., пришел к заключению о преобладании в публичном дискурсе того времени коллективного представления о том, что республиканизм и демократия скорее подпитываются не гражданскими добродетелями (civic virtues), а освобождением коммерческого и предпринимательского духа средних классов с целью общественного прогресса — в противовес политическому деструктивизму «страстей» старой европейской аристократии. См.: Hirschman A. The Passions and the Interest. — Princeton: Princeton University Press, 1977.*

сообщества титульных наций, в лучшем случае терпимо уживавшихся друг с другом. Опыт западного гражданского образования истекшего столетия так или иначе показал, что общественные институты и правовое государство функционируют куда эффективнее и слаженнее, если они состоят из граждански компетентных людей, объединенных прежде всего намеренностью на сохранение и укрепление демократии и свобод в обществе.

Возможно, в силу этого изобретательность и эксперимент становятся отличительной чертой западного гражданского образования на протяжении последних десятилетий. Воскресные школы и курсы по граждановедению, публичные и открытые диспуты, специализированные школы гражданства, включение гражданских предметов в курсы обычных образовательных дисциплин, радиобеседы и колонки комментаторов, добровольческие движения и волонтерство, активные школы и вовлечение подростков в социальную жизнь местных общин — список этот можно продолжить.

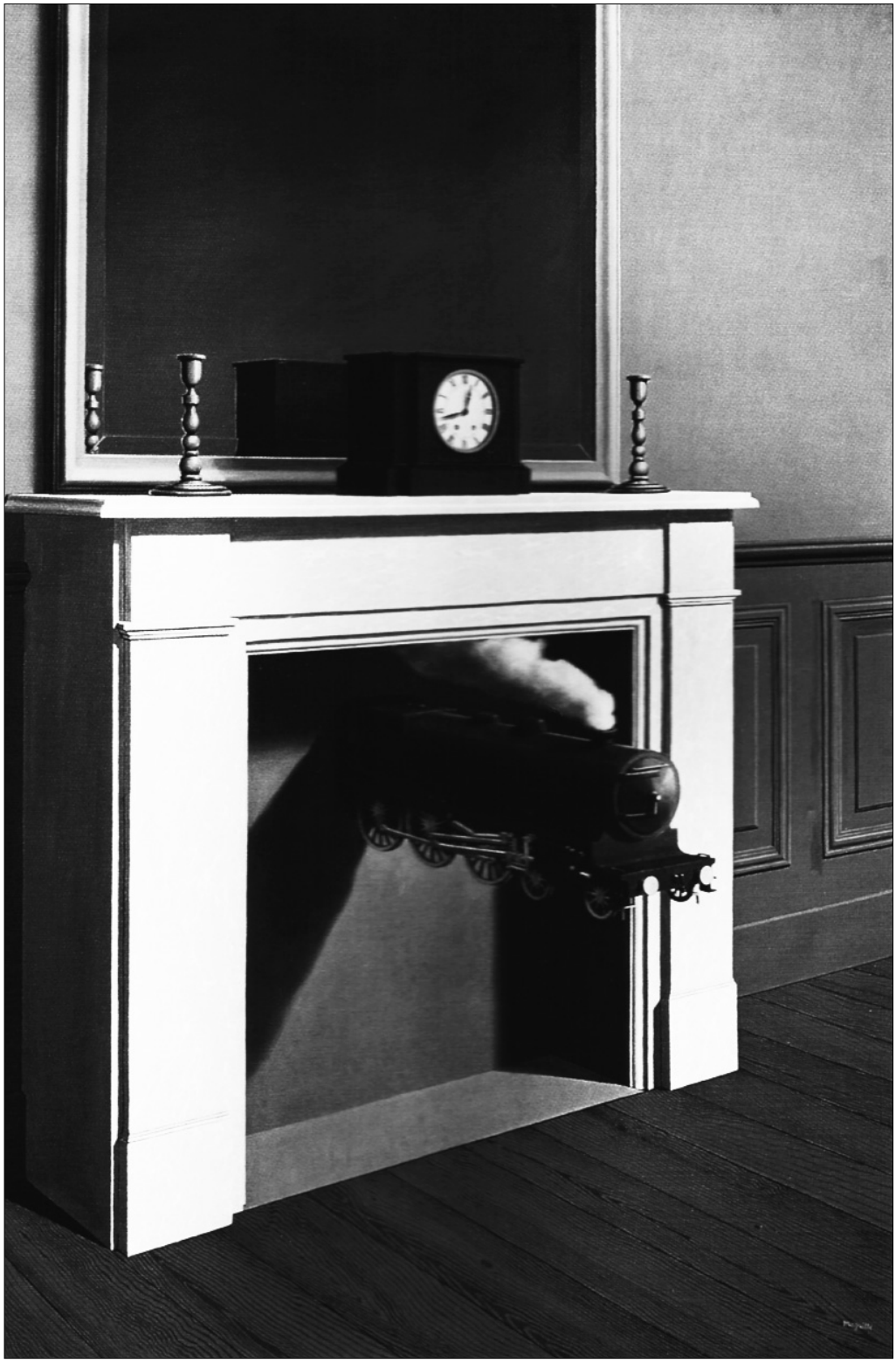
Опыт разных стран, разумеется, содержит что-то особенное и неповторимое, он результат уникального национального пути проб и ошибок. Тем не менее все демократические страны, так или иначе, характеризует убежденность людей в том, что жизненность и эффективность публичных политик и институтов зависят от гражданских практик, а те, в свою очередь, от того, как удавалось выстроить общенациональную (принципиально — не этнокультурную!) систему гражданского образования. А это было совсем непросто, и прежде всего потому, что *предмет* гражданского образования всегда должен быть корректно определен, не «перепутан» с тем, что считалось традиционным обучением и воспитанием.

Во-первых, такое образование довольно строго отделено от нравственного воспитания (moral education), хотя, конечно, частично оно пересекается с ним. Гражданская модель индивидуального характера выстраивается на существенно иных основаниях, чем просто нравственный тип человека. В современном обществе, безусловно, важно, чтобы человек был наделен положительными нравственными свойствами (к примеру, правдивостью, добротой, искренностью, мужеством и т. д.). Но не они определяют активного гражданина, а его умение находить компромиссы и его ответственность. То есть ориентация на такие ценности, как справедливость и общий интерес (common good). В определенных общественно-политических обстоятельствах (например, при тоталитарной диктатуре) можно было быть морально состоявшимся человеком, но при этом «не дозреть» до обретения гражданской позиции.

Предмет гражданского образования всегда должен быть корректно определен, не «перепутан» с тем, что считалось традиционным обучением и воспитанием

Во-вторых, гражданское образование совсем не обязательно должно воспроизводить логику и содержание научно-философского образования. Если последнее построено на владении методами познания и стремлении к истине, не зависящей от общественно-политических условий, в которых она обнаруживается, то первое вообще не оперирует понятием «истина». Предметы познания — общество и человек — гражданское образование полагает феноменами исторически преходящими, не заданными раз и навсегда, а зависящими от индивидуальной и коллективной воли людей.

В-третьих, гражданское образование отличается от общественно-патриоти-



Рене Магритт. Пронзенное время. 1938

ческого воспитания, практиковавшегося в рамках традиционного общества и оперировавшего императивами безусловной любви к родному отечеству и бездумного подчинения властям и законам. Оно исходит из принципов делиберативной* демократии и формирует в человеке установку на беспристрастное обсуждение того, что касается политического устройства государства и существующей власти. Способность к критическому взгляду зачастую относят к числу наиболее приоритетных черт гражданского характера, ему противопоказана любая мифологизация национальной истории и культуры**. Любить родину приветствуется, но прежде «родина» становится предметом пристального гражданского внимания и обсуждения. Кроме этого, гражданское образование исходит из понимания исторической уникальности ряда значимых черт гражданского характера, таких как индивидуальная независимость, толерантность, уважение прав другого, и гражданских значимых навыков современной личности — умения находить общий язык в интересах целого, трезво судить и оценивать деятельность публичной власти.

Теперь, что касается *содержания* гражданского образования. Условно всех исследователей и экспертов по этой теме можно разделить на сторонников узкого и широкого подхода. Это деление, в свою очередь, зависит от двух обстоятельств. От понимания сфер применения гражданского знания и навыков, а также от интерпретации того, какой либерально-демократический «заказ на гражданина» существует в обществе. Так, главный теоретик гражданского образования в США Эми Гутманн исходит из предположения, что запрос на специфические черты гражданского характера в первую очередь формируют условия демократии. И поэтому американская гражданская педагогика, по ее мнению, должна быть сосредоточена на развитии склонности и способности граждан к общественным дискуссиям (the ability to deliberate), тем самым мотивируя американцев к осознанному социальному участию***.

Противники такого подхода, не отвергая его, считают вместе с тем, что он сужает содержание гражданского образования. В частности, Вильям Галстон, полемизируя с Гутманн, указывает на одно важное обстоятельство сегодняшних представлений о демократии — на особую значимость прав человека и его приватности. И полагает, что гражданское образование начинается прежде всего с привития уважения как к правам, так и к приватному миру человека в условиях, когда почти все в демократической политике зависит от легитимного большинства. Понимание ограничений демократии (в форме мажоритарной узурпации власти) и их преодоление требует действенной гражданской пропедевтики****.

С другой стороны, поскольку в современном мире преобладают представительные формы демократии, образование в силу этого должно быть нацелено и на укрепление электоральной «муд-

---

** От латинского глагола deliberare — аргументированно дискутировать.*

*** Подробнее см.: Archard D. Should we Teach Patriotism? // Studies in Philosophy and Education. 1999. Vol. 18. — P. 157–174.*

**** Э. Гутманн является автором множества публикаций на эту тему, наиболее последовательно ее взгляды представлены в книге: Gutmann A. Democratic Education. — Princeton: Princeton University Press, 1987. Ср.: Gutmann A., Thompson D. Democracy and Disagreement. — Harvard, Mass.: Belknap, 1998; Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy? — Princeton: Princeton University Press, 2004.*

***** См.: W. Galtson. Liberal virtues // American Political Science Review. № 88 (1988). — P. 1277–1290; Galtson W. Civic Education in the Liberal State // Philosophers on Education / A.O. Rorty (Ed.). London: Routledge, 1998. — P. 467–477.*

рости» граждан — на формирование навыков понимания и оценивания публичной политики. В известном смысле такая образовательная деятельность позволяет преодолевать разрыв между прямой и представительной демократиями. А главное — предопределять участие граждан в политическом процессе. И это участие, безусловно, нуждается в «воспитуемых качествах». Наконец, утверждает Галстон, гражданское образование должно обязательно учитывать тот факт, что его воспитуемые составят не только электоральный корпус гражданской нации, так как часть «воспитанников» будет рекрутирована непосредственно в политику и на государственную службу. А это значит, что уже в средней и высшей школах надо думать и о тех, кто впоследствии составит класс «демократической аристократии» (если воспользоваться аллегорией Томаса Джефферсона). Поэтому всякое сужение содержательного поля гражданского образования по меньшей мере контрпродуктивно. Либерально-демократические страны нуждаются и в навыках участия граждан в публичной политике, и в опыте политического понимания действительности, в умении выносить взвешенные суждения, и, не в последнюю очередь, в добровольном участии в общественном процессе*.

Впрочем, и расширять до бесконечности содержательное поле гражданского образования неразумно. Его *предмет* должен быть прост и понятен для миллионов, относительно легок для методического исполнения, а главное, открыт к восприятию для носителей разных культур. Современная западная педагогика предметно отличает «гражданское образование» (civic education) от «обучения гражданству» (citizenship education или citizenship learning).

Обучение гражданству составляет такой тип образования, который предлагается прежде всего иммигрантам для эффективного погружения в смыслы их гражданских прав и обязательств в новой для них демократической среде. Его основная цель — понимание важности быть активными гражданами. А образовательный объект — «социальное здоровье» (social health) гражданина во всем его систематическом многообразии. Обучение гражданству предполагает поэтому «прививку» таких значимых качеств, как уважение к другому, общественная открытость и честность, социальное партнерство, уважение по отношению к микрососообществу и окружающей среде. В США, в частности, по результатам такого обучения предполагается прохождение общенационального теста на гражданство (national citizenship test), который во многом предопределяет дальнейшую судьбу человека**.

Гражданское образование западной общей педагогикой чаще ориентировано на детей и подростков и «прописано» в ограниченном наборе гуманитарных школьных дисциплин (история, география, экономика, основы обществоведения), цель которых воспитание гражданских чувств и так называемых гражданских добродетелей (civic virtues), необходимых для последующей гражданской жизни взрослых людей. Можно с уверенностью сказать, что вся американская политика строится на постулате о первичной значимости этого растворенного в школьных программах предмета для начального и среднего образования

** W. Galston. Civic Education in the Liberal State, p. 471–472.*

*** The Greenwood Dictionary of Education / John W. Collins and Nancy P. O'Brien (Eds.). — Westport: Greenwood Press, 2003. — P. 56–57. О том, как эти тесты организованы и содержательно наполнены см.: Cleffs Tests Prep. U.S. Citizenship Test / Edward Swick (Ed.). — Hoboken, NJ: Wiley Publishing, 2005.*

детей*. И хотя эксперты при этом расставляют разные акценты, общественная значимость гражданского образования сегодня уже не подвергается сомнению**. Другое дело — педагогическое оформление предмета. Некоторые эксперты считают, что оно не должно быть самостоятельным школьным курсом***, тогда как большинство, напротив, отстаивает идею о простоте и внятности предмета и его формализации в программах школьного образования****.

Базовым вопросом всего современного гражданского образования был и остается вопрос о его «результирующем продукте». Иными словами, кого (какого гражданина) на выходе наших педагогических усилий мы хотим получить. И здесь примечательны не столько частные отличия в позициях экспертов, сколько ключевые понятия, к которым они прибегают.

Активный и *пассивный* гражданин. Эта дихотомия стара, как и вся история западной демократии. «Пассивный гражданин» в языках, как правило, семантически не определен и выступает скорее фигурой умолчания. Под ним подразумевается самый широкий спектр форм проявления гражданской атомарности и абсентеизма. В то время как понятие «активный гражданин» вначале в разговорном, а затем и литературном языке быстро набирает популярность. В европейских толковых словарях словосочетание «активный гражданин» фиксируется по крайней мере уже с начала XVIII века и используется для обозначения «человека, активно участвующего в жизни сообщества»*****. При этом предполагается, что «активное гражданство» (active citizenship) есть благо, а посему на формирование такого типа личности должно быть нацелено гражданское образование в школах.

«Хороший гражданин» – компетентный, хорошо информированный, а главное, ориентированный на сохранение и укрепление демократических и либеральных основ общества

Но как такая цель может быть достигнута? Является ли активное гражданство исключительно практическим знанием или оно предполагает также и теоретические основания? Если опираться на первое предположение, то тогда гражданское образование в школе означает накопление опыта активизма (а) либо через игровые методики, (б) либо через развитие в

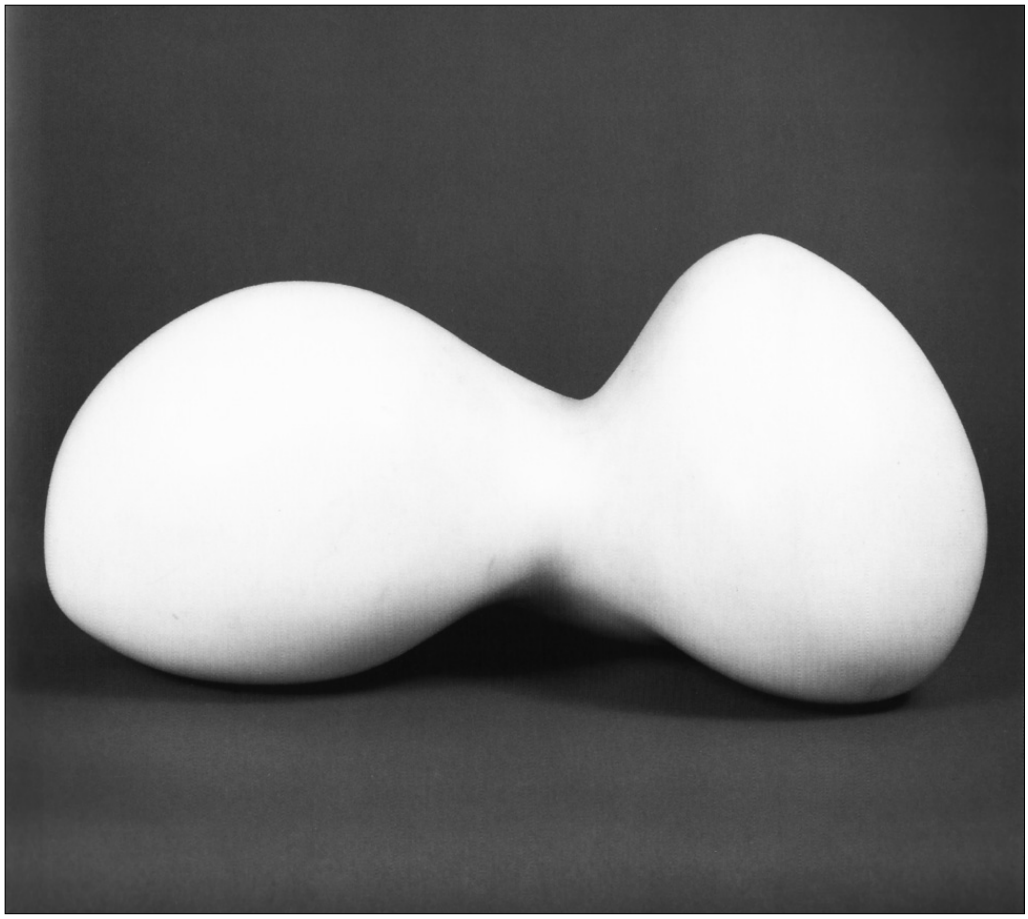
** The Greenwood Dictionary of Education, p. 57.*

*** Чаще речь идет о формировании у ребенка понимания верховенства права и норм социальной жизни, в соответствии с которым ему придется в будущем выстраивать свою биографию. См.: Curren R. On the Importance of Getting It Right // Studies in Philosophy of Education. 2003. Vol. 22. — P. 83–94. Иногда акцент переносится на общественный активизм, разумеется, не в ущерб основам общего понимания гражданской жизни, и предполагается, что гражданин в той или иной форме, но все же принимает участие в государственном управлении или общественном самоуправлении. Об этом подробно: Iseult Honahan. Civic Republicanism. — London: Routledge, 2002.*

**** Аргументы в пользу этой позиции см.: Barry B. Culture and Equality. — Cambridge: Polity Press, 2001.*

***** Адвокатом такого подхода, в частности, выступает Б. Крик.: Crick B. The Presuppositions of Citizenship Education // Journal of Philosophy of Education. 1999. Vol. 33. — P. 337–352.*

****** Ср.: «A citizen who takes an active role in the community» (Webster Dictionary) или «A person who actively takes responsibility and initiative in areas of public concern» (Oxford Dictionary).*



Ханс Арп. Конкретная скульптура. 1934

самой школе управленческих практик, копирующих «взрослую» гражданскую и демократическую жизнь (школьное самоуправление), (в) либо через реальное (посильное для подростка) волонтерское участие в жизни сообщества, (г) либо, наконец, через участие в юношеских организациях или молодежных подразделениях институтов гражданского общества (партии, движения, объединения, благотворительность и т. п.). Если же опираться на второе предположение (не отвергая при этом первое!), то тема активного гражданства может быть успешно дидактически реализована в обычных курсах по истории, экономике, истории литературы и т. д.*.

** Первое направление в гражданском образовании получило название «префигуративная» дидактика, когда создается прообраз (протоформа) будущей гражданской жизни и через нее происходит накопление практического знания. Второе апеллирует к опосредованным техникам вербальных и ценностных описаний активного гражданства (рассказы). Разумеется, в лагере теоретиков современного либерализма преобладают те, кто не считает, что выращивание «активного гражданина» — это государственная задача. Гражданский активизм для них — сознательный выбор каждого конкретного гражданина. Но активное гражданство имеет свою историю и культуру, свои этические и философские обоснования и в этом смысле вполне может «преподаваться» в школьных курсах. Ср.: Philosophy of Education: the Key Concepts // Christopher Winch and John Gingell (Eds.). — London: Routledge, 2008. — P. 27.*

Хороший и *плохой* гражданин. «Good Citizen» и «Bad Citizen» — казалось бы, совершенно прозрачные по смыслу значения, однако как сложно их адекватно перевести на русский язык. И дело не только в том, что прилагательные плохой и хороший не точно отражают смысл, а для русского уха еще и неблагозвучны, но и в том, что такой буквальный перевод не схватывает сущности явления. В русском языке оба прилагательных насыщены иными оттенками оценивания и плохо стыкуются с общественно-политическими реалиями.

Лингвисты давно заметили, что отсутствие референта в культурной среде часто делает прямой перевод с языка оригинала трудновыполнимой задачей и требует описательного приема передачи значения. Такие слова получили название «этнографические лакуны»*. Похоже, в данном случае мы имеем дело именно с такой ситуацией невозможности корректного перевода в силу отсутствия схожего явления в русской культуре. Но и в английском языке, несмотря на очень широкое хождение обоих словосочетаний, их нельзя считать общепринятыми понятиями. Они отсутствуют в толковых словарях, их семантика строго не сформулирована. Они, скорее, — публицистические метафоры. Тем не менее оба словосочетания весьма употребимы и в том числе активно используются в научной литературе. А в разговорном обиходе англосаксонских стран они относятся к числу шаблонных выражений.

«Хороший гражданин» в разных контекстах может обозначать самые разные оттенки позитивности, начиная от законопослушного и лояльного гражданина и заканчивая активно участвующим в политике и гражданской жизни. И все же, как кажется, «хороший гражданин» — это, скорее, «правильный гражданин». То есть компетентный, хорошо информированный, а главное, ориентированный на сохранение и укрепление демократических и либеральных основ общества. Нередко «good citizen» переводится как «образцовый» гражданин, что вполне подходит под приведенное выше описание, поскольку предполагает наличие в массовом сознании современного общества некоего образца гражданственности — образца пусть даже исторически переменчивого, но неизменного в метафизическом смысле.

«Плохой гражданин», напротив, охватывает широкую палитру всевозможных отклонений от гражданской «правильности». Неслучайно, видимо, этой метафорой пользовались еще древние афиняне**, и до сих пор это словосочетание скорее из разряда условных, чем семантически формализованных.

Как бы то ни было, для гражданского образования обе метафоры с дидактической точки зрения абсолютно приемлемы, подчеркивая позитивный и негативный характер гражданственности. Отсутствие смысловой строгости здесь не помеха, а методическое удобство. «Good citizens» суть конструируемый педагогическими средствами идеал человека вполне узнаваемого, доступного пониманию. Тем не менее в конце XX века экспертное сообщество начинает вносить коррективы в термин «правильной гражданственности».

Ответственный гражданин. Именно этот конструкт (responsible citizen) становится сегодня ключевым в общем понимании гражданской педагогики

** Эта тема детально прописана во франко-русских изоглоссах. См.: Полянская Л.П. Этнографические лакуны в русском и французском языках // Язык и культура. — М.: Наука, 2003. — С. 28–34.*

*** Примечательный исторический экскурс о злоключениях «плохих граждан» в классических Афинах см.: Matthew R. Christ. The Bad Citizen in Classical Athens. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.*

объединенной Европы. Инициируя в 1997 году программу по гражданскому образованию (проект EDC), Совет Европы большое внимание уделяет точности понятий и формулировок*.

Гражданин теперь — это человек, сосуществующий с другими (coexisting in the society). Поскольку меняется общество, изменения претерпевают и представления о «гражданине». Понятие «гражданин мира» отныне не вступает в противоречие с гражданином национального государства. Это расширительное толкование «ответственного гражданина» рекомендовано Европейским союзом для всех стран-участниц, выстраивающих национальные образовательные стратегии**. Гражданское образование в них соотносится со специализированными школьными программами и курсами, цель которых формирование граждан, «способных внести индивидуальный вклад в развитие и благополучие обществ, в которых они живут»***. При этом, хотя национальные стратегии гражданского образования могут отличаться друг от друга, их объединяют три фундаментальные темы.

Во-первых, *политическая грамотность*, что предполагает адекватное понимание того, как устроено современное общество и государство, и гражданину, следовательно, необходимы не только правовые знания в области своих конституционных прав и обязанностей, но и тех условий, при которых они распространяются на всех и на каждого в современном мультикультурном и многоязычном мире.

Во-вторых, *критическое мышление* и установка на *солидарность*. Ответственный гражданин расположен в «центре вселенной» гражданской жизни, а посему должен обладать навыками анализа и модерации. С одной стороны, от него ожидается независимая политическая позиция (оценка и суждение), что предполагает умение публично и аргументированно формулировать свои мысли. С другой — его гражданское поведение должно быть ориентировано на укрепление солидарности в обществе, основанной на уважении Другого и иных точек зрения, моральной ответственности за подержание толерантной среды, исключающей насилие.

В-третьих, *активное (со)участие*. Социальное сотрудничество и ответственность за социум — важнейшее практическое знание, психологическая установка и коммуникативный навык ответственного гражданина. То есть, в конечном счете, результат обретенных знаний и накопленного понимания.

Дидактический опыт постепенного погружения ребенка-подростка в нормы и ценности гражданской жизни огромен и требует отдельного рассмотрения. Понятно, что современное гражданское образование и его иллюзорный конструкт «ответственный гражданин» отнюдь не предполагают выращивание некоего нового типа личности, его педагогическая миссия — снабдить ребенка-подростка необходимым для взрослой жизни теоретическим и практическим знанием, интерактивным опытом и коммуникативной компетентностью. И все это умело «оправить» ценностями и этикой гражданского общества и либеральной демократии.

** См.: Karen O'Shea. Developing a Shared Understanding. A Glossary of Terms for Education for Democratic Citizenship. Strasbourg: Council of Europe, 2003.*

*** Learning for Active Citizenship. A Significant Challenge in Building a Europe of Knowledge: Education and Active Citizenship in the European Union. — Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1998; Open Learning Environment, Active Citizenship and Social Inclusion. Implementation of Education and Training. 2010 Work Programme. — Brussels: European Commission, 2003; The Future of Education and Citizenship Policies. — Brussels: European Commission, 2004.*

**** Citizenship Education at School in Europe. — Brussels: Eurydice, 2005. — P. 10.*

Александр Грушко, заместитель министра иностранных дел России

Европейский вектор политики России

Современная внешняя политика России на европейском направлении — это огромный массив проблем и задач в самых различных областях, будь то экономика, безопасность, интеграционные процессы, в конечном счете — социальные, философские и прочие материи. Что, собственно, произошло за последние пять-десять лет в отношениях России с ЕС, НАТО, ОБСЕ, некоторыми региональными организациями? Первая важнейшая констатация заключается в том, что ни в одной из областей, формирующих европейскую и евро-атлантическую повестку дня (сфера финансов, экономики, проблематика изменения климата, безопасность, необходимость объединения ресурсов), Россия не воспринимается как стратегический противник. Напротив, она востребована как партнер, и думаю, что это главное качество, в котором сегодня находится наша страна и в глобальном, и в евро-атлантическом контексте.

Второе, что хотел бы отметить — враждебное отношение к России перестало быть политическим товаром. В начале девяностых, когда происходили достаточно бурные процессы, связанные с расширением Евросоюза, прежде всего с расширением НАТО, многие государства пытались нарастить свой политический вес и показать свою значимость для партнеров, позиционируя себя как «прифронтовые». Сегодня в международной политике приветствуются и ценятся добрые отношения с Россией, и большее преимущество геополитически и экономически объективно получают те страны, которые выстроили стратегические отношения с Россией как с неотъемлемой частью будущего мироустройства.

Работа МИД на западноевропейском направлении, и не только на западноевропейском, — это работа с позитивной повесткой дня. В выстраивании отношений со странами Европы и евро-атлантической зоны мы продвигаем целый ряд российских инициатив, которые призваны еще больше укрепить положение нашей страны как достойного и востребованного члена международного сообщества. Эти ини-

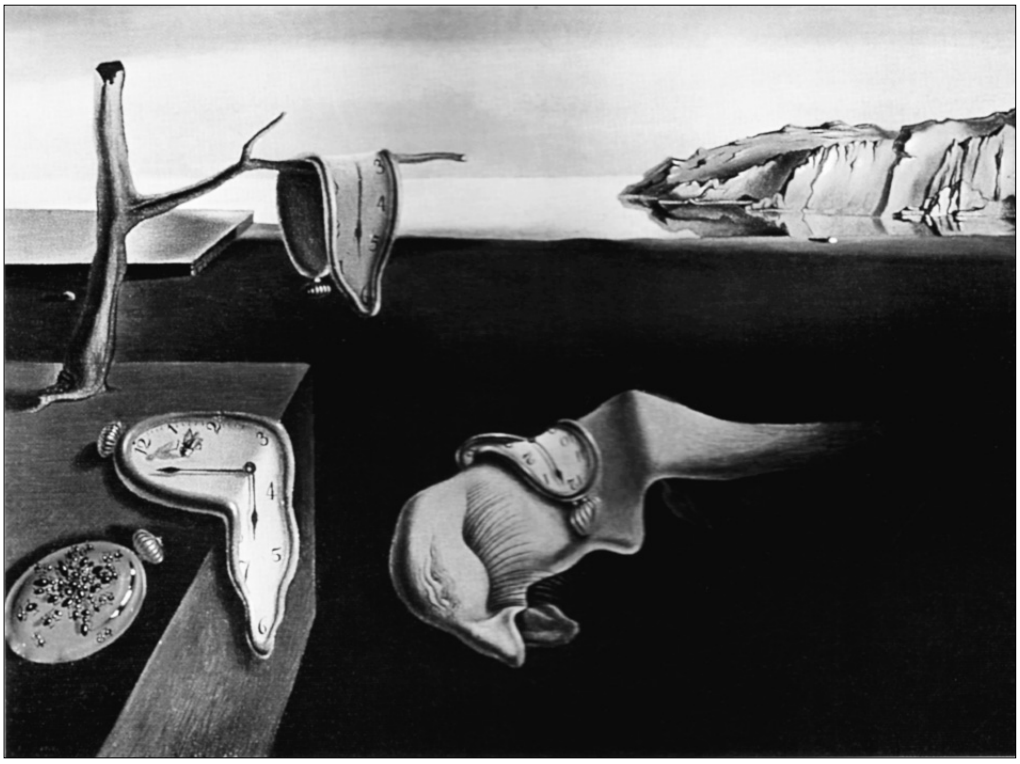
циативы направлены на сплачивание международного сообщества и одновременно на создание более благоприятных условий для решения наших внутренних задач в социальной, экономической и политической сферах.

Обозначу сначала конфигурацию наших отношений с НАТО и главные задачи в сфере безопасности. Первое — это объединение ресурсов в борьбе с новыми угрозами и вызовами. В итоге на саммите Совета Россия — НАТО в Лиссабоне в ноябре прошлого года впервые за историю наших отношений удалось согласовать совместный анализ вызовов безопасности в XXI веке. Другими словами, есть единство взглядов и подходов для наращивания сотрудничества во вполне конкретных областях. Это борьба с терроризмом, морским пиратством, наркоторговлей, противодействие распространению оружия массового уничтожения, содействие процессу стабилизации в Афганистане. Совместное решение этих задач, использование ресурсов сотрудничества России и стран НАТО в условиях глобализации угроз их безопасности требуют зачастую нетрадиционных решений, основанных на доверии и свободных от идеологических влияний.

Вторая задача, которую нам следует решить с НАТО, — окончательно покончить с наследием холодной войны, в частности с достаточно живучими стереотипами, которые проявляются в политике. Я уже сказал, что психология «прифронтовых» государств больше не является политическим товаром. Тем не менее в сфере военного планирования альянса, в области обороны, эти проявления имеют место. Поэтому нашим партнерам из НАТО мы предельно откровенно говорим, что военное освоение территории новых членов абсолютно не соответствует новым реалиям. Да, мы знаем, что у вас есть внутренние натовские нормативы, которые должны обеспечить адекватную защиту всего евро-атлантического пространства, но если и в новых условиях продолжать придерживаться подходов, которые были выработаны при создании альянса, в разгар холодной войны, то это будет противоречить современной сути наших отношений.

Мы выступаем за то, чтобы безопасность обеспечивалась объединением усилий, и не на основе идеологических постулатов прошлого, а путем повышения эффективного контроля над вооружениями, в котором ключевую роль играет Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Мы сделаем все, чтобы преодолеть кризис этого режима, и надеемся, что очень скоро будут созданы условия для начала переговоров о восстановлении жизнеспособности ДОВСЕ. Мы считаем, что контроль над вооружениями — это не просто предельные уровни разных категорий вооружения, инспекции, обмен информацией, но, пожалуй, самый качественный инструмент «измерения глубины» политических намерений. Можно декларировать, что мы не противники, но когда дело доходит до количества разных видов оружия, мест дислокации, тогда и начинается серьезный разговор.

Любое государство, ответственное за национальную безопасность, должно учитывать, какие потенциалы могут размещаться вблизи его границ и как выстраивать свой потенциал так, чтобы, с одной стороны, не потратить лишние деньги, а с другой — обеспечить эффективность национальной безопасности.



Сальвадор Дали. Постоянство памяти (мягкие часы). 1931

Эти аргументы абсолютно применимы и к проблематике ПРО, которая в последнее время вышла на авансцену политических дискуссий. Понятно почему. Потому что впервые после холодной войны у нас появилась возможность реального объединения усилий в решении проблемы евро-атлантической безопасности на качественно новой основе. Этот проект сопряжен, с одной стороны, с рисками, а с другой — с возможностями. Если проект состоится, это будет означать, что впервые Запад и Россия объединят свои усилия в создании общей системы безопасности. И тем самым возникнет необходимость проведения более скоординированной политики, направленной на решение задачи предотвращения распространения оружия массового поражения. Сама система ПРО — это словно пистолет в кармане: ни мы, ни наши партнеры не заинтересованы в том, чтобы возникла ситуация, когда придется его достать и применять. Поэтому проект сопряжен с огромными возможностями — и политическими, и военными — в плане интеграции всего евро-атлантического пространства на основе принципиально новой концепции, не создавая при этом новых разделительных рубежей.

Если же этот проект не состоится, то только по идеологическим причинам, потому что объективных препятствий для его реализации нет. Мы признаем наличие общих для всех нас угроз, хотя у нас есть нюансы в оценках этих угроз (в частности, касающихся баллистических ракет). И если не достигнем согласия даже в области очевидных интересов, это будет означать, что в наших отношениях сохраняются сте-

реотипы мышления холодной войны, которые исключают возможность объединения усилий в сфере безопасности в новых условиях.
Суммируя: хотя проект касается достаточно узкого спектра проблемы безопасности, он становится реальным тестом на способность к интеграции Запада и России в новых условиях безопасности.
Мы не можем согласиться с некоторыми нашими партнерами, которые считают, что нельзя доверить безопасность Российской Федерации, поскольку Россия не является участником Вашингтонского (Североатлантического) договора 1949 года и его статьи 5. Однако современное мировоззрение, современное понимание необходимости коллективного противостояния угрозам стабильности требует новых подходов. Поэтому мы будем последовательно работать над тем, чтобы проект состоялся. Он должен быть равноправным, адекватным реальным угрозам и действительно укреплять, а не ослаблять стратегическую стабильность и обеспечивать непровоцирующую защиту и законные интересы безопасности всего евро-атлантического сообщества.
Если рассматривать экономическую сферу, то здесь главный наш партнер — ЕС, и в будущем он, видимо, останется таковым по многим причинам. Главное состоит в том, что Россия — европейская страна, географически, исторически, цивилизационно, экономически. Более 50 % российской внешней торговли приходится на ЕС, в 2010 году ее объем достиг примерно 300 млрд долларов. Объем капиталовложений из стран ЕС составляет 70 % всего объема, более 60 % российских капиталовложений идет в страны ЕС. Я уж не говорю о культурных, научных связях, о мобильности студентов.
В экономической сфере мы хотим обеспечить взаимопроникновение наших экономик. Мы исходим из того, что экономики России и ЕС являются взаимодополняющими, и ничто не мешает создавать нам общие комплексы в целом ряде областей. Одна сфера абсолютно очевидна — это сфера энергетики, где и география, и наличие ресурсной базы, инфраструктуры, и потребности производства просто толкают Россию и ЕС в объятия друг друга.
Думаю, это полностью относится к сфере внешней политики. В своем стратегическом анализе проблем современного мира, кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, в Северной Африке, проблем распространения оружия массового поражения, проблем, связанных с более справедливым распределением ресурсов, с правилами игры в экономической и глобальной финансовой сферах, позиции России и ЕС идентичны или близки. Более того, то, что мы не являемся членами ЕС, повышает нашу востребованность, потому что Россия может делать то, что по ряду причин Евросоюзу не всегда под силу. Это, скажем, работа по палестино-израильскому конфликту, это касается и Ливии, где мы играем посредническую роль. Есть и другие сферы, в которых есть возможность сочетать наши усилия, использовать сильные стороны каждого, двигаясь в сторону достижения общих целей.
Еще одна область, которая для нас является приоритетной, — это объединение усилий в решении проблем внутренней безопасности: борьбе с организованной преступностью, отмыванием денег, незаконным оборотом наркотиков. Здесь огромный ресурс для взаимодействия, и по всем этим направлениям мы работаем над укреплением правового сотрудничества с ЕС, в частности, на основе соглашений с

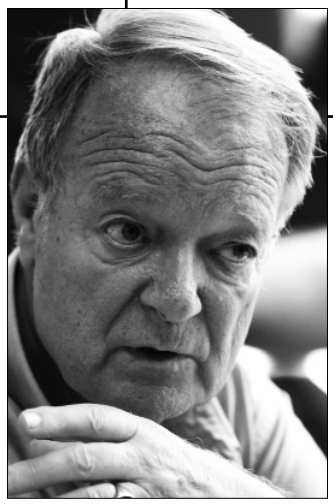
Евроюстом, Европолом, с европейским агентством Фронтекс. Если мы реализуем эту программу, будет создано реальное пространство внутренней безопасности на европейском континенте. Оно необходимо и для того, в частности, чтобы обмену между людьми в сферах культуры, образования, бизнеса не препятствовал визовой барьер, чтобы Шенгенская стена больше не разделяла наши общества. О готовности России к безвизовому режиму с Европой говорил президент России Д.А. Медведев на германо-российском саммите в Ганновере в июле этого года.

Необходимо заключение нового базового соглашения с ЕС, которое должно создать систему координат – надежную, обеспечивающую продолжение политики сближения и ограждающую Россию и ЕС от неожиданностей

Если с неидеологизированных позиций оценивать нашу политику в отношениях с Западом, то она абсолютно позитивна, и главное ее качество заключается в том, что она направлена на сближение, а не на создание каких-то разделительных линий. Естественно, у внешней политики есть и обратная сторона медали. Как не существует идеальных обществ, идеальной дружбы, так и отношения России и ЕС не лишены конкурентности. Мы прекрасно понимаем, что Россия и ЕС, Россия и Запад во многих областях — в экономической, социальной, внешнеполитической — выступают конкурентами, но задача заключается в том, чтобы эта конкуренция осуществлялась по понятным правилам, чтобы эти правила не менялись. Именно за это выступает Россия в отношениях со всеми партнерами, именно для этого необходимо заключение нового базового соглашения с ЕС, которое должно создать систему координат — надежную, обеспечивающую продолжение политики сближения и ограждающую Россию и ЕС от неожиданностей.

Наконец, последние два существенных момента отношений с внешним миром. Первый — они развиваются не в вакууме, а в глобальном контексте. Поэтому, во-первых, с Западом, и прежде всего с европейским Западом, наши связи будут развиваться в полной гармонии с многовекторной политикой РФ: СНГ, наше ближайшее окружение, ОДКБ будут оставаться в центре нашей внешней политики, экономики и прочих сфер. Мы также будем развивать отношения с азиатскими партнерами, будем участвовать во всех региональных и нового рода объединениях и организациях, таких как БРИК, ШОС и других, что и будет соответствовать возрастающему экономическому и внешнеполитическому весу России в мире.

Во-вторых, Россия будет последовательно врастать в глобальную структуру управления финансово-экономическими процессами, и главная задача, которую мы должны решить в этой связи, это вступление в ВТО. Если Россия вступит в ВТО, нам проще будет решать то, о чем я уже говорил: будут созданы более понятные правила глобальной конкуренции, многие проблемы, которые сегодня определяют повестку дня политических переговоров с нашими партнерами, в частности с ЕС, будут решаться иными способами, в рамках других механизмов, более открытых, более приспособленных для подобного рода задач.



Эрнст-Йорг Штудниц, председатель Германо-Российского форума, посол Германии в РФ (1995–2002)

*Россия – стратегический партнер?**

В современной политике понятие «стратегическое партнерство» стало своего рода разменной монетой. Любые отношения, если им хотят придать определенное значение, сразу становятся «стратегическими». Ясно, что подобное использование этого термина свидетельствует о легкомысленности и беспечности, которые вредны для международных отношений. Попробуем поэтому разобраться, насколько международные отношения России с теми или иными партнерами соответствуют критериям стратегического партнерства. При этом я остановлюсь на особенностях отношений России с Германией, Европейским союзом, НАТО, США, Китаем и другими государствами группы БРИК. Учитывая, что вопрос об определении характера этих отношений кажется вполне уместным, я намеренно поставил знак вопроса в названии моего выступления.

Если рассматривать понятия «стратегический» и «партнерство» с точки зрения их содержательности, становится очевидно, что о «стратегическом» можно говорить только тогда, когда идет речь о намерениях или действиях, ориентированных на долгосрочные цели. То есть, другими словами, когда определение «стратегический» относится к «партнерству», то речь идет об участии, так как корень «парт» означает часть, долю целого. Таким образом, партнеры — это участники чего-то целого. И так как речь пойдет об отношениях России с ее внешнеполитическими партнерами, необходимо поставить вопрос, какими дополняющими критериями они обладают, чтобы в том или ином случае говорить о партнерстве.

Анализируя мотивацию важнейших партнеров России, важно понять, ищут ли они дополнения в лице России в реализации своей внешней политики и стремится ли сама Россия к подобному дополнению. Что, в свою очередь, зависит, конечно, от интересов, которые те или иные государства или союзы государств преследуют в своей внешней политике. Рассмотрим эти интересы.

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 21 июля 2011 г.*

Интересы России

Если проанализировать заявления ведущих государственных деятелей России и учитывать освещение событий в СМИ и реакцию российского общества на важные внешнеполитические события в различных опросах, то вырисовывается ключевая идея сохранения Россией имиджа мировой державы.

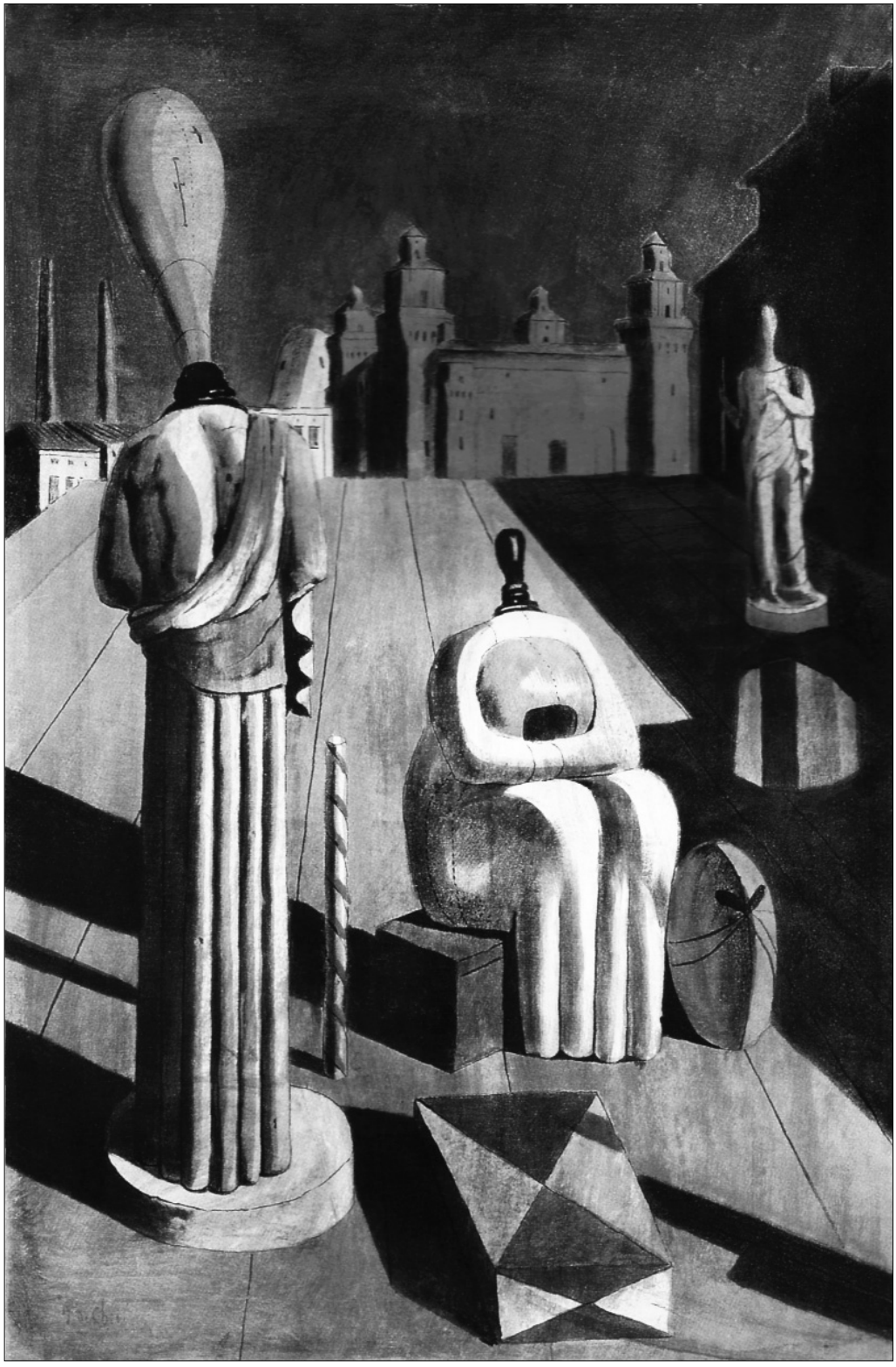
Президент Путин назвал распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX столетия. В спорах историков относительно сталинской политики репрессий связанная с этим периодом критика отвергается, поскольку она бросает тень на великую Победу над фашизмом — основу восхождения Советского Союза к статусу великой мировой державы, который для России имеет решающее значение. В рамках международного права он закреплен прежде всего в том, что у России есть право вето в Совете Безопасности ООН. Российская внешняя политика активно следит за тем, чтобы права страны ни в коем случае не игнорировались. Действия Соединенных Штатов и их союзников в обход Совета Безопасности, как это было в Корее в 1950 году, а затем в 1999-м во время действий НАТО в Косово и в 2002-м в войне в Ираке, вызывали резкий протест России, поскольку в этих конфликтах затрагивались и не учитывались российские интересы.

Другой исторически и политически обоснованный интерес России заключается в исключении иностранного влияния на территории бывших советских республик. Содружество Независимых Государств (СНГ), изначально задуманное для сохранения отношений между бывшими союзными республиками, все еще является привилегированным регионом для России. Российские власти очень болезненно восприняли вступление в НАТО балтийских республик, и абсолютно неприемлемым оказалось сближение с НАТО Украины и Грузии. Это связано с российскими интересами в сфере безопасности, а также с историческими связями, восходящими к Российской империи.

К самосознанию великой державы относится также утверждение России в качестве таковой во второй половине XVIII века, ее право участия в принятии решений на европейском уровне, по крайней мере в той степени, в какой это касалось европейской безопасности. Современным примером тому служит проект нового Договора о европейской безопасности, разработанный по инициативе Дмитрия Медведева. Предшественником этого сосредоточенного исключительно на вопросах безопасности соглашения является созданная в 1975 году Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Для России эта система была особенно привлекательна еще и потому, что по так называемому принципу консенсуса ничего не могло произойти против воли Советского Союза. На сегодняшний день интерес России к ОБСЕ заметно упал, поскольку эта организация не занимается больше вопросами безопасности. Чтобы исправить этот недостаток и восстановить принцип единодушного консенсуса, предложенная Медведевым система безопасности должна носить обязывающий характер по отношению не только к странам Договора, но и таким организациям, как НАТО и ЕС, и тем самым предотвратить вытеснение России из сферы европейской безопасности.

Глобальные интересы России

После победы над Германией, с таким трудом завоеванной советским народом, и достижения равноправного статуса с США, закрепленного в праве вето в Совете Безопасности ООН, Россия в облике Советского Союза безоговороч-



Джорджо де Кирико. Тревожащие музы. 1917

но видела себя в роли мировой державы. До распада СССР Россия считала себя равноправной сверхдержавой по отношению к США. Формально равноправие обоих государств было закреплено в совместной декларации между СССР и США, подписанной в рамках визита президента Никсона в Москву в 1972 году.

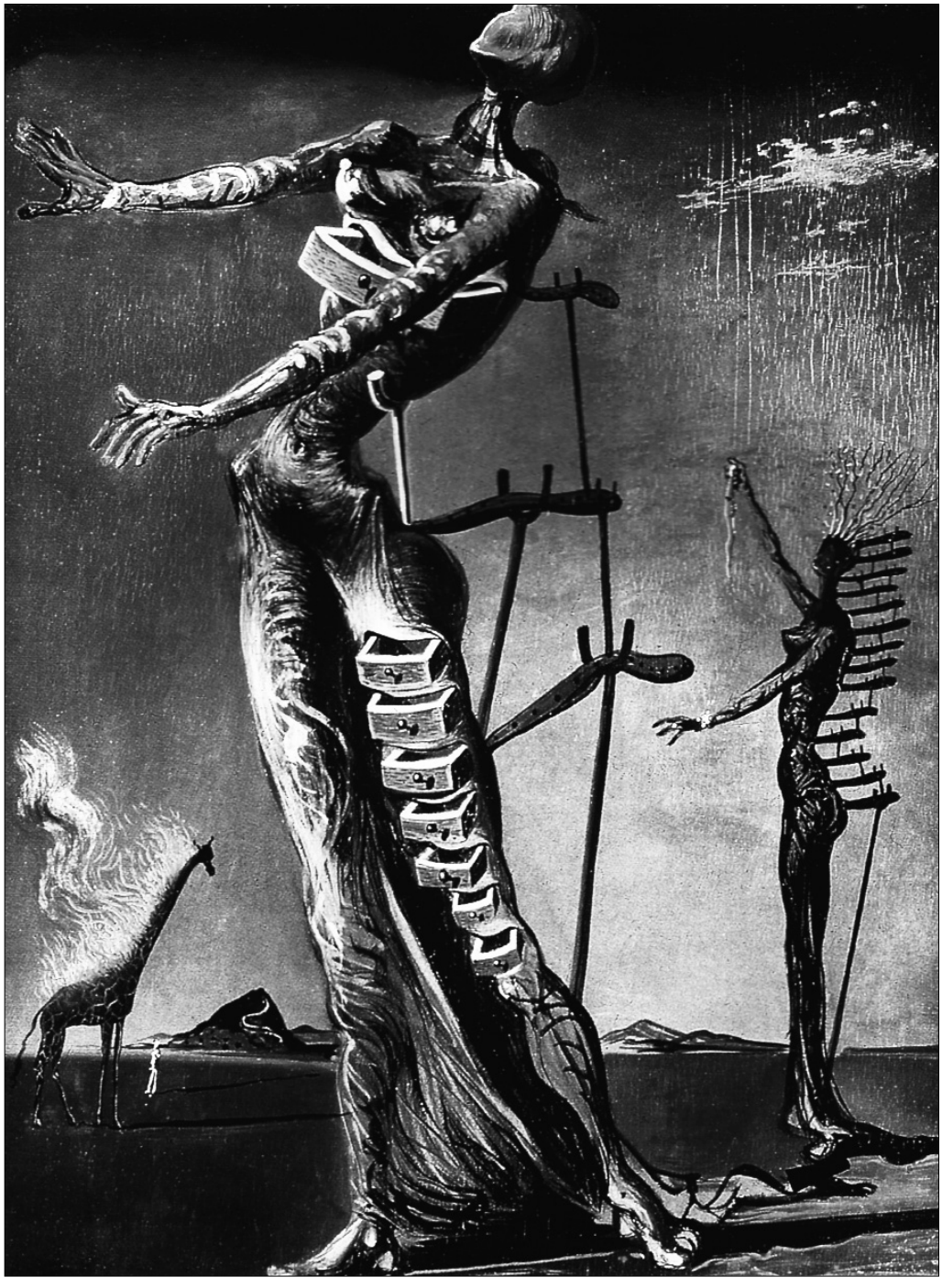
Как мировая держава Советский Союз был заинтересован в поддержании мирового баланса сил, сформированного по итогам Второй мировой войны и сохраненного во время холодной войны. Острые вопросы международной безопасности того времени определяют глобальные интересы России и по сегодняшний день. По отношению к США это означает, что потенциал российского ядерного оружия в качестве гаранта безопасности России не может быть поставлен под сомнение. Этому служили договоры по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), заключенные в 70-е годы прошлого столетия. Тот факт, что Джордж Буш-младший не захотел продлевать эти соглашения, был воспринят в России как серьезная угроза ее мировому статусу. Наконец, в 2010 году договор по СНВ-3, определяющий, помимо прочего, допустимое количество ракет и ядерных боезарядов, был подписан. Русские, однако, по-прежнему обеспокоены тем, что США намерены развивать современную систему противоракетной обороны без участия России. Это может привести к обесценению российских стратегических ракет как средства устрашения. Если это произойдет, Россия потеряет свой равноправный статус по отношению к США.

Для России, заинтересованной в сохранении нынешнего статус-кво, тема ограничения доступа к ядерному оружию имеет глобальное значение. Распространение ядерного оружия представляет постоянную угрозу для международной безопасности. Поэтому Россия принимает участие в шестисторонних переговорах с целью ядерного разоружения Северной Кореи. По тем же причинам, хотя и более сдержанно, Россия принимает участие в усилиях пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии по предотвращению ядерного вооружения Ирана.

Статус великой или даже мировой державы не присваивается только по наличию соответствующих амбиций, а достигается в результате признания со стороны государств мира

Соседство с Китаем означает для России иной характер политических вызовов, чем для США. Для России Китай является одной из решающих сил в контексте мировой политики в XXI веке.

Региональные конфликты на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Афганистане разным образом затрагивают существенные интересы России. Принципиально Россия заинтересована в мирном разрешении всех этих конфликтов, поскольку любое военное вмешательство, как показывает Афганистан, приводит к непредсказуемым осложнениям и ущербу. В десятилетней войне с Афганистаном Советский Союз на собственном примере познал, что эту войну так просто не выиграть. Если сегодня НАТО уйдет с афганской территории, то из-за нестабильности в центральноазиатском регионе распад государственности в Афганистане будет иметь последствия и для России. Военный конфликт на Ближнем Востоке принес бы столько неопределенности, что не исключено и развитие глобального конфликта. Россия в этом не заинтересована. Непрогнозируемые масштабы начавшихся в Тунисе и Египте восстаний в целях свержения



Сальвадор Дали. Пылающий жираф. 1936

правящей власти влияют на традиционных союзников России, угрожают общей безопасности в регионе и способны негативно отразиться на системе мирового энергоснабжения, что может привести к новому финансовому и экономическому кризису, в котором Россия совершенно не заинтересована.

На глобальные интересы России существенно влияет и международный терроризм, с проявлениями которого стране приходится бороться не только на Северном Кавказе, но и во многих российских городах, прежде всего в Москве. Существенную угрозу для морского судоходства России представляют пиратские захваты судов в Африке. Наконец, Россия страдает от международной торговли наркотиками как транзитная страна и как потребитель и ведет активную борьбу в этой сфере.

Средства, используемые Россией для осуществления своих интересов

Для осуществления своих глобальных целей Россия использует различные международные организации, в которых она может защищать свои интересы. К таковым относится вышеупомянутый Совет Безопасности ООН, гарантирующий России соблюдение ее прав и учет мнений в сферах, затрагивающих ее непосредственные интересы. Учитывая статус мировой державы, не существует таких вопросов международной безопасности, в которых Россия была бы не заинтересована.

С времени открытия России Западу при Петре I и победы над Швецией в Северной войне Россия считает своим правом принимать непосредственное участие в процессе формирования Европы. Это право укрепилось после наполеоновских войн на Венском конгрессе и осуществлялось на протяжении всего XIX столетия в так называемом концерте европейских держав. Если в результате Октябрьской революции 1917 года Россия была исключена из процесса мирного европейского урегулирования, то на конференциях держав антигитлеровской коалиции в Ялте и Потсдаме она вернулась в лице Советского Союза к своей традиционной роли, получившей развитие в Хельсинкском заключительном акте 1975 года, который закрепил положение России в европейском строительстве.

Для укрепления самосознания России в качестве мировой державы очень важно ее участие в других международных организациях, в которых действует принцип консенсуса. Здесь для России имеет решающее значение членство в «Большой восьмерке» (G8) из-за ее влияния на глобальные экономические и политические решения наиболее сильных в финансово-экономическом плане государств, равно как и в «Большой двадцатке» (G20), получившей еще большее значение в результате недавнего мирового финансового кризиса.

В ходе сознательной отстраненности от организаций, находящихся под влиянием США, Россия сыграла ключевую роль в процессе основания Шанхайской организации, а также в институционализации сотрудничества государств — членов БРИК. Ключевым партнером в рамках обоих сообществ является Китай, в договорной интеграции которого Россия очень заинтересована. Благодаря этому удалось преодолеть последствия напряженности, существовавшей с 1960-х по конец 1980-х годов между СССР и Китаем. Одной из главных задач Шанхайской организации сотрудничества является урегулирование спорных пограничных вопросов. Российская концепция многополярной структуры мира, существующая еще со времен Примакова — в противовес глобальной гегемонии США, нашла конкретизацию в формировании сотрудничества между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и с недавнего времени также с Южной Африкой.

Контроль над внутренними ресурсами

В целях сохранения своей независимости Россия тщательно контролирует доступ иностранных партнеров и фирм

к своим ресурсам — по крайней мере настолько, насколько они способны влиять на политические решения российской верховной власти. По этой причине Россия медлит с вступлением в ВТО, поскольку опасается, что это может открыть столь нежелательный доступ к ее экономике. Из тех же соображений Россия хочет сохранить контроль над своими нефте- и газопроводами и поэтому не присоединяется к требующей свободного доступа Европейской энергетической хартии. Несмотря на то что Россия очень заинтересована в привлечении иностранных инвестиций, в стратегических отраслях — особенно если они имеют военно-политическое значение — любые инвестиции блокируются. Отказ концерну Siemens в приобретении контрольного пакета акций российской компании «Силовые машины» является лишь одним из примеров. В этом же контексте можно отметить вытеснение концерна Shell из сахалинских инвестиционных проектов и сокращение влияния компании BP в фирме TNK-BP. В обоих случаях речь шла о сохранении за Россией контроля над нефте- и газопроизводством.

К теме защиты и сохранения собственных ресурсов относятся также неоднократно провозглашенные президентом Путиным расширение и модернизация ракетных войск. Об их значении для поддержания системы взаимного устрашения уже говорилось. Насколько велика здесь разница по сравнению с США показывает статистика военных затрат в обеих странах. В 2009 году в Соединенных Штатах расходы в этой сфере составили 661 млрд долларов, в Российской Федерации — лишь 53 млрд.

Интерес к России

Если в первой части я кратко обозначил интересы России, то теперь важно показать интерес иностранных партнеров к России, чтобы затем перейти к обзору соотношения интересов в качестве условия партнерского сотрудничества.

Россия как поставщик энергоресурсов

Учитывая ресурсное богатство России, интерес иностранных партнеров к стране, как правило, в первую очередь связан с поставкой энергоносителей. Согласно статистическим данным, в 2009 году Россия была крупнейшим производителем сырой нефти в мире (494 млн тонн). Добыча нефти в России составила 12,9 % от мирового производства — выше чем в Саудовской Аравии (12 %), США (8,5 %) и Иране (5,3 %). В списке мировых экспортеров Россия уступила Саудовской Аравии (11,4 % и 17,1 % соответственно), но обошла Иран (5,7 %). По эксплуатации новых месторождений Россия заняла четвертое место (6,4 %), уступив Саудовской Аравии (23 %), Ирану (11,6 %) и Ираку (9,8 %). По наличию возможных нефтяных запасов Россия занимает ведущие позиции с 18,1 % мировых, оставив далеко позади США (11 %) и Саудовскую Аравию (9,6 %).

В списке крупнейших производителей природного газа лидируют США (20,1%), опередившие Россию (17,6%), Канаду (5,4 %), Иран (4,4 %) и Норвегию (3,5 %). По разведанным запасам газа Россия занимает первое место (25,4 %), за ней следуют Иран (15 %) и Катар (13,4 %). Что же касается прогнозируемых запасов, то здесь картина довольно ясна: 44,4 % находятся в России, 8,4 % приходятся на США и 4,6 % на Иран.

Насколько велика роль России в сфере энергопоставок, показывает тот факт, что, например, Германия экспортирует сегодня 32 % природного газа и более 30 % нефти из России. Такие страны, как Финляндия, Литва, Словакия и Болгария, почти полностью зависят от поставок газа из России. В Чехии, Австрии, Греции, Турции и на Украине

зависимость от российского природного газа составляет выше 60 %. За исключением Франции, Швейцарии, Италии и Румынии, объем российских газовых поставок в другие европейские страны составляет выше 30 %. Зависимость Европы от российской нефти выражена не столь сильно — лишь треть общего объема импорта.

Россия как фактор стабильности

Статус великой или даже мировой державы не присваивается только по наличию соответствующих амбиций, а достигается в результате признания со стороны государств мира, что та или иная страна обладает критериями державы с глобальными интересами и может их соблюдать. За признанием следует требование принятия на себя глобальной ответственности. В случае с Россией это означает, что от нее ожидается активное участие в решении острых глобальных проблем. В частности, требуется российское содействие в усилиях по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке, разрешение которого в обозримом будущем так и не предвидится. Россия выполняет данное обязательство в рамках своего членства в «Ближневосточном квартете» наряду с ООН, ЕС и США. Подобную функцию поддержки Россия также выполняет, предоставляя право пролета над своей территорией самолетов со снаряжением для сил НАТО в Афганистане. Аналогично Россия поддержала западные державы в Совете Безопасности ООН в решении защиты гражданского населения в Ливии. Участие России в шестисторонних переговорах по предотвращению ядерного вооружения Северной Кореи, а также в группе 5+1 (постоянные члены Совета Безопасности и Германия) по атомному разоружению Ирана показывает, что во всех этих вопросах Россия является незаменимым партнером для стабилизации международного положения на глобальном уровне.

Россия как мирный сосед

Геополитические изменения в Восточной Европе после распада Советского Союза, вслед за желанием политической переориентации новообразованных государств в сфере безопасности отчасти привели к серьезным региональным конфликтам, которые, как в случае с Грузией, даже переросли в военное столкновение. Полное отстранение прибалтийских государств от любых союзов с Россией, как, например, их отказ от членства в СНГ и даже больше — их вступление в НАТО (как и бывших союзников по Варшавскому договору — Польши, Чехии и Венгрии, а позднее и Словакии, Румынии и Болгарии), поставили Россию перед существенными новыми вызовами. Лишь постепенно напряженность в отношениях с этими странами начинает спадать. С Польшей наблюдается прогресс в решении наболевшей Катынской проблемы, а с прибалтийскими государствами после долгих проволочек наконец были ратифицированы пограничные соглашения с Латвией и Литвой, договор с Эстонией разрабатывается. Попытки сближения с НАТО, предпринятые Украиной и Грузией — некогда неотъемлемыми частями Советского Союза, вызвали значительную напряженность, которая в ходе смены украинской власти утихла, а в случае с Грузией до сих пор продолжается. Интерес всех соседних государств, к

Для дальнейшего развития европейского потенциала в мире не обойтись без все более тесной координации европейского строительства с Россией

которым относится и Белоруссия с ее сложным конституционным положением, заключается в том, чтобы в лице России обрести соседа, с которым возможно мирное и партнерское решение как исторических, так и актуальных экономических проблем и проблем в сфере безопасности. В этом состоят основные надежды и ожидания сопредельных стран по отношению к их большому и могущественному соседу.

Внутренняя стабильность России

По отношению к государству, претендующему на право участия во всех глобальных вопросах, существуют значительные требования к его внутренней безопасности. Ибо только внутренне стабильное государство способно играть важную роль в мире. Здесь возникают серьезные вопросы: они были во времена правления Ельцина, есть они и в отношении современного положения в стране. Они касаются не только преемников на посту президента, но и таких тем, как укрепление демократии и следование принципам правового государства. На Западе, в Европе очень сложно представить, как государство может существовать без поддержки населения, выражающейся не в результатах опросов, а в непосредственном гражданском участии. Какие опасности таятся в положении, когда люди не видят для себя будущего, показывают народные восстания в арабских странах, начавшиеся в Тунисе и Египте. Может ли Россия позволить себе отток специалистов за границу? Обеспечивается ли социальная защита для большей части населения или же здесь существует опасность социальных волнений, как в 1917 году, в конце царской империи? К каким печальным последствиям в Европе, а в случае с евразийской державой Россией и в мире, может привести развал государства, наглядно показал распад Югославии в конце XX столетия. Учитывая эти события и опасения, соседи России, очевидно, заинтересованы в поддержании ее внутренней стабильности.

Роль России

Перечисленные факторы показывают, что Россия весьма существенно воздействует на ход мировых процессов: это и ее роль в Совете Безопасности ООН, и содействие в преодолении глобальных кризисных ситуаций, и поставка энергетических ресурсов. Для дальнейшего развития европейского потенциала в мире не обойтись без все более тесной координации европейского строительства с Россией. Как это будет выглядеть в организационном плане, в настоящий момент не решено. Будет ли это происходить в форме членства в ЕС, или на основе договора о формировании расширенного европейского пространства, или же других правовых институтов, покажет время. Важно предпринять те шаги, которые возможны уже сегодня.

Где России требуются партнеры?

Россия нуждается в США — в первую очередь, потому что без них ей очень сложно обеспечить свою безопасность. Признание того, что безопасность сегодня реализуется не в противостоянии, а лишь при помощи друг друга, является достижением международной политики со времени окончания холодной войны. Интерес России к уменьшению американского мирового господства может быть реализован только во взаимодействии с другими партнерами, например странами БРИК. При этом Россия в особенности остается зависимой от качества отношений с Китаем, который из-за демографических диспропорций на Дальнем Востоке по-прежнему является предметом российской обес-

Пабло Пикассо. Коррида. 1934

покоенности. Для обеспечения внутренней стабильности России необходимо интенсивное сотрудничество с западными партнерами — США, Европой и не в последнюю очередь с Германией. С их помощью Россия сможет осуществить столь необходимую ей модернизацию, выходящую за рамки экономики и охватывающую также демократические и общественные институты. Россия нуждается в помощи всех ведущих экономик для привлечения их инвестиционных ресурсов в целях экономического обновления. Это касается Европы и США, а также Китая и Японии.

Проблемы сотрудничества

Исторический путь России, особенно в XX веке, но и раньше, всегда был одиночным. Даже сегодня Россия чаще предпочитает действовать одна, чем в союзе с кем-либо. Почти шестидесятилетний интеграционный опыт Европы, процесс европейского объединения показал, что совместными усилиями можно добиться намного большего, чем в одиночку. Оно принесло всем определенные преимущества и опровергло существующий еще в России принцип игры с нулевой суммой: «Твое преимущество — мой проигрыш», и наоборот, как одно из самых неперспективных. Если Россия действительно хочет стать стратегическим партнером для Европы и в мире, ей придется осваивать современные формы сотрудничества. И хотя по многим аспектам роль России в международных отношениях очень важна, от настоящего «партнерства» она пока еще далека, так что цель стратегического партнерства — проблема будущего.

В рамках семинара, прошедшего в октябре 2011 года во Франции, со слушателями Школы встретился ее давний эксперт ***Пьер Розанваллон*** *— профессор, руководитель научно-исследовательского сектора Высшей школы социальных наук, преподаватель новой и новейшей истории в «Коллеж де Франс», автор 15 книг, одна из которых — «Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния» — была издана Школой в 1997 году. Во время встречи П. Розанваллон рассказал о двух своих книгах, посвященных проблемам демократии, «La contre-démocratie»* (Контрдемократия) *и «La l'égitimité démocratique»* (Демократическая легитимность), *которые вышли в свет в 2006–2008 гг. Школа предполагает издать эти книги на русском языке в следующем году.*

Ниже мы публикуем с разрешения П. Розанваллона интервью с ним главного редактора газеты «Le Mond» ***Жерара Куртуа*** *(«Le Mond», 21.IX.2009).*

Власть против общественной пользы

— В своей книге «Контрдемократия» вы анализируете нарушение связей между легитимностью правящих элит и доверием к ним граждан. Подтверждается ли такое серьезное расхождение событиями, происходящими во Франции в последние годы?

— Да, степень недоверия возрастает, прежде всего по причинам структурного характера. Во-первых, доверие можно определить как способность предугадать поведение субъекта в будущем. Когда мы жили в политическом мире, опиравшемся на систему крупных партий и выверенных программ, когда дискуссия велась с помощью четко сформулированных деклараций, политическое будущее было относительно предсказуемым. Сегодня мы оказались в мире, который скорее зависит от прихоти отдельных личностей. Это полностью меняет функционирование института доверия, то есть предсказуемости.

Второй момент заключается в том, что в нашу эпоху — эпоху новой промышленной революции и глобализации — мир оказался более нестабильным, более подвижным, более туманным, а значит — более тревожным. Опасность усилилась из-за начавшегося два года назад финансово-экономического кризиса. Все это оказывает влияние и на серьезные решения в экономической и политической области, и на выбор отдельного человека. Таким образом, мы сегодня живем в мире, где больше угроз и меньше регламентирующих факторов.

— Такова ситуация во всех демократических странах. А как конкретно обстоит дело во Франции?

— Существует вторая причина недоверия, более специфичная для мира политики: расхождение между демократией действия и демократией выбора. Цель демократии выбора — выбрать одного и изгнать другого, ибо выборы — это не только голосование «за» кого-то, но и «против». В разных странах такая система действует более или менее успешно. В этом плане президентские выборы 2007 года во Франции были удачным примером демократии выбора: контраст между личностями кандидатов, их имиджем и программами был достаточно ярким, и у избирателя складывалось впечатление, что выбирать между ними имеет смысл. Для каждого кандидата также был характерен специфический язык, специфические проекты.

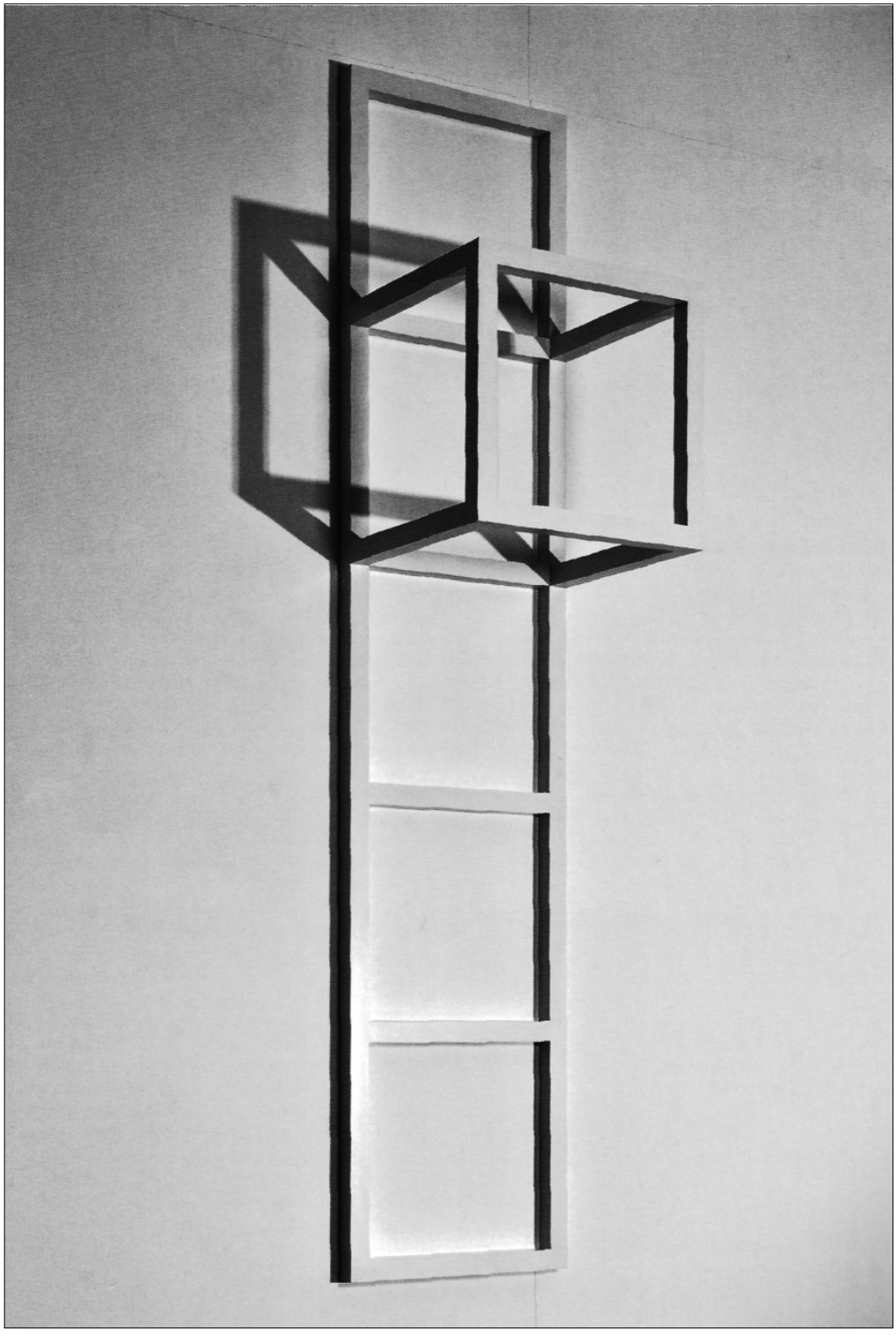
Легитимность власти не есть просто статус, приобретаемый навсегда, она является качеством, которое должно подтверждаться практикой, постоянно строиться заново

Но демократия действия — явление другого порядка. И язык у нее должен быть иным. Демократия выбора основана на воле к победе и близости к избирателю, демократия действия, напротив, отличается сложностью структуры и предполагает наличие вынужденных ограничений. Для предвыборной риторики характерны фразы вроде *«Yes, we can»*, попытки убедить избирателя, что с помощью политики можно многого достичь. В действиях нужно быть большим реалистом; следует признавать, что с помощью политики можно достичь гораздо меньшего. Немедленные результаты демократия действия приносит лишь при назначении определенных людей на ключевые посты в госаппарате — это, как известно, является прерогативой президента Франции. Но в остальных вопросах все уже не так просто.

— Если оставить в стороне риторику, можно ли сказать, что все это оказывает влияние на способ управления страной?

— Демократия выборов делает ставку на олицетворение идей конкретным человеком, воплощение их в личности, на упрощение понятий. Она поляризует общество. Демократия действия, регулирующая демократия функционирует на совершенно иных началах. Для ее функционирования необходимо согласиться с увеличением количества консультативных и контрольных инстанций, признать, что возникающие вопросы не имеют однозначного ответа, а социальные связи сложны и запутанны. Во французских же госучреждениях сложилась специфическая обстановка: усиливающаяся президентская власть стремится единолично воплощать некие идеи, при этом социум еще более поляризуется. Тем самым власть автоматически порождает рост недоверия в обществе и упадок чувства гражданственности.

Такие тенденции проявились и в конституционном законодательстве. С одной стороны, расширение полномочий парламента и прав граждан, особенно в области оспаривания конституционности тех или иных актов, вроде бы создают впечатление расширения правового поля. Но это лишь реверансы в сторону либеральной демокра-



Сол Левитт. Настенная структура с кубом. 1965

тии. С другой стороны, власть продолжает укреплять принцип мажоритарности: руководители государственных СМИ назначаются единоличным решением, обществу навязывается определенное понимание роли прокуратуры.

Суть демократии, по версии Саркози, заключается в следующем: *«Меня избрали — значит я воплощаю волю общества»*. На мой взгляд, вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Одной из проблем нынешнего способа управления государством как раз и является продвижение в массы подобного — весьма опасного — определения демократии, которое, как мне представляется, в некоторых аспектах сближается с путинской теорией «суверенной демократии» либо отсылает нас к политической философии Второй империи Наполеона III, где власти пытались опереться на выраженную в ходе плебисцита «волю масс», чтобы представить себя единственным выразителем идеи общественной пользы. В демократическом же обществе никто не может претендовать на узурпацию понятия общественной пользы, никто не может в одиночку олицетворять волю общества.

— Значит, следует разделять два типа легитимности?

— Безусловно. Философия демократии не предполагает принципиального различия между процедурной легитимностью, приобретаемой через выборы, и содержательной легитимностью — легитимностью действий. Результаты выборов придают легитимный характер правлению в течение определенного срока полномочий — и это разумная система, не позволяющая руководителю стать заложником «демократии мнений». Но легитимность создается также характером принимаемых решений. Вот этого и не признает нынешняя президентская власть во Франции: ее представители постоянно путают легитимность назначения с легитимностью решений. И в этом заключается огромная ошибка: легитимность не есть просто статус, приобретаемый навсегда, она является качеством, которое должно подтверждаться практикой, постоянно строиться заново.

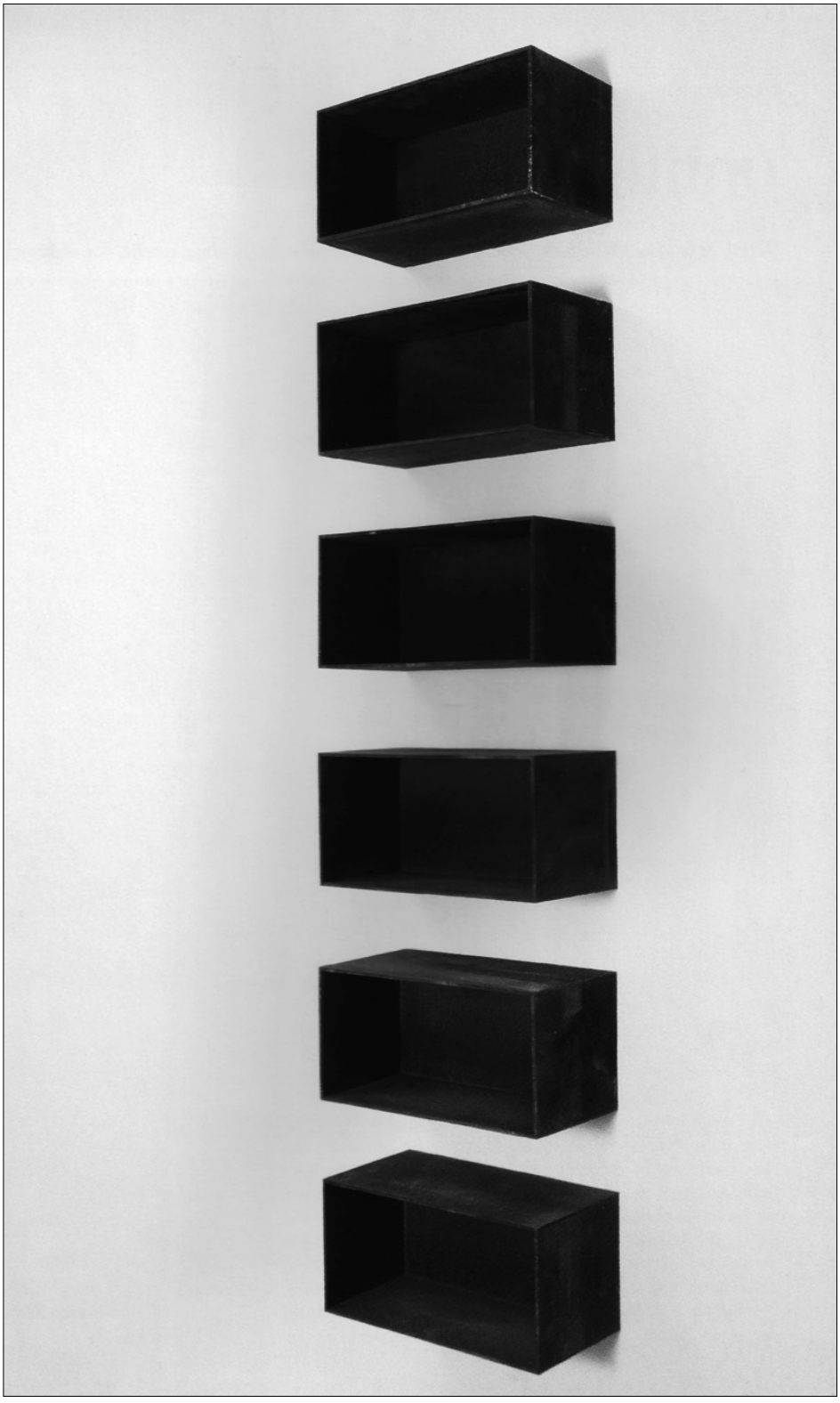
Такая ошибка сегодня бросает тень на функционирование демократических институтов Франции в целом. Правда, за пределами президентской ветви власти существуют регулирующие органы, призванные отвечать на социальные запросы общества, но в практической деятельности власть не делает выводов из опыта их работы.

— Можете привести примеры?

— Мысль о том, что для назначения руководителей телеканалов не нужен независимый совет, представляет собой ужасный откат в прошлое. Увы, приходится признать, что, хотя левые силы и высказали возмущение по этому поводу, они не смогли свое возмущение обосновать теоретически.

— Какое место занимает в этих процессах народ?

— В демократическом обществе единой категории «народ» не существует. Народ многолик, его структура постоянно меняется. Для понимания народа существует несколько способов: выявление объединяющих разные его группы принципов, количественное исследование



Дональд Джуд. Без названия. 1989

изъявления его воли во время выборов, анализ мощных социальных сил, придающих народу конкретное лицо в определенные моменты времени. Таковы проявления народа, которые должны найти особый способ выражения.

— Не кажется ли вам, что такие социальные силы во Франции ослаблены и это становится опасным?

— Меня очень удивляет, что за социальной демократией больше не признают права на легитимность. Такое серьезное мероприятие, как реформа пенсионной системы, проводится напрямую из Елисейского дворца, при этом президент заручился только поддержкой парламентского большинства. Перед нами пример того, как власти порвали с исторической традицией социальной демократии во Франции, причем даже с такими методами, которые правое правительство все-таки применило в 2003 году.

— Как объяснить нежелание властей идти на переговоры?

— Согласно точке зрения Саркози, профсоюзы — это отдельные институты гражданского общества, тогда как государство претендует на роль единственного выразителя социальных интересов общества. Но это неправда. Концепция социальной демократии утверждает, что по историческим причинам существует система представительства интересов как организованного социального движения (профсоюзы), так и неорганизованного (демонстрации), и оба эти движения обладают легитимностью демократического представительства. Власти же действуют так, будто легитимность выборов поглощает и отменяет любые другие формы легитимности и представительства. Необходимо бороться против такой позиции — не только против принимаемых с опорой на нее решений, но даже против самого метода правления, против стоящих за ним притязаний. Все это мне представляется очень серьезным. И очень опасным, поскольку таким образом углубляется пропасть между сверхконцентрацией власти на самом верху и раздробленным на мелкие ячейки обществом, которому отказывают в праве на выражение своего мнения через общественные организации или профсоюзы. В результате в верхах возникает некая смесь бессилия и всевластия.

— В то же время руководители профсоюзов признают, что сейчас попасть на прием к президенту Франции как никогда легко…

— Это просто пиар. Дверь для профбоссов открыта, но серьезно их не воспринимают. Французские власти не воспринимают профсоюзы в качестве серьезной силы в рамках демократического общества. Власти вовсе не следуют стратегии, которая по-английски называется *empowerment,* предполагающей усиление роли профсоюзов. Напротив, профсоюзы изолируются и нейтрализуются. Демократия заключается не в том, чтобы сосредоточить максимум власти в верхах и надеяться, что верхи будут играть роль «добрых якобинцев». Напротив, демократия должна давать власть в руки людей, «спускать» ее на нижний уровень, в разные слои общества.

В сегодняшнем мире наблюдается такое противоречие: с одной стороны, от каждого члена общества ждут, чтобы он сам позаботился о

себе, нес большую ответственность за себя в различных сферах жизни, с другой стороны — в сегодняшней политике наблюдается все большая концентрация власти, порождающая утрату индивидуумом чувства ответственности («*Доверьтесь мне, я все сделаю, как надо*»).

— Значит, нам не хватает противовесов?

— Каждый раз во время выборов граждане получают новый заряд надежд и чаяний, но в то же время в плане функционирования демократии все сильнее проявляется недоверие. Вместо неработающих политических механизмов решения проблем граждане все чаще прибегают к механизмам контрдемократии. И это закономерная реакция. Недоверие нуждается в определенной институциализации, ведь оно означает, что гражданин не готов предоставить властям свободу действий. Демократия не есть легитимация полной свободы действий для властей.

— Похоже, во Франции так и не удается начать реформы в условиях, когда общественная дискуссия сведена к минимуму? Почему?

— Говоря о реформе, мы подразумеваем три процесса, весьма различающиеся по своей природе. Первый — реформа расходов, затрагивающая интересы определенных социопрофессиональных групп, например снижение НДС на услуги общественного питания. Единственным ограничителем подобной реформы являются показатели госбюджета. Второй процесс — реформа распределения, где четко проявляются различия между правыми и левыми силами, поскольку у них разные подходы к распределению средств. Налоговая реформа, начатая три года назад, является ярким примером политического выбора, сделанного в пользу определенных социальных групп. Реформа распределения просто отражает связь между политикой и межклассовыми конфликтами.

Существует, наконец, третий процесс — перестройка общественно полезных государственных и муниципальных институтов, представляющих собой общенародное достояние, — университетов, органов правосудия. Такую реформу невозможно провести без предварительного обсуждения принципов функционирования таких учреждений, их роли в структуре общества. Такое обсуждение нужно организовать. Его нам сегодня очень не хватает.

— К какому из этих процессов можно отнести пенсионную реформу?

— Пенсионная реформа — это сложный вопрос. Она представляет собой одновременно и реформу распределения (при этом на первый план выходит проблема справедливости), и реформу институтов (при этом возникают такие цивилизационные вопросы, как место труда в обществе, взаимоотношений между поколениями и т. д.) Пенсионная реформа — важнейшая составляющая проекта будущего для нашего общества, и поэтому по ее поводу требовалась особенно глубокая дискуссия. Но всякие дискуссии были отметены в весьма диктаторской манере, и власть полностью сосредоточилась на одном вопросе — о повышении пенсионного возраста.

— Не кажется ли вам, что довольно раскованный стиль взаимоотношений между властью и богатством еще более увеличивает недоверие к правящей элите?

— В Европе есть три страны, где связи власти с большими деньгами приобретают тревожащий характер: Франция, Италия и Россия. В этих странах наблюдается как бы сама собой разумеющаяся связь верхушки исполнительной власти с интересами крупных игроков на экономической сцене. Как такое стало возможным? Дело в том, что больше не проявляется, говоря языком психологии, «супер-эго» государственной службы, не действуют адекватные моральные установки.

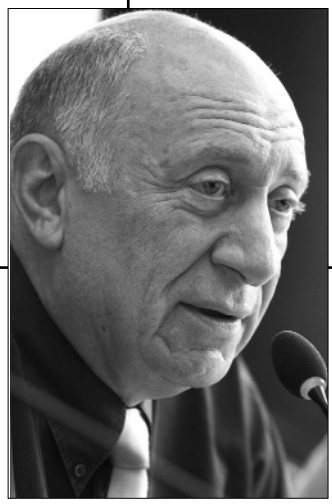
— Что конкретно вы имеете в виду?

— Республиканское государство во Франции никогда не было полностью свободным от определенного рода «особых отношений» с экономическими интересами крупных игроков, однако преобладало ощущение, что Республика должна быть выше всего этого и что дела, в которых политика увязана с финансами, могут подмочить репутацию государства. Сегодня утерян смысл таких понятий, как общественное благо, действия государства в интересах общества. И делается все это с довольно невинным видом. В трех упомянутых мною странах причины такой ситуации одинаковы: самоудовлетворенность властей, их претензии на выражение воли всего общества, поведение «без комплексов».

В этом плане очень красноречивым примером ограниченного восприятия понятия конфликта интересов является «дело Эрика Верта»*. Он строит свою защиту исключительно на понятиях правового характера, постоянно повторяя: *«Я ничего противозаконного не делал»*. Однако тот, кто не понял, что мораль госслужащего не ограничивается соблюдением законов, — не понял главного. Моральный облик госслужащего должен быть таким, чтобы в отношении него даже и не могло возникнуть никаких подозрений. От политического деятеля ждут не только того, чтобы он не совершал уголовно наказуемых махинаций, но и чтобы ни одно подозрение не могло даже в теории омрачить его репутацию.

Нужно, чтобы общество прочувствовало образ действий политиков и согласилось с ним. Общественная польза в ее республиканском, гражданском понимании требует от политиков безупречного поведения. Тот, кто в глазах граждан не сумел отделить себя от неких частных интересов, не может претендовать на выражение идеи общественной пользы. Наблюдающееся безразличие к такому моральному императиву — грозное явление. Оно в корне подрывает уважение к властям.

** Речь идет о расследовании французской прокуратурой дела, связанного с уклонением от части налогов владелицы концерна «Oreal» Л. Бетанкур, а также получением от нее крупной суммы для финансирования предвыборной кампании будущего президента. В причастности к махинациям подозревались бывший тогда министром бюджета Э. Верт и его супруга, служившая в финансовой структуре «Oreal» (Прим. ред.).*



Миндия Угрехелидзе,
председатель Верховного суда
Грузии (1990–1999),
судья Европейского суда
по правам человека
(1999–2008)

*Суд и правосудие: независимость и подотчетность**

У меня есть друг, артист, которого зовут Кахи Кавсадзе. Ему за 70, он играл роль Абдулы в известном фильме «Белое солнце пустыни» и в телефильме Резо Чхеидзе «Житие Дон Кихота и Санчо». Недавно, зная о том, что тяжело болен, он согласился, чтобы о нем сняли документальный фильм. И решил, что надо его назвать «А там — театр есть, на небесах?». Я хочу позаимствовать это выражение и спросить — хотя предполагаю заранее, каков будет ответ, — а там, в небесах, суд есть? Для верующих он, конечно, существует. Но, когда мы говорим о суде на земле, и многие люди не верят в суд на небесах, остается полагаться на то, что принято называть правосудием, то есть формой государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных и гражданских дел. И тогда встает вопрос об ответственности и подотчетности судей за те решения, которые принимаются в судебном порядке. Потому что пока, к сожалению, человечество не придумало другого, более надежного института для разрешения конфликтов между людьми.

Часто говорят, что решения Европейского суда по правам человека не являются источником истины в последней инстанции. Согласен, но хочу заметить, что сам Страсбургский суд тоже не воспринимает себя как такую инстанцию, его принцип — субсидиарность, то есть приоритетность полномочий национальных судебных систем. Суд принимает к рассмотрению дела лишь в тех случаях, когда исчерпаны все национальные средства правовой защиты.

К тому же напомню: как в национальных, так и в международных судах существует так называемый институт особого мнения; в Страсбургском суде — это Большая палата, которая состоит из 17 человек. Я присутствовал на ее заседаниях и в качестве свидетеля, и в качестве участника и видел, что иногда ее

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 18 июля 2011 г.*

решения принимаются всего девятью голосами судей против восьми, хотя понятно, чтобы полностью доверять решениям, требуется все-таки больший перевес. Например, когда я был свидетелем в деле «Банкович против Бельгии» в связи с бомбардировкой авиацией НАТО в 1999 году здания сербского телевидения, гибелью 16 человек и ранением еще 16, в иске было отказано, и, естественно, я переживал. А потом участвовал в рассмотрении иска по тому же делу против Италии другой группы истцов — «Маркович против Италии». И оказался среди семи судей в меньшинстве, но был горд, что в таком меньшинстве, которое было против отказа в разбирательстве этого дела. Это была наша профессиональна совесть, мы голосовали против решения, которое не считали справедливым.

Так что не стоит думать, будто бы суд в Страсбурге бесполезен и с ним не надо считаться. То, что строится новая Европа, что она меняется, то, что в Европе запретили родителям избивать своих детей или наказывать их в школе, что мужьям запрещено насиловать своих жен, что в постановлении суда по делу «Таске против Бельгии» об отсутствии мотивировки в обвинительном приговоре суда присяжных было недвусмысленно сказано, что суд присяжных не есть панацея, а иногда его приговоры даже противоречат правовым принципам и установлениям, — это все делается руками Страсбургского суда. И поскольку мы, то есть и Грузия и Россия, поставили свои подписи под Европейской конвенцией, то должны до конца следовать ее принципам, потому что решения суда принимаются на основе закона и принципов Конвенции и, конечно, на основании внутреннего сознания судьи. То есть адекватного толкования им идеи верховенства права, а не «диктатуры закона», когда хотят подчеркнуть, как важно соблюдать закон. Разумеется, справедливые законы надо соблюдать. Но ведь законы, как и люди, бывают хорошие и плохие, могут быть встроены в определенную политическую, например нацистскую, систему или тоталитарную. Поэтому давайте будем исходить из идеи верховенства права, потому что целый ряд прав принадлежит нам от рождения — это естественные права человека. Они нам даны в силу того, что мы родились людьми, у нас есть достоинство, мы должны жить, процветать, быть счастливыми, и создать условия для этого в состоянии только правовое государство.

Что значит «правовое государство»? Американцы, отвечая на этот вопрос, обычно рисуют круг, который делится на три сегмента — законодательный, исполнительный и судебный. Одна «лошадь» тянет лямку власти законодательной, другая — исполнительной и третья — судебной. Здесь главное, хотя вертикаль сохраняется, — это горизонталь, когда ветви власти друг друга контролируют. У каждой своя область контроля. У законодателей — парламентский контроль над исполнительной властью и право импичмента, то есть на особую процедуру привлечения к суду высших должностных лиц государства. Но это скорее политическое действие, чем правовое. Можно объявить импичмент, но судебный процесс не отменяется и, в конце концов, человек может быть оправдан или нет, и тогда он отстраняется от должности. Затем существует президентское вето, когда президент страны имеет право приостанавливать законы, принятые парламентом. И, наконец, — судебный контроль, я имею в виду прежде всего конституционный суд (в Америке его функцию осуществляет Верховный суд). В отличие от парламента конституционный суд не избирается народом, а формируется по разным схемам. На него возложен контроль за соблюдением конституции, за соответствие ей всех нормативных актов. В России, как известно, он был создан в 1991 году. Конституционный суд имеет право объявлять принятый закон неконституционным. Вот

Рене Магритт. Ключ полей. 1933

такое положение вещей: балансирование этих сил позволяет снижать уровень злоупотребления властью.

Существует мнение, что суд и СМИ могут быть совершенно независимыми. Это далеко не так, если, конечно, мы будем оставаться в рамках права и мыслить правовыми категориями. Сошлюсь на пример телевизионной передачи порнографического характера. Нужна ли в этом случае цензура? С точки зрения превентивного подхода, то есть действий, направленных на предотвращение асоциального поведения, казалось бы, нужна. Но возможен и второй подход, с позиций «репрессивной системы»: показывай, говори, что угодно, но учти, что на тебя могут подать в суд и возбудить дело. И этот второй подход является демократическим, поскольку существуют права человека, в том числе предусмотренные европейской Конвенцией, — абсолютные и неабсолютные. И на свободу выражения, как и на показ порнографии, абсолютный запрет может не распространяться. Хотя, разумеется, нередко бывают случаи, когда «свобода мысли» и действия могут приводить к непредвиденным последствиям. А раз так, нужно реагировать на это в правовом поле, тем более что существуют нормы нравственности.

Конечно, суд должен быть независимым, а иначе он не сможет выполнять ту миссию, которая на него возложена. А если суд окажется пристрастным? Значит, должны все же существовать какие-то принципы ответственности. Но допустим, суд, являясь независимым, оказался непрофессиональным. Нужен ли нам тогда вообще такой суд? Или, допустим, суд профессиональный, но несправедливый. Или — он справедливый и готов принимать справедливые решения, но затягивается на годы. Следовательно, суд должен быть не только справедливым, беспристрастным и профессиональным, но и, что не менее важно, доступным, потому что слишком высокие цены за оказываемые услуги тоже сказываются на качестве принимаемых судебных решений.

Как же быть в таком случае судьям, когда они принимают решения и должны принимать их в соответствии с законом, а не правом? То есть встает фундаментальный вопрос о том, что такое право и где кончаются правовые границы. Ясно, что закон — это то, что существует в виде текста, записано на бумаге. Здесь ответ довольно прост с научной точки зрения. Закон надо интерпретировать, разъяснять, истолковывать. И, во-вторых, не забывать о международных общепризнанных нормах права, учитывая, что право зиждется на морали, у него нет собственной субстанции. Право — это синтез моральных и политических начал, когда можно говорить о его консервативном элементе, то есть нравственности, и об элементе целесообразности, то есть политике. Но вопрос о границах и в этом случае не снимается, если учесть, что законы, как и люди, бывают хорошие и плохие, и речь идет, как я уже сказал, о наших естественных правах.

Справедливость – это цель, идеал, то, к чему мы должны стремиться, а право – средство, которое используется для того, чтобы правда служила справедливости

Посмотрим, как складывались исторически различия между *естественным правом*, под которым юристы понимают совокупность универсальных норм и принципов, находящихся в основании правовых систем, и *позитивным (положительным) правом*, то есть правовыми нормами, которые оформляются как система законодательства, поддерживаемого силой государства.

Естественное право рождается в форме обычного права, а позитивное возникает гораздо позже, с появлением государст-

венности. При этом если естественно-правовые нормы существуют в виде неписаных обычаев и традиций, в содержании религиозных и этических требований, то позитивно-правовые нормы — в виде формализованных и письменно закрепленных нормативных актов юридического характера. И, собственно, поэтому естественные права человека на жизнь, свободу, собственность считаются принадлежащими ему изначально, тогда как согласно позитивно-правовой логике, он получает их из рук государства, так как позитивное право отождествляется с действующим законодательством. А его сущность определяется обычно в таких терминах, как воля государства, возведенная в закон, либо как система принудительных средств, применяемых государством по отношению к гражданам с целью поддержания необходимого порядка.

Этот нормативно-ценностный разрыв между естественным правом и позитивным — поскольку там, где основой права считается государственная власть, господствует право силы — и вынуждает судей, писал выдающийся немецкий ученый-правовед Густав Радбрух (1878–1949), жертвовать собственным правовым и нравственным чувством во имя высшего авторитета закона. Придерживаясь позитивистских взглядов, этот конфликт он называл «трагическим», поскольку не видел его решения*. Однако после разгрома фашистской Германии во время Нюрнбергского процесса, когда судили в том числе и судей, которые говорили, «за что вы нас судите, мы же исполняли законы», он опубликовал две статьи — «Пять минут философии права» и «Законное право и надзаконное право», свидетельствующие об эволюции его взглядов на юридический позитивизм. Исходным пунктом его анализа в этих статьях являются приоритет и исключительная ценность личности в праве. Определяя право как волю к справедливости, он сформулировал положение, которое вошло в послевоенную историю философии права под названием «формулы Радбруха». Конкретизировав понятие «антигуманных законов» Третьего рейха и отрицая их обязательность для судей, он писал, что отныне судья обладает правом отказываться от выполнения законов, несовместимых со справедливостью. Таким законам он отказывает в правовой природе, так как в них сознательно не признается равенство, составляющее суть справедливости.

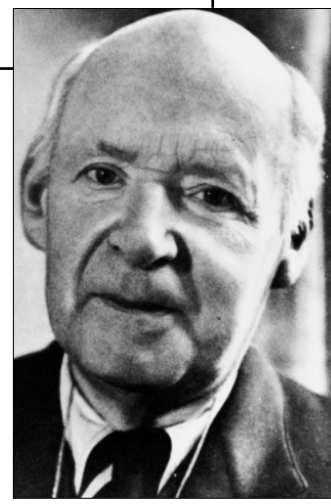
В результате мы получили возрождение естественного права после Второй мировой войны. Положения статьи Радбруха «Законное право и надзаконное право» были развиты Европейским судом по правам человека, а его формула неоднократно применялась немецкими судами при денацификации Германии и в отношении законов бывшей ГДР.

В настоящее время границы между естественным и позитивным правом устанавливаются в международных судах на основе прецедентного права.

В заключение хотел бы обратить внимание на русские слова, которые имеют один и тот же корень: «правда», «право», «справедливость». Правда — это установление истины, это факты. Справедливость — это цель, идеал, то, к чему мы должны стремиться, а право — средство, которое используется для того, чтобы правда служила справедливости. В противном случае, отказываясь от Фемиды, мы прибегаем к Немезиде. А Немезида — это уже не богиня правосудия, а богиня мести. К сказанному добавлю, что лучший образ Фемиды — это ее изображение не только с повязкой на глазах (символ беспристрастия) и с весами в руках, но и с рогом изобилия. Это намек на то, что без справедливости не будет благоденствия. Поэтому мы должны учиться добиваться справедливости в судебных делах и постоянно искать пути к истине, которая называется правом.

** Густав Радбрух. Философия права. Пер. с нем. — М.: Международные отношения, 2004. — С.101.*

*Пять минут философии права**



Густав Радбрух

Минута первая

«Приказ есть приказ» — говорят солдату. «Закон есть закон» — утверждает юрист. Тем не менее ни долг, ни закон не требуют от солдата подчиняться приказу, цель которого — преступление или правонарушение. Тем временем юрист — а последний из правоведов в области естественного права умер сто лет назад — не признает никаких исключений из действия закона и подчинения ему законопослушных граждан. Закон действует, потому что это — закон и потому что его сила признается в большинстве случаев.

Такой взгляд на право и правомерность законов (мы называем это позитивистской теорией) сделал всех людей, включая юристов, беззащитными перед произвольными, жестокими или преступными законами, вплоть до ужасных крайностей. В конечном итоге в позитивистской теории закон приравнивается к власти и силе; закон пребывает лишь там, где есть сила.

Минута вторая

Предпринимались попытки дополнить или заменить это положение другим: закон есть то, что служит на благо людям.

Иными словами, произвол, нарушение договоренностей и беззаконие — если это идет на пользу людям — суть закон. Практически это означает, что все, идущее, по мнению государственных властей, на благо людям, есть закон, включая любую прихоть или каприз деспота, наказание без суда и следствия, незаконное умерщвление больных. Это *может* означать, что частное благо властей предержащих будет восприниматься как общественное благо. Поистине именно уравнивание права с мнимой или явной общественной пользой превращает правовое государство в разбойное.

Нет, право не означает: «Все, что полезно людям, законно». Оно означает: «Только то, что законно, полезно людям».

Минута третья

Право — это воля к справедливости. Справедливость же состоит в том, чтобы судить без оглядки на кого бы то ни было и всех мерить одной меркой.

** Gustav Radbruch.Funf Minuten Rechtsphilosophie // Rhein-Neckar-Zeitung"(Гейдельберг), 12 сентября 1945. Перевод на русский язык выполнен с перевода на английский и сверен с оригиналом: Gustav Radbruch. Five Minutes of Legal Philosophy. // Oxford Journal of Legal Studies, vol. 26, No. 1 (2006), p. 13–15.*

Когда приветствуют убийство политических противников, когда приказывают убивать представителей другой расы, а за такие же преступления против своих единомышленников карают самыми жестокими и унизительными наказаниями, то это не справедливость и не право.

Если законы намеренно попирают волю к справедливости, например, произвольно предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них, то такие законы недействительны, люди не обязаны им подчиняться, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовую природу.

Минута четвертая

Разумеется, что к целям права, наряду со справедливостью, относится и общее благо. Конечно, законы, даже плохие законы, обладают ценностью — проверять сомнение правом. Верно и то, что несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права — общее благо, правовую определенность и справедливость, и остается лишь выбирать между тем, мириться ли во имя правовой определенности с существованием плохих, вредных или несправедливых законов или отказывать им в действии, принимая во внимание их несправедливость или вред, наносимый всему обществу. Одно, тем не менее, должны со всей ясностью осознавать все люди — и юристы в частности: *могут* существовать законы, которые столь несправедливы и вредоносны для общества, что им надлежит отказывать в действии и в правовой природе.

Минута пятая

Таким образом, существуют правовые принципы гораздо более весомые, чем любое юридическое предписание, и закон, противоречащий таким принципам, не действует. Подобного рода принципы именуются естественным правом. И хотя в отдельных деталях они подвергаются сомнению, в течение веков выкристаллизовалась их твердая сердцевина, и они были закреплены, с общего согласия, в так называемых декларациях основных и гражданских прав человека, так что лишь у самых догматичных скептиков они все еще могут вызывать сомнение.

На языке веры те же идеи нашли отражение в двух стихах Библии. В Писании говорится, что необходимо повиноваться наставникам и быть покорными (К Евреям, 13:17) , но говорится и то, что «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деяния, 5:29), и это не только благочестивое пожелание, но и действенный правовой принцип. Однако противоречие, возникающее между двумя этими установлениями, нельзя разрешить, обращаясь, скажем, к завету «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (От Марка, 12:17). Ибо даже эти слова оставляют сомнение относительно границы между первыми двумя требованиями. Скорее, они уступают решение голосу Бога, который лишь в исключительных случаях обращается к человеческой совести.

Перевод с английского
Марка Дадяна

Гражданская позиция выгодна обществу

Никита Белых, губернатор Кировской области

В моей работе, как и каждого губернатора, есть два основных направления. Первое, тактика, это собственно хозяйственные вопросы: строительство дорог, школ, больниц, стадионов, газификация и т. д. Однако только это не может обеспечить долгосрочное успешное развитие: можно построить отличные дороги, но если по ним некому будет ездить, толку от них не будет.

Я всегда считал и считаю главной целью для себя создание основ для будущего роста и развития. Губернатор, независимо от того, избран он напрямую или назначен, все равно имеет конечный срок полномочий и рано или поздно уходит. Значит, необходимо с максимальной пользой для региона начать те процессы, которые бы развивались вне зависимости от того, кто займет место главы области, края или республики.

Понимание, что это за процессы, как их запускать, должно основываться на понимании сути тех проблем, которые испытывают наша страна, общество, власть, бизнес. Эти проблемы, как мне кажется, гораздо сложнее, чем иногда принято думать. Многие искренне считают, что во всем виновата власть: власть коррупционная, власть неэффективная, власть неповоротливая, плохая. Соответственно, делается вывод, что надо поменять власть, убрать плохих парней, назначить хороших, и тогда мы все заживем замечательно. На мой взгляд, это крайне опасное заблуждение.

Может ли в системе, которая работает не очень хорошо, отдельный человек, руководитель, сделать так, чтобы хотя бы часть этой системы работала лучше? Можно ли изменить систему, находясь внутри нее? Это дискуссия, которую и представители оппозиции часто ведут между собой, и эксперты, и политологи. Считаю, что все средства хороши: должны быть и уличная активность, и попытки создания партий, участие в выборах в тех партийных

форматах, которые есть. Я исхожу из того, что в рамках своих возможностей пытаюсь это делать. Выборы, информационная открытость, независимые СМИ картину в целом не поменяют кардинально. Но могут формировать если не историю успеха, то, во всяком случае, положительные примеры того, чего можно реально достичь на уровне отдельно взятого региона, города или поселения.

Власть не существует в безвоздушном пространстве, она тесно и неразрывно связана с обществом. У нас не стоят, как бронепоезд на запасном пути, тысячи благородных потенциальных чиновников, готовых прийти на место действующих, плохих и ворующих. Проблема глубже, потому что она коренится не только в неэффективности, коррупционности, неповоротливости власти, но и в самом обществе. А общество наше российское в своем большинстве пассивно и безынициативно. Оно не верит в собственные силы, не верит, что может что-то изменить, каким-то реальным действиям предпочитает просто ругать власть за все (за мусор в подъезде, за разбитую лампочку), но при этом на эту власть искренне надеется, причем надеется во всем. В то же время власть эффективно работает тогда, когда ее контролируют. Пассивное общество контролировать власть не в состоянии. Даже если власть сменится, а общество останется тем же, то принципиальных изменений не произойдет. Для успешных преобразований в стране должны измениться не только власть, но и общество, и их взаимодействие. Поэтому считаю, что в губернаторской работе в регионах есть две составляющие: первая, как я уже сказал, сугубо хозяйственная, а вторая — стратегическая, как раз направленная на то, чтобы изменить отношения власти и общества. И здесь, мне кажется, действовать надо в нескольких направлениях, причем у меня нет какого-то чудесного рецепта, который обеспечил бы позитивный результат. Но я достаточно отчетливо вижу два направления: первое, это повышение информационной открытости власти, чтобы общество понимало, что, зачем и почему власть делает. И второе, это создание стимулов для того, чтобы обществу было выгодно проявлять гражданскую позицию. Если говорить о том, что может сделать один отдельно взятый губернатор, я считаю, что в плане открытости власти мы делаем достаточно много. Я сам читаю все, что мне пишут и обо мне пишут, и пытаюсь как-то комментировать и отвечать; все заседания в области транслируются в сети Интернета, доступен видеоархив трансляций. Организуются отчеты и защита планов всех органов власти, они выложены на сайте, каждый может ознакомиться. Мы впервые в конце прошлого года — начале этого провели защиту планов всех муниципальных образований на ближайшие 3 года. Все 40 муниципальных образований публично, в присутствии общественности, у себя на территории защищали свои планы, они тоже вывешены в Интернете. Я сам каждый год публикую перечень моих публичных обещаний, потом отчитываюсь о выполнении этих обещаний: что было сделано, а если не сделано, то по какой причине. Общество в Кировской области имеет все возможности для того, чтобы понимать, что и для чего делает власть.

Ведут ли информационная открытость и честные выборы автоматически к снижению патерналистских настроений и повышению гражданской активности? К сожалению, нет. На мой взгляд, информационная открытость и честные выборы, независимые СМИ, которые также очень активно присутствуют в Кировской области, необходимые, но не достаточные условия. Без них гражданское общество

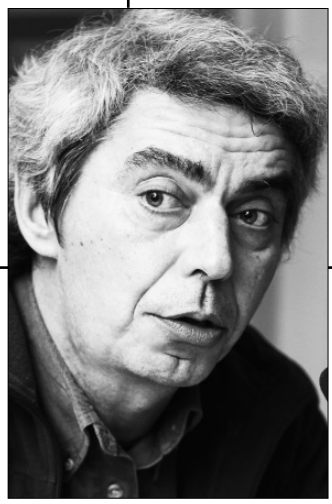
появиться вряд ли сможет, но и их наличие абсолютно не гарантирует того, что гражданское общество начнет вдруг развиваться и расцветать.

Что тогда может привести к развитию гражданского общества? У меня есть свой вариант ответа. Я очень коротко по нему скажу, потому что в прошлом году подготовил и опубликовал большой доклад «7 необходимых шагов к гражданскому обществу». Его суть заключается в том, что гражданская активность начинает проявляться тогда, когда самому человеку это становится выгодно. На пальцах объяснить, что демократия лучше, чем не демократия, а активность лучше пассивности, не получается. Я помню, как когда-то мой товарищ, ныне губернатор Пермского края Олег Чиркунов, написал у себя в блоге, что люди в жизни могут занимать либо позицию жертвы, либо позицию ответственности. Причем все начинается с пустяков: если опоздал на встречу, то объяснение, что пробки в городе, это позиция жертвы, а вот если признался, что не рассчитал время, это позиция ответственности. Если какую-то ситуацию можно оценивать с позиции ответственности и признавать, что от тебя зависит твоя судьба, тогда появляется шанс эту судьбу изменить. Констатация «меня уволили» или «я потерял свою работу» формально вроде одно и то же, но, по сути, имеет разные смыслы. «Мне мало платят» и «я мало зарабатываю» — то же самое. Переходя от положения жертвы к позиции ответственности, человек начинает управлять ситуацией и во многом меняет свою жизнь. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что большинство граждан мирятся с положением жертвы и не верят, что их усилия могут изменить жизнь к лучшему. Поняв это, можно понять многое. Поэтому нужно создать какие-то меркантильные стимулы, благодаря которым у граждан сформировался бы вполне корыстный интерес — встать с дивана, что-то сделать, соответственно получить от этого какую-то выгоду. Шаги, которые можно было бы сделать, стимулирующие факторы я как раз и изложил в докладе. Они в основном касаются сфер налогообложения и местного самоуправления.

Переходя от положения жертвы к позиции ответственности, человек начинает управлять ситуацией и во многом меняет свою жизнь

Я описал конкретный механизм; это и вопросы, связанные с самообложением, то есть добровольными взносами граждан на местное обустройство, проект, который реализуется в Кировской области; это и проект поддержки инициатив, который реализуется у нас Всемирным банком уже второй год; есть вопросы, связанные с дополнительным пенсионным обеспечением, с бытовым страхованием жизни и ряд других проектов, в том числе некоторые предложения по изменению принципов администрирования отдельных налогов, в частности налога на доходы физических лиц.

С точки зрения перспектив развития общества и развития страны в целом, конечно, ключевым элементом является местное самоуправление. Без активной позиции жителей местных сообществ ничего не удастся сделать. Если активная позиция будет сочетаться с неким уровнем компетенции и квалификации тех, кто этим занимается, то тогда, я уверен, ситуация не столь безнадежная.



Никита Соколов, историк, редактор журнала «Вокруг света»

«Россия для русских»

В последнее время все чаще приходится слышать лозунг «Россия для русских». Он звучал и раньше, но прежде был уделом маргиналов. Ныне его начинают примеривать на себя вполне перспективные политики. Поэтому имеет смысл обратиться к отечественной истории и посмотреть на его истоки, учитывая, что реализация подразумеваемой им программы, то есть комплекса политических мер, направленных не только на «русификацию инородцев», началась задолго до появления самого лозунга.

До конца XIX века слово «русский» означало всего лишь «относящийся до России». Когда требовалась, как тогда говорили, «племенная» характеристика, употреблялось слово «великоросс». В Вильно, который был важным культурным центром в черте еврейской оседлости, выходила газета «Русский еврей». И никому это не казалось странным, звучало примерно так же, как «Советский спорт». Только в 1905 году в одной из своих программных статей редактор консервативных «Московских ведомостей» и идеолог правых Владимир Грингмут сможет написать «”Россия — для русских”, — таков лозунг Русской монархической партии», и этот пассаж уже не будет звучать ни глупостью, ни тавтологией. Но для того, чтобы это стало возможным, должна была произойти трансформация как слова, так и реальности, должно было образоваться представление о том, что, собственно, входит в понятие «русскость».

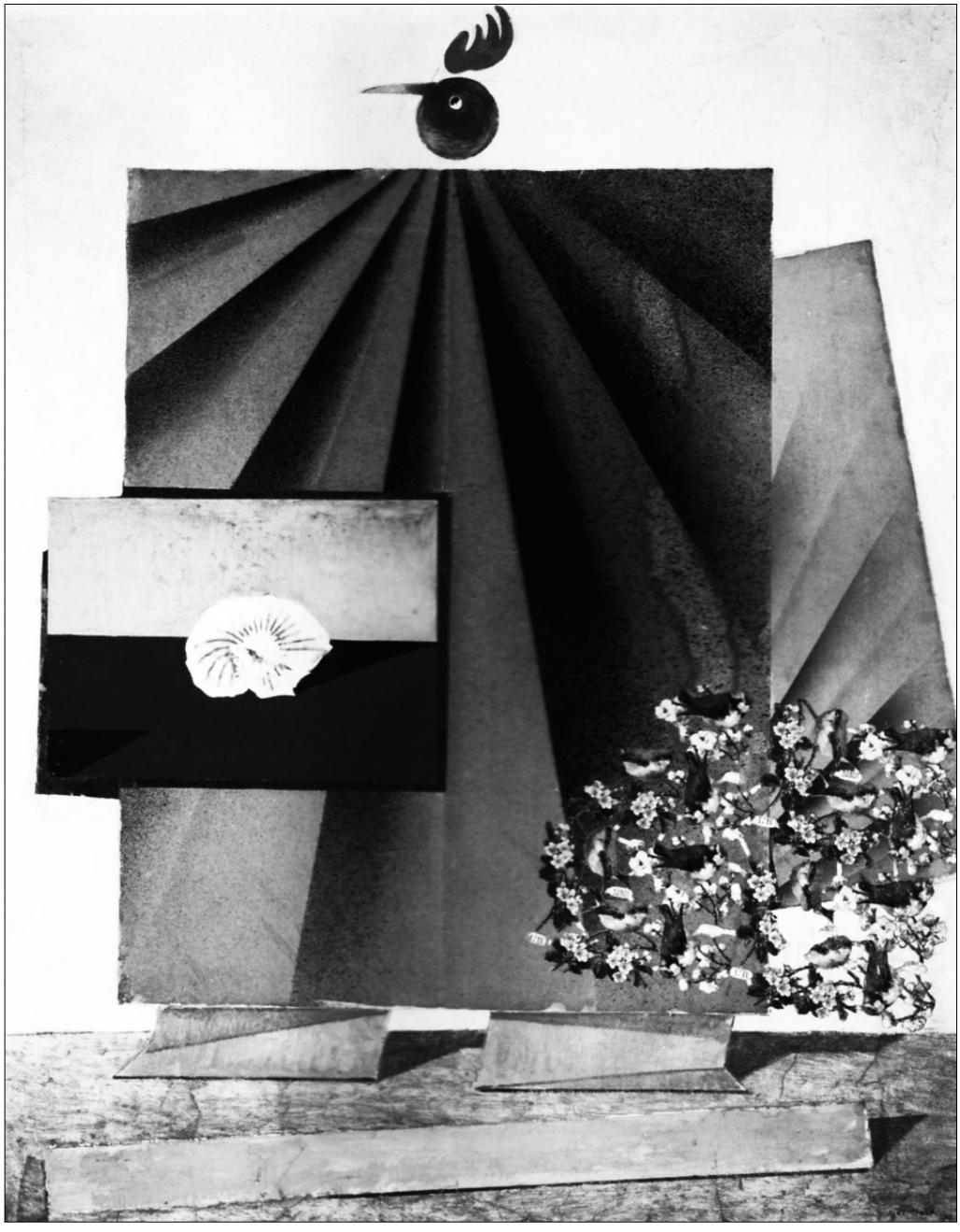
Слово «русский» наполняется новым содержанием, когда становится чисто политическим понятием, не имеющим отношения к этнической принадлежности, в 1880–1890-е годы. По всей видимости, первое его употребление в этом новом смысле относится к 1881 году. Оно встречается в характеристике, которую при начале контрреформ их идеолог, обер-прокурор Святейшего синода Константин Победоносцев, дает новому министру внутренних дел. До него главой министерства внутренних дел был Михаил Лорис-Меликов, который готовил России конститу-

цию и в частности предполагал ввести в состав Государственного совета представителей земств, что было важным шагом к созданию парламента. Но после убийства 1 марта 1881 года императора Александра II он удаляется, и его место занимает граф Николай Игнатьев. Николай Павлович был человек сомнительных нравственных качеств, это было широко известно, к рукам его много «прилипало». Но вот как характеризует его Победоносцев. «Граф Игнатьев — человек не из чистого металла, напротив, весь из лигатуры, но в нем звенит серебро русского инстинкта». Понятие «русскости» еще не рационализовано, и суть его постигается инстинктивно. Однако постепенно оно приобретает ясность и определенность. При этом слово окончательно лишается «племенного» оттенка. Человек может быть по своей этнической принадлежности, «по крови», как сейчас сказали бы, чистейшим русаком, но «русским человеком» в этом новом смысле назван быть не может. Характерна максима ультраправого депутата Государственной думы Владимира Пуришкевича: «Можно быть Анрепом — и русским, можно быть Милюковым — и жидом». «Истинно русскими людьми» почитались в начале XX века такие, например, персонажи, как ярый русификатор Кавказа грузин Иван Думбадзе, прославившийся свирепостью на посту ялтинского градоначальника, и уже упоминавшийся главный идеолог националистов крещеный еврей Владимир Грингмут, но не князья Рюриковичи Дмитрий Шаховской и Павел Долгоруков — основатели и лидеры Конституционно-демократической партии. Так как истинно русским не мог быть либерал — пропагандист западных, «нерусских» ценностей. Русский — это человек, которому любезны, во-первых, православие как основа мировоззрения, а во-вторых, самодержавие как краеугольный камень общественного порядка.

Реализация лозунга «Россия для русских» естественным образом предполагала две цели. Во-первых, сделать в политическом смысле как можно большую часть подданных российского императора русскими и, во-вторых, создать подобающую для этих русских Россию.

Вредоносные культурные типы

Без большого преувеличения можно утверждать, что правительство Александра III вооружается идеями Николая Данилевского, выдвинувшего в 1871 году в книге «Россия и Европа» наукообразную концепцию существования «культурно-исторических типов». Книга эта непосредственно по выходе не произвела на широкую публику сильного впечатления, но в 1880-е была извлечена из забвения и многократно переиздавалась. «Всякое племя или семейство народов, — по мысли Данилевского, — характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою... составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества». Каждый из этих типов совершенно самобытен и в своем историческом творчестве достигает высот в одной из главных сфер человеческой деятельности, которых выделяется четыре: религиозная, культурная, политическая и социальная. Россия вместе со



Макс Эрнст. Антропоморфная фигура и цветок–раковина. 1930

«славянством», к которому «по необходимости» должны будут примкнуть румыны и венгры, образует новый культурно-исторический тип, совершенно отличный от европейского. Этому типу предстоит достичь совершенства во всех четырех сферах исторического творчества. Влияние иных типов служит лишь помехой и препятствует решению этой задачи. В практическом плане реализация идеологемы Данилевского требовала ограждения русского культурного типа от

вредоносных внешних влияний и укрепления его на территории политического доминирования. Все иные культурные типы, до того мирно развивавшиеся на окраинах империи, теперь в перспективе Данилевского почитаются угрозой и должны «исчезнуть», а их носители — русифицироваться. Эта «русификация» не имела общего плана и приобретала различные формы в разных частях империи, имевших разные льготы и вольности.

Наиболее интенсивно проводится русификация в Прибалтике, в Привисленском и Юго-Западном краях (имя «Польша» исчезло с административных карт после восстания 1863 года) и в Закавказье.

Прежде всего насаждается русский язык. В Польше, в Прибалтике запрещается преподавание на нерусском языке, везде, кроме начальных школ, самых начальных классов. Меры эти воспринимаются чрезвычайно болезненно местной интеллектуальной элитой, поскольку в это время на окраинах идут интенсивные процессы нациестроительства, начинает оформляться финское, армянское, азербайджанское, грузинское национальное самосознание.

Помимо русского языка повсеместно насаждается православная вера, хотя и эта общая стратегия в разных частях империи приобретает разные формы. В прибалтийских губерниях главный удар приходится по протестантам, в частности принимаются жестокие нормы, карающие возвращение в протестантизм после перехода в православие. В таком случае браки, заключенные в православии, становились недействительными и дети от этих браков почитались впредь внебрачными, что влекло для них серьезные поражения в гражданских правах. В Привисленском и Юго-Западном краях принимаются решительные меры по ограничению прав католиков и католической проповеди, униаты обращаются в православие с применением насильственных мер.

Наиболее острые формы эта духовная русификация приняла в Армении, где древняя армяно-григорианская церковь была влиятельной силой в народе и не только окормляла его духовно, но и выполняла множество общественных функций, в частности практически вся школа была в руках армянской церкви. В 1903 году для подрыва церковного влияния было принято по почину министра внутренних дел Вячеслава Плеве решение об изъятии всех недвижимых имуществ армянской церкви, они были отписаны в казну, то есть церковь лишалась всяких материальных возможностей нести дальше традиционные общественные функции. Реализация этой меры, от которой вскоре власти и вовсе вынуждены были отказаться, сопровождалась столкновениями верующих с войсками. В результате Армения, самый искренний и надежный союзник России в Закавказье начиная с XVIII века, сделалась одним из главных очагов революционного терроризма.

Такое же разрушительное действие русификация произвела в Финляндии, где она принимала формы ограничения и даже отчасти ликвидации норм финляндской конституции 1815 года. В 1899-м высочайшим манифестом Николая II местный сейм был лишен прав, которые были ему даны при присоединении Финляндии к России. В Великом княжестве вводится общерусское законодательство, общерусская администрация. Ликвидировалось особое фин-

ское войско, финляндцы теперь должны были служить на общих правах и на всей территории империи. Все эти меры достигли результатов, прямо противоположных ожидаемым. Прежде всего они способствовали сплочению до того вполне равнодушных к вопросам национальной идентичности финляндцев. В течение буквально трех лет небольшая интеллигентская группировка, занимавшаяся исследованием и пропагандой карело-финского поэтического эпоса «Калевала», сделалась сильным лидером новообразовавшейся нации, которая оказалась способна на энергичный и внушительный протест. Еще в 1899 году финны подали петицию в адрес императора с просьбой вернуть им прежние законодательство и права, которую подписала четверть населения княжества. Петиция не была им принята. Не менее впечатляющим было «голосование ногами». В 1901 году на призывные пункты в Финляндии явилось меньше половины призывников.

Во многих регионах империи начинают выдвигаться программы национальной автономии. Особенно популярной идея национально-культурной автономии становится в Грузии. Практически все грузинские интеллигенты становятся социал-демократами австрийского толка. И в целом в 1905 году национальные окраины оказываются гораздо более взрывоопасными, нежели даже взбаламученная социальным конфликтом Центральная Россия. Причем наиболее опасной окраиной становится Финляндия, которая тогда начиналась в 20 км от столицы империи, и все финляндцы, когда имелась такая возможность, предоставляли террористам укрытие, финляндские коммерсанты контрабандой доставляли для нужд российских революционеров большие партии оружия. В Финляндии совершается самое большое число покушений на агентов власти, включая убийство в 1904 году генерал-губернатора Николая Бобрикова.

Попечительная вертикаль

Об издержках «русификации» достаточно хорошо известно, о них рассказывают и в российской школе, а во многих странах, образовавшихся на развалинах Советского Союза, память об этих временах специально культивируется и служит важным элементом в конструкции новой национальной идентичности.

Гораздо менее известно, чем обернулась политика «Россия для русских» собственно для великороссов. На них отрабатывалась другая часть обозначенной выше двуединой задачи: власти намеревались сделать всех русскими в политическом смысле, то есть приверженцами идеала самодержавия, и дать этим русским подобающую им Россию, где внутренние порядки соответствовали бы национальному идеалу.

Прежде всего были приняты меры, долженствующие положить преграду к распространению чуждых русскому национально-культурному типу либеральных идей. В августе 1881 года Александром III было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В силу этого положения генерал-губернатор для одной губернии или комитет министров для

ряда губерний могли ввести сроком на полгода или на год положение «усиленной» или «чрезвычайной» охраны. При введении такого положения обычное течение жизни на территории прекращалось, и исполнительная власть получала огромные дополнительные прерогативы по сравнению с мирным временем. В частности, губернатор имел возможность закрыть любое промышленное предприятие, к каковым относились формально и частные органы печати, и частные школы. Любого российского подданного, в действиях коего обнаруживались признаки «неблагонадежности» (термин этот в законодательстве никак не пояснялся и толковался столь же произвольно, как ныне «экстремизм»), можно было подвергнуть без суда и следствия административной высылке в места не столь отдаленные. Именно в те годы регионы, служившие местами ближней ссылки, — Пермь, Вятка, обзавелись значительным интеллигентным классом. Произвольная административная высылка была массовым явлением и в силу этого — механизмом, ставившим в положение врагов режима очень многих людей, прежде о политической борьбе и правах не помышлявших. Тем более что по русской примете нет ничего более постоянного, чем временные вещи. Ничто не мешало однажды введенное положение усиленной и чрезвычайной охраны раз в полгода или в год продлевать. И поскольку губернии, смежные с объявленными на положении усиленной или чрезвычайной охраны, также получали в своем обустройстве элементы чрезвычайного положения, то к 1903 году вся европейская Россия жила на положении или усиленной, или чрезвычайной охраны.

Люди, произносящие сегодня мантру «Россия для русских», просто не очень понимают, о чем идет речь и каковы могут быть последствия

В 1882 году был принят новый цензурный устав — Временные правила о печати, действовавшие до 1905 года, пока революция их не отменила. В силу этих правил постановлением одного министра печатному изданию, обнаружившему «вредное направление» (что понимать под «вредностью», закон не разъяснял), могло быть вынесено предостережение, а совещание четырех министров — юстиции, внутренних дел, иностранных дел и обер-прокурора Синода — могло прекратить издание навсегда, с запрещением редактору впредь когда-либо редактировать какой-либо печатный орган. В течение двух лет Россия избавилась от «непатриотической прессы». Она просто исчезла.

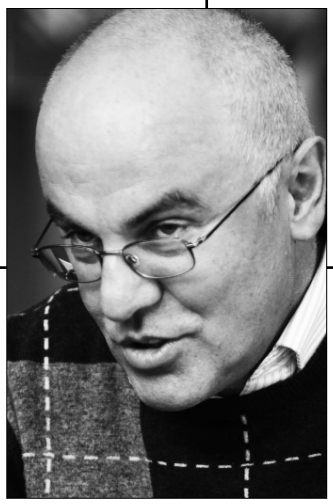
Идеологи контрреформ видели главный грех реформ Александра II в том, что они в сильной степени привели к коррозии национальной вертикали власти, национальных институтов, подорвали основы самодержавия. Основой же национальной вертикали, основой самодержавия являлась «попечительная» власть помещика над своими крестьянами. Вернуть власть помещика напрямую, то есть восстановить крепостное право, было невозможно. Но заново учредить в деревне власть, близкую к прежней помещичьей, на их взгляд, было необходимо.

В 1889 году был принят Закон о земских участковых начальниках. Новый чиновник, состоявший в ведомстве МВД, получал над крестьянским волостным управлением как административную, так и судебную власть. Тем самым принцип разделения властей, которому следовали реформаторы 1860-х, был отброшен как элемент «чужебесия», «европейского обезьянничанья». Земский начальник приобретал огромную власть над крестьянским миром. В его обязанности входило размежевание земель, решение земельных споров, обеспечение, что очень важно, народного продовольствия. Прежде этим занимался помещик, потом крестьянское общество и земство, теперь эта функция, чрезвычайно важная в условиях русского неустойчивого сельского хозяйства, когда надо было создавать либо денежные капиталы, либо натуральные запасы на случай нередких климатических катаклизмов, переходила к земским начальникам, которые назначались исключительно из дворян, причем местных.

Мужику возвращение прежнего помещика в качестве земского начальника пришлось солоно. Первый же крупный неурожай, который последовал за введением института земских начальников в 1891 году, повлек за собой голод в тридцати губерниях, в ходе которого новая «попечительная» власть усиленно противодействовала оказанию крестьянам продовольственной помощи. У земских учреждений ушло несколько месяцев на то, чтобы сломить саботаж земских начальников, через голову которых они действовать не могли. После этого опыта у великорусского мужика развилась прямая ненависть к своему непосредственному земскому начальнику. Самое массовое российское сословие, долженствующее быть носителем и хранителем «русскости», не приняло девиз «Россия для русских», в соответствии с которым строили империю Александр III и его советники. Это — извращение правовых рамок, установленных великими реформами Александра II, — одна из причин, приведших к революционному взрыву в 1905 году и крушению империи в 1917-м.

Возможно, что люди, произносящие сегодня мантру «Россия для русских», просто не очень понимают, о чем идет речь и каковы могут быть последствия. Но очевидно, что в самом их идеале никакой коррекции не произошло. Наглядным свидетельством служит вояж в Чечню, предпринятый несколькими русскими националистами в июле 2011 года. Замечательно не только то, что Рамзан Кадыров с кавказским гостеприимством и хлебосольством принял Александра Белова и Дмитрия Демушкина, в самой России отнюдь не повсеместно почитающихся «рукопожатными». Замечательно резюме, которое они по возвращении огласили: «Кадыров построил образцовое государство, и мы хотим навести такие же порядки в России. России для русских». По всей видимости, идеал русских националистов действительно с наибольшей полнотой воплощен ныне в Чеченской Республике. Но, сдается, убедить в его преимуществах остальных российских граждан будет непросто, а насильственное его внедрение может иметь столь же катастрофические последствия для страны, как и опыты «истинно русских людей», оказавшихся у власти в России на рубеже XIX–XX столетий.

Московско-ленинградская экономическая школа. Очерк истории



Сергей Васильев,
член правления,
заместитель председателя
«Внешэкономбанка»

Под московско-ленинградской экономической школой я имею в виду группу молодых экономистов из Москвы и Ленинграда, которая в начале 90-х в составе первого правительства России проводила основные экономические реформы и которая весьма условно называется «командой Гайдара», поскольку он был самым авторитетным ученым в этой группе. Постоянное общение, а также то обстоятельство, что практически все участники школы сформировались интеллектуально до знакомства, позволило им очень быстро продвинуться в понимании закономерностей развития советской экономики и сформулировать повестку дня экономических реформ.

Маркером этой школы стала так называемая теория административного рынка. Вопреки широко распространенным в то время взглядам о том, что в плановой экономике нет рыночных отношений, сторонники этой теории утверждали, что они в ней существуют, но несколько иного характера. Да, говорили они, в стране нет товарных и финансовых рынков, зато есть рынки административные. И в качестве примера ссылались на отношения, возникавшие между Госпланом и министерствами при разработке и реализации годовых планов. Госплан требовал улучшения плановых показателей, а в ответ на это министерства ссылались на нехватку ресурсов и требовали выделения дополнительных «фондов». Примерно так же строились тогда и отношения между обкомами партии и предприятиями аграрного комплекса. Административный торг по вертикали здесь дополнялся бартерными отношениями по горизонтали.

В Москве ядро этой группы составили сотрудники лаборатории ВНИИ системных исследований: Егор Гайдар, Петр Авен, Олег Ананьин и Вячеслав Широнин. В Ленинграде — участники семинара молодых ученых в Инженерно-экономическом институте под руководством Анатолия Чубайса: Григорий Глазков, Юрий Ярмагаев и автор этих строк. Позже в состав московской команды вошли

Константин Кагаловский, Ирина Евсеева, Виталий Найшуль, Сергей Глазьев, Алексей Улюкаев. Ленинградскую команду пополнили Сергей Игнатьев, Михаил Дмитриев, Андрей Илларионов, Борис Львин, Алексей Кудрин, Симон Кордонский из Барнаула и Сергей Павленко из Новосибирска.

Объединяющим началом участников этой группы к 1985 году было понимание, что в стране возможен переход к рыночной экономике, не без интеллектуального влияния косыгинской реформы — предпринимавшихся попыток перехода к хозрасчету и идей рыночного социализма. А также хорошее математическое образование, полученное на отделениях экономической кибернетики, которые закончили многие участники команды, и знание английского языка, что открывало доступ к западной экономической литературе.

И, во-вторых, скептическое отношение к господствовавшему на Западе направлению экономической теории, сформировавшемуся в общих чертах к середине 60-х годов, когда был достигнут компромисс между сторонниками неоклассической экономической теории и кейнсианцами, так называемый неоклассический синтез. В его основе лежит теория общего экономического равновесия. Суть ее в том, что на свободном рынке производящие и потребляющие агенты максимизируют свою функцию полезности и обеспечивают установление общего равновесия и равновесных цен. И в это же время в советской экономической науке сложилась симметричная концепция, которая называлась теорией оптимального функционирования экономики. Ее суть состояла в том, что если в социалистической экономике все посчитать, а потом директивным путем назначить равновесные цены, то предприятия, максимизируя свою прибыль, придут к тому же равновесию. Это было крамольно (ведь можно было обходиться и без директивных планов!), за это увольняли из институтов, но нашему поколению экономистов она казалась совершенно неудобоваримой. Было ясно, что предприятия не максимизируют прибыль, а плановые органы — функцию общественного благосостояния, потому что было непонятно, что это за функция.

По большому счету нас не удовлетворяла ни советская, ни западная экономическая теория, в которую после войны стали интенсивно проникать математические методы. В определенном смысле экономика стала наукой, только когда в ней появилась математика и возможность строгого доказательства. Но изящество используемых экономических моделей маскировало исходную нереалистичность тех предпосылок, на которых они строились. Экономисты понимали ограниченность базовых моделей общего равновесия и пытались их усложнять, вводя гипотезы о несовершенной конкуренции, о неполной информации, но чем сложнее становились предпосылки, тем менее содержательными оказывались выводы. Короче говоря, этот подход нас тоже не удовлетворял.

Теперь о том, какие советские и зарубежные экономисты повлияли на формирование московско-ленинградской школы. Первым стоит назвать венгерского экономиста Яноша Корнаи, сейчас он основательно забыт. В 1970 году вышла его книга «Антиравновесие», в которой он довольно жестко критиковал неоклассическую теорию. Но международным бестселлером стала «Экономика дефицита», опубликованная в 1980-м. В этой книге Корнаи бесстрастно исследовал функционирование социалистической плановой экономики. Ключевой политический его вывод был совершенно убийственный: в социалистической экономике всегда будет дефицит. Если вы хотите построить экономику без дефицита, должны приватизировать предприятия. Называлось же это концепцией нежестких бюджетных ограничений.

Суть аргументации состояла в том, что, даже функционируя в рыночных отношениях, социалистические предприятия всегда чувствуют за своей спиной поддержку государства и поэтому не стремятся к повышению эффективности и предъявляют завышенный спрос на ресурсы. А повышенный спрос — это всегда дефицит.

«Экономика дефицита» стала своего рода библией молодого поколения экономистов. Эффект этой книги был очень сильным, потому что она вызывала однозначную реакцию: с социализмом должно быть покончено.

С точки зрения академического подхода было важно, что Корнаи отказался от постулата «неоклассического синтеза», согласно которому цены являются основным инструментом экономической информации. Он утверждал, что в экономике существует большое количество неценовых сигналов, отказался от описания функций полезности хозяйствующих субъектов и перешел к изучению их поведения по принципу «внешнее воздействие и реакция на него», что позволило конструировать более гибкие поведенческие модели. Все это нашло живой отклик в нашей среде.

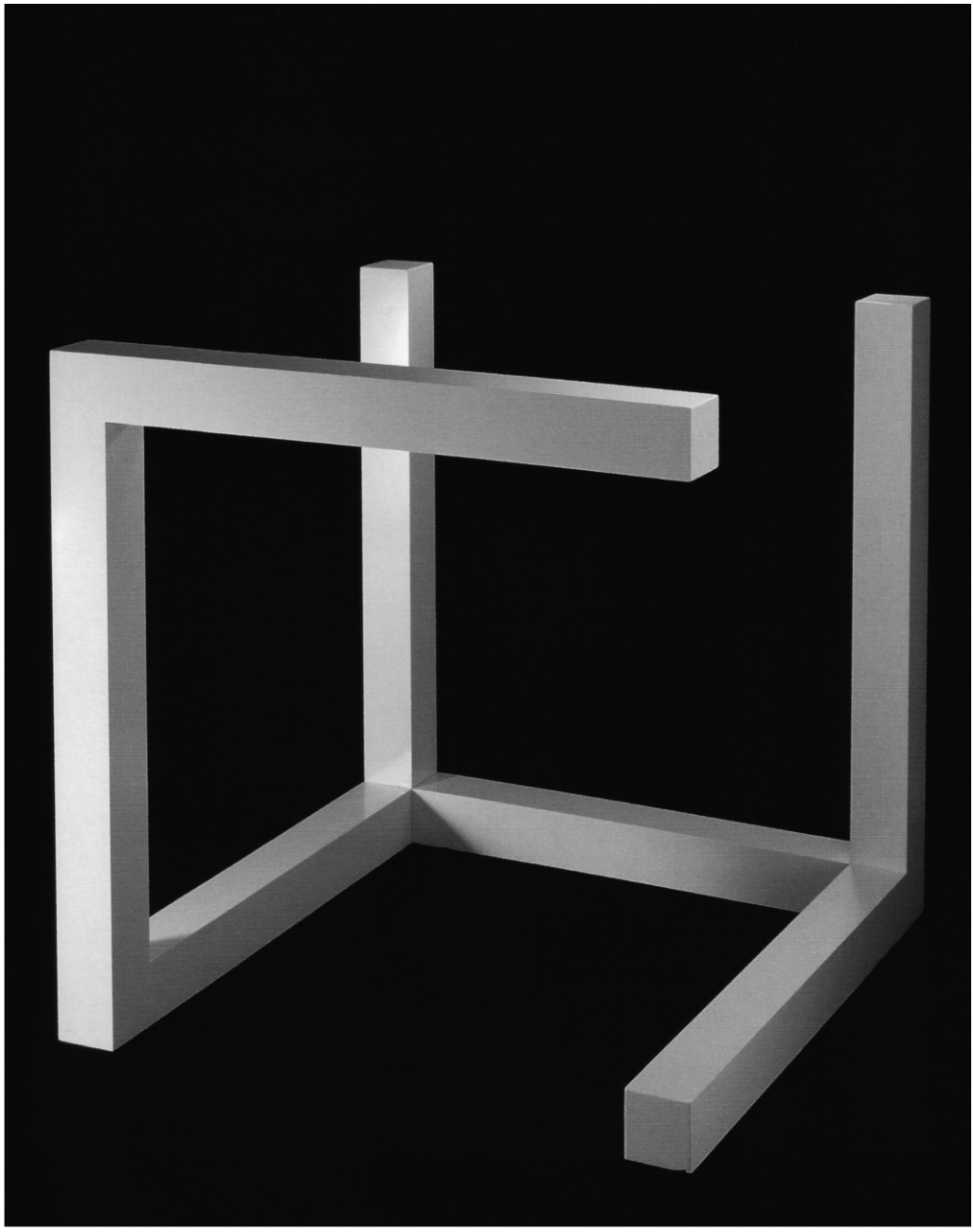
Второй человек — Иван Михайлович Сыроежин, в те годы заведующий кафедрой экономической кибернетики Финансово-экономического института в Ленинграде. Он тоже крайне скептически относился к неоклассической теории и развивал версию экономической кибернетики, опиравшуюся в большей степени на американскую теорию управления. Надо сказать, что взгляды этой теории на хозяйственную практику были гораздо более реалистичными, чем в неоклассической теории.

На стыке трудов классических кибернетиков и теории управления И.М. Сыроежин обосновал свою оригинальную «Теорию хозяйственных систем». Основной ее постулат: в социалистической экономике, в отличие от капиталистической, собственность не является структурообразующим фактором. Таким фактором является одна из функций собственности, а именно — функция распоряжения.

В советских экономических вузах основное внимание уделялось марксистской политэкономии, в лучшем случае учили применению математических методов в экономике

Плановая экономика в этой теории представлялась как совокупность распорядительных центров (РЦ), причем в зависимости от масштаба анализа такими центрами выступали участки, цеха, предприятия, НИИ, министерства, Госплан. Это позволило создать единую методологию исследования субъектов разных уровней.

Экономическая ответственность РЦ определялась как возможная мера вклада конкретного звена совокупности в результат функционирования всей системы, а интерес — как осознание субъектом своей экономической ответственности. Из этого следовало, что интересы хозяйствующих субъектов в плановой экономике не только не идентичны, но и разнокачественны, поскольку экономический интерес каждого РЦ определялся характером ресурсов, находящихся в его распоряжении. На этой основе формулировалась необходимость согласования интересов между экономическими субъектами, что по тем временам было совершенно еретической идеей, так как согласование интересов в условиях неполноты информации автоматически превращается в бюрократический торг. И до теории административного рынка оставался только один шаг.



Сол Левитт. Открытый куб. 1968

Третий ученый, который сыграл выдающуюся роль в формировании взглядов участников школы, Юрий Васильевич Яременко. Впоследствии он возглавлял Институт народнохозяйственного прогнозирования Академии наук. В 1982 году вышла его книга «Структурные сдвиги в социалистической экономике». Яременко рассматривал структуру экономики совершенно оригинально, не как соотношение между отраслями, а как

соотношение между технологическими укладами. Эта идея была навеяна практикой работы военно-промышленного комплекса. Если мы посмотрим на советский ВПК, то его продукция по качеству не уступала американской, в то время как другие сектора существенно и по-разному отставали. Основу концепции Яременко составляло представление о разнокачественности ресурсов в экономике, что соответствовало действительности, поскольку в ВПК работали высококвалифицированные рабочие и были качественные материалы. А в легкой промышленности, строительстве и в других отраслях — ресурсы низкого качества. Он сравнил в своем исследовании передовые и отстающие сектора экономики, выделив два основных процесса — компенсации и замещения. Если, например, в ВПК не хватает высококачественных ресурсов, то он вынужденно втягивает в оборот низкокачественные, естественно, с меньшей эффективностью. Здесь количество компенсирует качество. Обратная сторона этого процесса — замещение качественными ресурсами низкокачественных в отстающих секторах. В качестве примера ученый приводил использование мощностей оборонных предприятий для производства товаров широкого потребления.

Ю.В. Яременко показал, что, чем ближе друг к другу технологически находятся два уровня, тем выше эффективность компенсационных и замещающих процессов. С точки зрения политической экономии он надеялся, что использование технологий ВПК позволит сократить отставание гражданских отраслей промышленности от Запада.

* * *

Организационно московско-ленинградская экономическая школа оформилась в 1986 году, когда ее участники впервые встретились все вместе на семинаре молодых ученых под Ленинградом на базе отдыха Финансово-экономического института «Змеиная горка». Есть одна работа, в которой более-менее комплексно изложены наши взгляды — докторская диссертация Егора Гайдара «Экономические реформы и иерархические структуры», написанная в то время, но изданная в виде книги только в 1990 году. Большинство из нас уже было вынуждено оставить академические исследования и заниматься совершенно другими делами — в силу бурных событий и процессов в экономике.

Мы понимали, что придется всерьез заняться реформированием экономики. Причем модель, на которую мы сначала ориентировались, предполагала, что политический режим будет сохранен, что компартия будет вводить дозированно рыночные отношения — экономическое стимулирование, ослабление планового пресса, пока не увидели, что политическая система страны рушится. Что будет дальше, был большой вопрос. Хотя стоит отметить, что в 1987 году Виталий Найшуль на втором семинаре, который прошел в Лосево, тоже в Ленинградской области, выступил со своим предложением о приватизации с использованием ваучеров. На самом деле Виталий эту теорию придумал еще в 1982-м и изложил в самиздатовской книжке под названием «Другая жизнь».

Я помню реакцию на нее Чубайса и Гайдара. Чубайс был категорически против, а Гайдар сказал, что фондовый рынок крайне неадекватный способ для распределения капиталовложений в народном хозяйстве. Но к тому времени, когда в 1992 году проходила «ваучеризация», Найшуль тоже был против этой идеи, считая, что это вчерашний день, что время было упущено.

Отмечу также, поскольку мы считали, что страна пойдет по эволюционному пути, мы активно изучали опыт социалистических стран — Венгрии, Югославии, ГДР, Китая, где в то

время уже проводились реформы. В 1989 году был запущен совместный исследовательский проект в Вене, в Международном институте системного анализа. Была создана команда специалистов из Восточной Европы и западных стран, в которую входили самые известные в то время специалисты по макроэкономике, экономической истории, по социальной политике для обсуждения проблем перехода к рыночной экономике в Советском Союзе и Восточной Европе. Поэтому когда говорят, что команда Гайдара была профессионально не готова к реформам, это абсолютно не так. На самом деле только эта команда и готовилась к реформам в течение 10 предшествующих лет, но, к сожалению, параллельно с нами не появилась команда профессиональных юристов.

Конечно, по современным меркам мы были необразованны. В советских экономических вузах основное внимание уделялось марксистской политэкономии, в лучшем случае учили применению математических методов в экономике. Мы много читали, но это было не систематическое чтение. Но с учетом того, что все участники команды знали английский и изучали опыт реформ в Восточной Европе, еще в 1990 году мы начали общаться с ведущими мировыми специалистами, такими как Дуглас Норт, Джеффри Сакс, Рудигер Дорнбуш. Это были не советологи, а экономисты. Почему они этим занимались? Потому что как экономистам им это было интересно. Они понимали, что в Советском Союзе грядут большие перемены, и для них это был исследовательский вызов. Я недавно перебирал книжки того времени. Большинство ведущих экономистов так или иначе были тогда заняты в проектах, посвященных переходному периоду в Восточной Европе и России. Например, книга, написанная Оливье Бланшаром, нынешним главным экономистом МВФ, Дорнбушем и Полом Кругманом, как и Дуглас Норт, лауреатом Нобелевской премии, посвящена проблемам миграции в странах Европы после того, как произойдет переход к рыночной экономике.

Теперь хотел бы отвлечься от основной темы и обратиться к практике реформ. Как известно, было два главных события — либерализация цен и приватизация, которые до сих пор вызывают споры и являются больным политическим вопросом. Относительно либерализации у меня сомнений никогда не было, советское государство было банкротом. У страны было всего 20 миллионов долларов золотовалютных резервов. И поскольку надо было снабжать страну продовольствием, Горбачев был вынужден залезать в долги; все золото, которое можно было вывезти в Швейцарию, было туда вывезено. Оно могло находиться, конечно, в собственности России, но физически было в залоге.

С другой стороны, в 1992 году государство имело огромные материальные активы, природные ресурсы: нефть, газ, металлы, лес. То есть правительство было нищим, а страна имела огромные ресурсы. И тут я подхожу к теме приватизации. Если взять государственный долг в 1991–1992 годах, а он составлял 100 млрд рублей только по сбережениям населения в Сбербанке, то это была лишь небольшая часть государственного долга. По оценкам Виталия Найшуля, в это время пенсионный долг в стране был 600 млрд рублей. Выяснилось, что можно легко приватизировать активы государства, но очень трудно приватизировать долги, потому что их надо было как-то соотнести с активами государства.

Но как их оценить? В 1992 году сделать это было довольно сложно. Грубо говоря, как надо было действовать с точки зрения теории социальной справедливости? Если, например, вы на 100 млрд рублей приватизировали активы «Газпрома», то на эти 100 млрд

вы «вешаете» 100 млрд пенсионного долга. Технически это можно сделать, если «Газпром», государственная компания, выпускает акции, которые передаются частным пенсионным фондам, где граждане хранят свои пенсионные сбережения. То есть пенсионный долг государства конвертируется в ценные бумаги государства, граждане получают какое-то их количество, и тогда можно посчитать их доходность: сколько они будут получать в виде пенсии. Иными словами, ценные бумаги, переданные пенсионному фонду, обеспечиваются акциями «Газпрома». Технически сложная задача, а политически вообще непредставимая.

Говорят, что приватизация была проведена несправедливо. Я с этим согласен, так как считаю, что одной из самых серьезных технических ошибок, наряду с другой, о которой скажу ниже, было создание чековых инвестиционных фондов. Потому что было понятно, что ваучеры будут скупаться и контролировать этот процесс невозможно. Но еще до этого в Верховном Совете РСФСР депутатам пришлось пойти на неоправданный компромисс, позволив коллективам предприятий получать акции предприятий по определенному дисконту. В этой связи напомню, что «Газпром» фактически вообще был выведен из схемы ваучерной приватизации. Об этом сейчас не говорят, но фактически это было так. Неслучайно нефтегазовое лобби провело назначение В.С. Черномырдина премьером с одной целью — вывести «Газпром» полностью из системы ваучерной приватизации. При том чудовищном организационном бардаке, который происходил в России в 1992–1993 годах, я с трудом представляю себе разумную процедуру приватизации одновременно и активов и пассивов государства.

Если говорить о втором эпизоде приватизации, то это, конечно, залоговые аукционы. Программа приватизации 1992 года вначале предполагала, что после продажи части имущества за ваучеры остальное имущество будет продаваться за деньги. А этой второй стадии не произошло, потому что были залоговые аукционы с совершенно безумными и несправедливыми условиями. Я до сих пор помню, как проходил аукцион по продаже одной крупной нефтяной компании, в котором участвовали два покупателя — «Финансовая нефтяная компания» и «Нефтяная финансовая компания». Обе были зарегистрированы в одном городе, и гарантии той и другой представлял один и тот же банк. Уверен, что многие не забыли об этих нефтяных аукционах и понимают, как все происходило. Вот это я считаю самым тяжелым ударом по легитимности частной собственности в России, даже в большей степени чем чековые инвестиционные фонды. Раздача ценнейших государственных активов «своим» за символическую плату даже в самых благородных политических целях нанесла, конечно, тяжелейший удар по становлению в стране института частной собственности.

Раздача ценнейших государственных активов «своим» за символическую плату даже в самых благородных политических целях нанесла, конечно, тяжелейший удар по становлению в стране института частной собственности

Эта совокупность либерализационных и приватизационных мер и породила чудовищный стресс в обществе. Например, сбережения населения в Сбербанке были сбережениями пре-

имущественно старшего поколения. А их обнуление привело, по сути, к межпоколенческому перераспределению общественного богатства — от старшего поколения к младшему. Проблема здесь в том, что у старших отняли, а у младших не прибавилось, выигрыш младшего поколения оказался виртуальным. Принадлежащая ему доля общественного богатства через чековые инвестиционные фонды и залоговые аукционы ушла — в чьи руки? Ну, видимо, в руки представителей финансового капитала, чьи доходы, полученные в период высокой инфляции за счет спекулятивных операций, также вряд ли были легитимными. Можно ли было сделать все иначе — вопрос остается открытым.

Период 90-х годов для представителей школы был не слишком плодотворным в академическом смысле. После 2000 года времени стало больше и лидер команды Егор Гайдар написал две большие работы: «Гибель империи» и «Долгое время». «Гибель империи» — популярная книга, изданная большим тиражом, это не научный труд в прямом смысле. И совершенно фантастическая книга — «Долгое время», это серьезный труд по мировой экономической истории. Читая ее, видишь, что страна, в которой права частной собственности действительно определены и защищены, — исключительный случай в истории. При этом в книге много говорится, в частности, о традиционном Китае, и когда смотришь сегодня на его развитие, невольно начинаешь думать, что это не прогресс, а скорее движение по кругу, или замкнутый круг. Гайдар назвал его «династическим циклом», сопоставляя динамику налогового управления, динамику производства, динамику населения. Возникает вопрос, что такое тогда модернизация и прогресс? Ведь в нашей сегодняшней российской действительности мы тоже видим, выражусь так, феодальные черты повторяемости. Один из наших коллег, С. Кордонский, написал на эту тему книгу «Поместная федерация», рассматривая современную Россию как иерархию поместий, начиная с главы сельского района, осуществляющего поместные властно-экономические функции. И вся страна, по его словам, представляет собой систему взаимопроникающих и взаимодействующих поместий. С исторической точки зрения наверняка это можно оспорить. Но, я думаю, если спросили бы Гайдара, то он бы ответил, что, конечно, прогресс существует и по-настоящему конкурентоспособными являются те страны, где защищена собственность, есть плюралистичная демократия. Поэтому тему модернизации и конкурентоспособности, я считаю, надо продолжать обсуждать.

И в заключение коротко о науке. Никто не сомневается, что советская наука была конкурентоспособной, я имею в виду естественные науки, которые в отличие от социальных и гуманитарных наук не подвергались идеологическому разгрому. Но существовала ли она в условиях свободного рынка, демократии? Разумеется, нет. Сегодня мы видим, что наука в той форме, какую она унаследовала от советской науки, вообще не выживает. И никакого нормального инновационного механизма в экономике тоже не видим, Сколково и «Роснано» — это фасады. Те, кто работает в науке, понимают, что если что-то и делается, то не благодаря государству, а вопреки ему. Как возродить российскую науку? Ответа на этот вопрос нет. Мы можем не быть, как в советское время, первыми по атому и по космосу, но любая страна, чтобы быть конкурентоспособной, должна генерировать инновации. Потому что если она их не генерирует, становится неконкурентоспособной. Никто не может пока ответить, как Россия может генерировать инновации.

Август 91-го и оппозиция

Игорь Харичев, генеральный директор журнала «Знание — сила», член координационного совета движения «Демократическая Россия» (1990–1991)

Попытки разобраться в том, почему события августа 1991 года не привели к созданию в России демократического государства и цивилизованной рыночной экономики, предпринимались многократно. Вместе с тем прошедшее недавно двадцатилетие этих событий — хороший повод в очередной раз попытаться понять, отчего мы живем так, а не иначе?

Победа демократических сил России во главе с движением «Демократическая Россия», свергнувших КПСС и советскую власть, не была случайной. Весной и летом 91-го демократическое движение собирало на митинги на Манежной площади, тогда еще не застроенной торговым комплексом и не заставленной творениями Церетели, и в других местах сотни тысяч человек. Народу надоела советская власть. Народ хотел ее сменить. Народ не поддерживал в массе своей коммунистическое руководство. Тем не менее всего через пять лет, в начале 1996 года, картина опять сменилась: поддержка Зюганова намного опережала поддержку Ельцина и правительства, пытавшихся осуществить реформы. «Демократическая Россия» к этому времени не играла никакой роли. Уже осенью 91-го выяснилось, что среди ее членов люди с диаметрально разными взглядами, от жестких монетаристов до сторонников социализма с человеческим лицом, от государственников до анархистов. И активных членов движения, и его многочисленных сторонников объединяло только одно — желание скинуть КПСС. Эти люди не могли составить опору для проведения реформ и не стали той силой, которая понимала бы, что конкретно надо требовать от власти на всех ее уровнях. Но если не были готовы активные члены главной политической силы и ее сторонники, что говорить об остальной части населения. В итоге мы получили то, что имеем сейчас и чем недовольны все, кроме узкого круга людей.

Известно, что в ходе индустриализации происходит не только перетекание сельского населения в города, но и модернизация традиционного общества, которое

Альберто Джакометти. Мужчина и женщина. 1928–1929

в конце концов становится постиндустриальным. Так было в Европе, хотя в 1930–1940-е годы в нацистской Германии и фашистской Италии судьба обществ складывалась по-иному. В этих странах модернизационные процессы в обществе в то время подавлялись, в итоге сохранялись родовые черты традиционного общества: прежде всего отсутствие уважения к человеческой личности и как следствие этого — безразличие к правам человека. В СССР же в эпоху индустриализации вообще отсутствовала частная собственность и люди в гораздо большей степени привыкли во всем полагаться на государство.

Эти черты сохранились у основной части советских людей и к началу 90-х годов. Поэтому подавляющая часть населения России не могла и не хотела понять, что реформы требуют изменений не только в экономике, но и в обществе — то есть во всех нас. Большинство из тех, кто сохранял традиционное мышление, ожидали новой, устроенной жизни как само собой разумеющегося, что следовало получить без каких-либо собственных усилий. А когда через три-четыре-пять лет не получили, разочаровались в новой власти и начали поддерживать коммунистов. Фактически граждане России в своей массе были не готовы к жизни в демократическом обществе и рыночной экономике, чем сполна воспользовались чиновники.

Нынешняя ситуация недалека от той, которая сложилась к августу 1991 года. Об этом свидетельствуют социологические опросы. Народ не доверяет власти. Лидерам оппозиционных как демократических, так и недемократических сил явственно видится тот момент, когда «чаша терпения» переполнится и народный гнев сметет существующий режим. И все сразу изменится? Наступит счастливая жизнь? А не уподобимся ли мы средневековому Китаю, где крестьянские восстания повторялись каждые сорок–шестьдесят лет, потому что новая власть вместе с народом по незнанию иного воспроизводили то, что приводило к очередному восстанию? И не повторим ли тот путь, который прошли за последние двадцать лет? Хотя живем в пору стремительно глобализирующегося мира, пользуемся Интернетом и мобильной связью, не вылезаем из социальных сетей. При отсутствии уважения к человеческой личности и правам человека, непризнании незыблемости частной собственности (речь идет, разумеется, о честно нажитой собственности). Человек у нас по-прежнему для государства, а не наоборот. Большинство наших соотечественников страдает этатизмом и проявляет психологию подданных.

Главная причина сохранения корней традиционного сознания в постсоветской России — остановка во второй половине 90-х процессов становления институтов демократического общества и рыночной экономики, а с начала нового века имело место разрушение того, что появилось: более-менее независимого суда, разделения ветвей власти, независимых от государства СМИ и политических партий. Условия жизни, прежде всего за пределами крупных городов, там, где безраздельно правят местные чиновники, где бесправие простых людей зашкаливает, способствовали сохранению основ традиционного общества. Так как не было остановлено сращивание власти, судебной системы и правоохранительных органов на местах, которое возникло в СССР в силу того, что и суды, и прокуратура, и милиция зависели от исполкомов, которые, в свою очередь, подчинялись структурам КПСС.

Коммунистическая партия рухнула в 1991-м, но тесная связь местной власти, судов, прокуратуры и милиции осталась и начала успешно работать на узкий круг людей, потому что в большинстве городов и населенных пунктов ключевые руководители не сменились. Б. Ельцин и его окружение зани-

мались кадровой политикой на федеральном уровне и отчасти на уровне губернаторов, которых тогда избирали. Что же касается «Демократической России», то она не уделяла внимания кадровой политике на местном уровне, да и на региональном — тоже. Некоторое количество демократических губернаторов появилось тогда лишь в силу своей популярности в регионе, но они были вынуждены опираться на прежних низовых руководителей во всех сферах деятельности. В итоге существующая на местах система власти, имея все необходимые рычаги, всячески старалась подавлять любую активность граждан, делать ее практически невозможной. Слабые ростки гражданского общества не смогли развиться в нечто реальное в большинстве средних и малых городов России, не говоря уже про сельскую местность.

И еще одна серьезная причина существующего консерватизма — отсутствие просветительства за прошедшие двадцать лет. Им должна была заниматься власть. Это ее обязанность, если она считает себя демократической. Но федеральная власть этим не занималась, сохраняя выгодное ей состояние народа: неумение отстаивать свои права, неумение самоорганизовываться для защиты своих законных интересов, покорность властям, непонимание, что свободы, уважение к личности и экономическое процветание тесно взаимосвязаны. При этом сама власть на всех уровнях каждодневно демонстрировала и продолжает демонстрировать полное пренебрежение к Закону. Стоит ли после этого удивляться отсутствию законопослушности в российском обществе?

* * *

Опыт движения «Демократическая Россия» весьма поучителен. Оппозиционным силам современной России было бы недальновидно его не учитывать. Тем более что многое повторяется. К примеру, по майским опросам социологов, Партию народной свободы, которой в тот период еще не успели отказать в регистрации, готовы были поддержать на предстоящих выборах свыше 10 % избирателей. В то же время, согласно другим опросам начала 2011 года, свободу в качестве ценности выбирали только 5 % респондентов. Если считать, что все они среди тех, кто хотел бы поддержать партию, то остальные — случайные попутчики, которые недовольны властью, но реально не готовы участвовать в демократических преобразованиях.

Следовательно, надо добиваться, чтобы участников оппозиции объединяло не отрицательное отношение к нынешней власти, а ценностные установки, присущие демократическому обществу. Партийным активистам и их сторонникам важно понять, что объединение на основе стремления добиться смены власти носит тактический характер, а на основе общих ценностных установок — стратегический. А для этого необходимо заниматься просветительской деятельностью. Людям надо объяснять смысл и значение либеральных ценностей: свободы, уважения к личности, ее правам и так далее. Если мы действительно хотим, чтобы Россия вошла в число демократических стран, мы обязаны заниматься просвещением, формируя в обществе реальную опору для перемен.

И еще. Оппозиционерам следует учитывать, что невнимание политиков к групповым интересам, проявляющимся в масштабах небольших населенных пунктов или районов крупных городов, неминуемо оборачивается нежеланием населения поддерживать бесполезные для себя партии. Поэтому не менее важной является работа по сбору и анализу информации об интересах различных социальных групп и умению их представлять в публичном пространстве. Только так можно завоевать их поддержку.

На страницах научных журналов, издаваемых российскими университетами, в последние годы появляются интересные статьи, посвященные проблемам гражданского общества. Поддерживая идею Российской ассоциации политической науки о развитии сотрудничества между политологическими изданиями, начиная с этого номера мы решили знакомить читателя с рядом региональных университетских журналов, обратившись к их главным редакторам с просьбой коротко рассказать о своем журнале.

Вестник Пермского университета. Серия «Политология»

Любовь Фадеева, главный редактор «Вестника Пермского университета»

Предшественником *Вестника* было ежегодное издание «Политический альманах Прикамья»*, издававшийся в 2001–2006 гг.

Научный журнал «*Вестник Пермского университета*». *Серия «Политология»* издается с 2007 года. В течение 2007–2008 гг. он выходил с периодичностью 2 номера в год, с 2009-го — 4 номера. Тираж — 500 экз. В журнале публикуются результаты исследований, авторами которых являются специалисты из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Уфы, Ижевска, Пятигорска, Саратова, Орла, Омска, Иваново, Томска и других городов. При журнале сформирован и работает редакционный совет, в который входят известные российские и зарубежные ученые. Он имеет свою страницу на сайте кафедры политических наук ПГУ http://www.polit.psu.ru

Традиционны для нашего издания рубрики, посвященные политическим институтам и процессам, региональным политическим процессам, прикладным аспектам политологических исследований; важной для преподавателей-политологов является рубрика «Кафедра», где печатаются учебно-методические материалы; постоянной стала рубрика «Рецензии».

Номера *Вестника* имеют тематическую направленность в рамках проектов, реализуемых кафедрой политических наук. В 2007–2008 гг. это был проект «Сообщества в научной и политико-гражданской перспективах». С 2010 по 2012 год — «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

Вышедшие в 2011 г. номера были посвящены: № 1 — «локальной политике»; № 2 — «символической политике и дискурсивным практикам»; № 3 — «проблемам идентичности и новым институтам коммуникаций».

Подписной индекс журнала в каталогах ЗАО «Агентство подписки и розницы» — 40960.

** Прикамье — название региона поблизости от реки Кама. Так традиционно называли Пермскую область, с 2005 г. — Пермский край.*

Гражданское общество и публичная сфера*

Андрей Семенов,
старший преподаватель Института истории и политических наук Тюменского государственного университета

Концепт «гражданское общество» как часть дискурса политических и социальных наук в России оказался в парадоксальной ситуации: с одной стороны, он в достаточной мере востребован как научным сообществом, так и отдельными политическими акторами: государством, использующим это понятие для официального наименования организаций, призванных выступать от имени «гражданского общества»; оппозицией, подразумевающей под ним «несогласных» с политикой правящей элиты; экспертами, для которых «гражданское общество» — объект осознанного конструирования. С другой стороны, суждения по данной проблеме зачастую сводятся к полному отрицанию реальности гражданского общества в России со ссылками на европейское его происхождение и особенности национальной культуры. «Нечувствительность» понятия к российской реальности отчасти может быть объяснена непроясненностью взаимосвязей концепта «гражданское общество» со смежными: так, зачастую этот феномен сводят исключительно к активности некоммерческого сектора, тогда как последняя может иметь и псевдо- или даже антигражданскую направленность. Адекватная концептуализация понятия связана с помещением его в контекст других понятий и терминов, так как политические феномены являются следствием множества логик и процессов**.

Мне в этой связи представляется важным термин «публичная сфера», с помощью которого можно прояснить концепт «гражданское общество». Поэтому упомяну вначале тех исследователей, которые уже обращались к этой проблеме. И прежде всего Ю. Хабермаса, основоположника концепции, который свой анализ публичной сферы начинает с исследования развития раннебуржуазного обще-

---

** Вестник Пермского университета, 2010, № 4 (12). — С. 5–16. Печатается с незначительными сокращениями.*

*** См.: Вобликов В.Ю. Основные направления реконструкции понятия «гражданское общество» во второй половине XX — начале XXI века: теоретические подходы / В.Ю. Вобликов [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3939-osnovnye-napravlenija-rekonstrukcii.html (дата обращения 05.09.2008)*

ства и его «гражданских» форм в политике*. Историческая взаимосвязь гражданского общества и публичной сферы интересует также британского исследователя Д. Кина**. Связь категорий «публичного» и «гражданского» в сопоставлении концепций Х. Арендт и Ю. Хабермаса проясняют авторы одного из наиболее фундаментальных трудов по теории гражданского общества Э. Арато и Д. Коэн***. На необходимость изучения публичной сферы в связи с трансформационными процессами в гражданском обществе России указывают и отечественные ученые: Н. Беляева, Г. Заболотная, Ю. Красин, О. Малинова и др. Цель данной статьи — определить степень комплементарности данных понятий, выяснить, в каких отношениях они находятся.

Известно, что любой концепт — это воплощение практической логики определенных событий. Проблематика гражданского общества как продукта эпохи модерна европейской истории тесно связана с целым рядом процессов, имевших место в Европе XVI–XVII веков, таких как расширение границ знания в результате развития университетского образования и науки; великие географические открытия и колонизация, последствиями которых стали трансформации экономических отношений в нововременной Европе****; Реформация и возникновение протестантизма, подорвавшие традиционный авторитет католической церкви и положившие начало институционализации «свободы совести» как политико-правового механизма защиты прав религиозных меньшинств, отделению церкви от государства и секуляризации; наконец, Просвещение, обозначенное И. Кантом как эпоха «выхода человека из состояния несовершеннолетия» и его способности публично пользоваться собственным умом. Вершина этих процессов — «двойственная» революция конца XVIII века: английская промышленная и политическая революция в США и Франции.

С одной стороны, под воздействием этих процессов начинает меняться характер управления обществом, идеология и стратегии ведущих политических акторов. Новый политический порядок, возникающий после разрушительных европейских войн и волны эпидемий, базируется на представлении о населении как основном политическом ресурсе, что меняет господствующую концепцию суверенитета, который отныне принадлежит «народу», а позже — «государству-нации». С другой стороны, происходят изменения в практиках повседневной политической, общественной, экономической, религиозной жизни: формируются «современные» ценности рационализма, индивидуализма, субъективизма и утилитаризма, что, в свою очередь, радикально меняет традиционные представления о разделении сфер приватное/публичное. Названные новые

** См.: J. Habermas. The Structural Transformation of the Public Sphere. — Cambridge: The MIT-press, 1991.*

*** Кин Д. Демократия и гражданское общество. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.*

**** Джин Л. Коэн, Эндрю Арато. Гражданское общество и политическая теория. — М.: Весь мир, 2003.*

***** Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. — М.: Весь мир, 2007; Н. Элиас. О процессе цивилизации. В 2 т. — М., 2001.*

Пабло Пикассо. Женщина с листом. 1934

нормы и практики были закреплены в конституционных положениях французской и американской революций: свобода, равенство, стремление к счастью, уравновешенные принципами братства и солидарности. В этих условиях и появляется термин «гражданское общество», суть которого в появлении нового субъекта политического процесса и закреплении новых принципов легитимности политической власти: в ограничении произвола официальных властей с помощью права (конституций), дифференциации политических институтов для создания системы взаимного сдерживания, закрепления политических и гражданских прав и свобод человека, то есть создания институтов представительства и публичного контроля за деятельностью власти. Таким образом, первые теории гражданского общества были движимы идеями ограничения до этого фактически безграничной власти традиционных суверенов (абсолютных монархий) во имя частного индивида, и, во-вторых, идеей разума как основы политического порядка.

Различные модели осмысления понятия «гражданское общество» поразному определяют место «публичной сферы». Пользуясь классификацией моделей, предложенной британским ученым Д. Кином, попытаемся «локализовать» феномен публичной сферы в каждой модели. Так как, по мнению Д. Кина, определяющее значение при классификации имеет характер отношения государства и гражданского общества, в европейской политической мысли можно выделить пять таких моделей*:

Модель государства, обеспечивающего безопасность (Ж. Боден, Т. Гоббс, Б. Спиноза);

Модель конституционного государства (Дж. Локк, И. Кант, мыслители шотландского просвещения);

Модель минимального государства (Т. Пейн, манчестерский либерализм);

Модель «всеобщего» государства Г. Гегеля;

Модель самоорганизации ассоциаций гражданского общества (А. де Токвиль, Дж. Ст. Милль).

Первая модель государства, обеспечивающего безопасность, наиболее яркое выражение нашла в трудах Т. Гоббса. Исходное положение: естественным человеческим стремлением является борьба с себе подобными, потому «происхождение больших и продолжительных людских союзов зависит не от взаимного расположения людей, а от взаимного страха»**. В целях обеспечения безопасности создается новое состояние, называемое гражданским обществом («гражданским состоянием»), порядок в котором обеспечивается государством. Область легитимной деятельности государственной власти практически не ограничена: «...суверен является абсолютным представителем всех подданных»***, законы, изданные сувереном не могут быть несправедливыми; любые формы коллективного оспаривания верховной власти (даже большинством и даже в целях сохранения форм жизни, основанных на предписаниях естественного права) запрещены. Госу-

---

** См.: Д. Кин. Демократия и гражданское общество. Гл. 2.*

*** Т. Гоббс. Философские основания учения о гражданине. — М.: АСТ, 2001. — С. 26.*

**** Т. Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 174.*

дарству предоставлено монопольное право определять, что необходимо для сохранения или восстановления мира внутри страны и за ее пределами. Никакой другой инстанции, кроме как носителю суверенитета, это право передано быть не может.

В таком гражданском состоянии, где произвол властей был ограничен туманными формулировками «естественных законов», запрещавших лишь «уничтожение жизни», у индивидов (точнее, подданных) сфера частной свободы была весьма ограничена. Согласно Гоббсу, суверен не мог, например, запретить членам общества «покупать, продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать себе местопребывание, пищу, образ жизни»*. То есть были разрешены отношения внутри «частных групп», «частных тел», недосягаемых для него. И тем самым государственная, «публичная» власть противопоставлялась частным интересам. Следовательно, модель государства, обеспечивающего безопасность, не оставляла в этом случае места для «публичной сферы» в силу монополии суверена на публичную власть, а также из-за отсутствия в гражданском обществе более генерализованных форм поведения.

Концепция конституционного государства Д. Локка и И. Канта в ряде положений кардинально отличается от гоббсовской. Прежде всего, они выступают против оценки естественного состояния, как состояния тотальной войны индивидов. Локк проводит различия между «общественной жизнью» и «государством», выделяя в качестве основы общества порядок, как достигнутый путем соглашения о совместной жизни, так и «естественную склонность... к общественной жизни и товариществу»**. Естественное состояние — это не состояние вольницы и насилия, ибо большинство индивидов склонны поступать в соответствии с естественными законами. Это положение уже подрывает представление о власти суверена как абсолютной. Конституционное государство — скорее средство исправления несовершенной социальности, а не полное отрицание естественного состояния.

Патриархальная семья, писал Локк, является первоначальной и основной формой естественной солидарности, частной сферой, где власть принадлежит только главе семейства, поэтому предписания государственной власти на нее не распространяются. Как и гражданский порядок, она защищена в первую очередь законами, действие которых носит универсальный характер. Универсальный характер носят и естественные права человека, с которыми должно быть согласовано позитивное право. А гарантом их нерушимости выступает гражданское общество, во власти которого переизбирать законодателей или даже свергать их. При этом локковская идея о разделении общества и государства позволяет дополнительно обосновать право на свержение государственной власти: если в гоббсовской трактовке конец государства означает конец социального, то в либеральной традиции Локка–Канта общество, обладая собственными ресурсами организации, остается даже после исчезновения конституционного строя.

** Т. Гоббс. Левиафан.., с. 165.*

*** См.: Д. Локк. Два трактата о правлении // Соч. в 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988.*

Именно названное разделение создает предпосылки для концептуального включения «публичной сферы» в ткань гражданского общества, так как, во-первых, формулируется идея контроля и ограничения государственной власти, что неизбежно должно привести к дифференциации частных и публичных интересов. Основной публичный интерес — поддержание конституционного порядка до тех пор, пока он обеспечивает удовлетворение частного. Во-вторых, появляется концепция универсальных естественных прав, которые гарантируют публичную защиту частной жизни и свободы индивидов. Наконец, отделение общества от государства означает появление медиатора между индивидом и государством — собственно гражданского общества.

Первые теории гражданского общества были движимы идеями ограничения фактически безграничной власти традиционных суверенов (абсолютных монархий) во имя частного индивида, и, во-вторых, идеей разума как основы политического порядка

Еще более четкое разделение государства и общества прослеживается в концепции минимального государства Т. Пейна, наиболее полно изложенной им в трактате «Права человека»*. В нем государство определяется не как необходимость ради общественной безопасности и даже не как механизм исправления неизбежной ущербности социального, но, скорее, как неизбежное зло, как власть, конституируемая делегированием части полномочий индивидов, которые по своей природе склонны к кооперации и сотрудничеству, но в силу разных причин пока не могут проявить эти качества в полной мере. Развитие и совершенствование гражданского общества как сферы кооперации означает эквивалентное сокращение функций государства, когда свободному обществу, по словам Пейна, соответствует простое правительство, а несвободному — сложное. Врагами же друг другу индивиды становятся в силу избыточной власти государства, и потому деспотизм (воплощение абсолютной власти государства) неизбежно ведет к войнам.

Именно господствующая роль государства вызывает политическое отчуждение и ведет к несправедливому делению общества на классы, что лишает большую часть населения необходимых жизненных ресурсов. Поэтому, подчеркивает Т. Пейн, необходимо сопротивление граждан государственной власти, посягающей на их свободы. Легитимным признается им лишь такое государство, которое руководствуется принципом действительного согласия со стороны управляемых (независимо от их пола и имущественного статуса) и идеями естественного права. Его радикальная теория согласия предполагает значительное расширение круга участников политического процесса, закрепление согласия в конституционном договоре и постоянный контроль за его соблюдением с помощью институтов представительства. Сформированное таким образом государство имеет только обязанности, но не имеет никаких прав.

** См.: T. Paine. Rights of Man. — Harmondsworth, 1977.*

Причины, которые позволяют гражданскому обществу самоорганизовываться, проистекают из естественной склонности людей к кооперации и естественному стремлению к солидарности. «Как только устраняется официальное правительство, начинает действовать общество. Возникает общее объединение, а общий интерес рождает общую безопасность»*. И к тому же, поскольку потребности людей превосходят их индивидуальные способности, это подталкивает их к взаимовыгодному обмену, то есть рыночным отношениям. Способность к самоорганизации, таким образом, понимается, как естественная склонность, стремление и способность. В таком обществе нет места конфликтам, которые возникают вследствие господства государства.

Необходимость развития публичной сферы в теоретических построениях Т. Пейна при этом не оговаривается. По той, видимо, причине, что обществу, движимому идеей изначального согласия относительно собственного «правильного» устройства, нет смысла обсуждать публично вопросы политики. Такого рода «необязательность» политического как принципиально конфликтной сферы характерна для многих постгоббсовских трактовок. Однако конец политического означает в этом случае в определенном смысле и конец социального. Поэтому в отличие от Т. Пейна Г. Гегель в своей концепции «всеобщего государства» критикует позитивное толкование гражданского общества как сферы согласия, имеющей статус «естественной» первозданности.

В «Философии права» Гегель четко обозначает свое понимание гражданского общества (burgerliche Gesselschaft) как исторически возникшую в новоевропейской истории реальность, куда включаются экономика, общественные классы и институты безопасности и правопорядка.

Оно располагается им между патриархальной семьей и государством и является воплощением одной из ступеней развития объективного духа — рационально реконструированных структур смысла в институтах права и нравственной жизни (Sittlichkeit), которые даны изначально и едины для всех граждан. Но при этом характеризуется непрерывными конфликтами, непредсказуемым развитием, неспособностью преодолеть частную перспективу в определении общего блага. Только государственная власть способна интегрировать разнообразие частных перспектив во всеобщее политическое сообщество. Поэтому вмешательство государства в дела гражданского общества, согласно Гегелю, необходимо как для устранения несправедливости и неравенства, так и для защиты и содействия реализации общих интересов населения, причем право определять эти интересы опять же остается за государством.

Таким образом, гражданское общество локализуется и реализует себя в первую очередь в неполитических сферах — экономики и «нравственности». Всеобщее государство «абсолютно разумно», ибо являет собой высший и завершающий момент исторического развития Абсолютного Духа, и его решения не подлежат сомнению и оспариванию. Гегелевская концепция оставляет тем самым мало места для идей гражданского контроля и ограничения государственных полномочий во имя частных интересов индивидов (так как само общество не в состоянии

** Ibid., p. 186.*

Сальвадор Дали. Загадка желания. 1929

это сделать). Кроме того, внося принцип разделенности гражданского общества, она игнорирует и возможность различных моральных практик. Право публичной деятельности в гражданском обществе Гегеля предоставлено только мужчинам, а понятие «гражданин» эквивалентно понятию «буржуа». Обладающее такими характеристиками «всеобщее государство» фактически не нуждается в публичной сфере. [...]

Последней рассматриваемой в исторической ретроспективе является концепция демократического государства А. де Токвиля, которая в значительной степени раскрывает противоречия в неоднозначной концепции «всеобщего государства» Гегеля. А. де Токвиль утверждает, что главную опасность для современного общества представляет не конфликт частных интересов и порождаемый ими беспорядок (как в модели Гегеля), но новая форма государственного деспотизма, формируемая с помощью института выборов, который претендует на монополию представления интересов общества как целого, по существу, отождествляя государственную власть в виде избранных правителей с гражданским обществом, чьи интересы они должно представлять. «Централизация без труда придает видимость упорядоченности в повседневных делах; при ней можно умело и обстоятельно руководить деятельностью полиции, охраняющей общество, пресекать небольшие беспорядки и незначительные правонарушения; поддерживать общество в некоем статус-кво, что, в сущности, не является ни упадком, ни прогрессом, поддерживать в общественном организме своего рода

административную дремоту, которую правители обычно любят называть “надлежащим порядком” и “общественным спокойствием”»*.

Таким образом, появившиеся в эпоху модерна новые институты, призванные бороться с социальными пороками, по словам де Токвиля, постепенно концентрируют в своих руках всю полноту власти, становясь врагами свободы. И проблема состоит в том, чтобы, сохранив демократический потенциал выравнивания, в то же время не позволить государству узурпировать сферу свобод. Как и Локк, А. де Токвиль не призывает ликвидировать институциональную систему современных государств как таковую, однако считает, что в сложных демократических режимах только сильное государство может обеспечить осуществление общественно значимых целей. Но оно при этом нуждается в ограничениях.

Одним из таких ограничителей является прямое участие граждан в политических процессах по образцу суда присяжных, который способствует их включению в самоуправление и учит, как разумно и справедливо управлять другими**. Во-вторых, на сдерживание государства могут оказывать влияние гражданские ассоциации, находящиеся вне сферы его непосредственного контроля.

Ассоциации, даже занимаясь «незначительными делами», пишет де Токвиль, способствуют укреплению «частных свобод», понимаемых не как преследование узкокорыстных интересов, но как арена осознания индивидами своей включенности в сообщество и его деятельность***.

Эти два токвилевских ограничителя могут быть обозначены как «публичная сфера»: если гражданские ассоциации, вовлекая индивидов в совместную деятельность различных сообществ, во-первых, способствуют демаркации частного/публичного в рамках индивидуальной жизни, во-вторых, формируют коллективные идентичности и, в-третьих, способность к совместным действиям, то институты гражданского участия (будь то выборы или суд присяжных) являются собственно ареной публичного обсуждения и принятия коллективных решений. А. де Токвиль разделяет «гражданское» и «политическое» общества. Последнее выступает у него как пространство, где выявляются межгрупповые конфликты и имеют место дискуссии, связанные с осуществлением коллективного выбора, то есть, по существу, оно является публичной сферой. Однако законченной связи между представлениями о «публичной сфере» и гражданским обществом, кроме идеи ограничения государственной власти с помощью некоторых политических институтов, деятельность которых носит «публичный» характер, мы у А. де Токвиля не находим.

Таким образом, анализ ранних концепций гражданского общества показывает, что из трех, обозначенных Д. Коэном составляющих, характерных для них, — «законности (частное право, гражданское, политическое, социальное равенство и право), плюралистичности

** А. де Токвиль. Демократия в Америке. — М.: Весь мир, 2000. — С. 215.*

*** Там же, с. 212. Эту же мысль позже будут повторять сторонники плюралистической и делиберативной моделей демократии, для которых только одно лишь участие в выборах не может гарантировать демократичность политического порядка.*

**** Там же, с. 385.*

(автономности, самоучрежденные добровольные ассоциации) и гласности (пространства коммуникации, участие в общественной жизни, генезис политической воли и социальных норм, их конфликт, выражение и рефлексия о них)»* — наибольшее выражение нашли первые два, тогда как последний аспект, напрямую связанный с публичностью и публичной сферой, скорее имел вспомогательное значение. Важность «публичности» как ресурса развития гражданского общества и государства подчеркивается у Гегеля, но как особая арена действия социальных/политических сил она также не выделяется.

Публичная сфера выступает продолжением гражданского общества как арена участия в государственных делах (но не только) и как форма контроля над государственными институтами

Как пишет Д. Кин, появившиеся позднее концепции гражданского общества ликвидировали этот нововременной разрыв социального/политического либо в русле «социализма» (идея об отмирании государства и политических институтов, их замена на самоуправляющиеся экономические общины), либо — «этатизма» («государственного социализма», «дирижизма», где роль главной управляющей инстанции отведена государству, национализирующему собственность). Тезис о возможном «слиянии» этих тенденций, характерный как для теоретиков критического, социалистического, либерального, так и консервативного направлений, подкреплялся следующими поставленными в теоретическую повестку дня процессами: государственное вмешательство в капиталистическую экономику (Дж. Кейнс, Ф. Шмиттер), присвоение частными корпорациями публичных, властных функций (О. Киркхаймер), олигархизация партий (М. Острогорский, Р. Михельс), упадок интимной (частной) сферы семьи и социального (Х. Арендт, М. Хоркхаймер), упадок литературной «публичной сферы», становление массовой культуры, культуры как индустрии (Т. Адорно, Ю. Хабермас), потребление, стандартизация услуг и как следствие — упадок частного индивида (Х. Ортега-и-Гассет, Франкфуртская школа социальных исследований, в частности — Г. Маркузе), трансформация публичной политики в сторону большей закрытости, ослабление гражданского контроля, легитимация политического порядка через системную эффективность (Ж.-Ф. Лиотар), появление новых, «неявных» форм власти, таких как идеология (Р. Барт) или дисциплинарная власть (М. Фуко), исчезновение в либеральной демократии самой сферы политического (К. Шмитт, Л. Штраусс). Новые социальные, экономические и политические отношения, возникшие в XX веке, привели к эрозии основных институтов эпохи модерна, обеспечивавших автономию гражданского общества, и далее к упадку и колонизации «жизненного мира» индивида силами рынка и бюрократии (Ю. Хабермас).

Интерес к гражданскому обществу возрос после начала трансформаций в странах советского блока, рассматриваемых как механизм

** J. Cohen. Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory. Amherst: University of Massachusetts Press, 1982. — P. 225.*

запуска демократизации. При этом эмпирической и эвристической базой расширения контекста исследований в этой области был опыт гражданского сопротивления авторитарным режимам. Так термин «гражданское общество» вошел и в российскую политическую науку, где пользуется немалой популярностью как у исследователей, так и у некоммерческого сектора и даже официальной власти при обсуждении таких вопросов, как расширение возможностей гражданского общества с помощью современных информационных технологий («электронная демократия» и «электронное правительство», блоги и т. д.); роль и значение «социального капитала» в гражданском обществе (ресурсов доверия, солидарности и коллективной идентичности); проблема нового вида управления как «руководства без правительства»; наконец, возможности становления глобального гражданского общества. Практически все эти направления, наряду с классическими, включены сегодня в российский научный дискурс.

Подводя итоги анализа концепта «публичная сфера» в перспективе различных традиций осмысления гражданского общества, можно заключить, что в классических моделях его взаимодействия с государством не было последовательной теории публичной сферы, однако в них можно выделить отдельные элементы. Во-первых, они подразумевают наличие конкретных частных интересов (понимаемых негативно у Т. Гоббса, позитивно у Т. Пейна и Д. Локка и амбивалентно у Г. Гегеля и А. де Токвиля), которые либо требуют защиты со стороны других и государства, либо являются необходимой основой для общественного согласия. Во-вторых, публичное в вышеописанных моделях выступает скорее как продолжение социального (как разновидность гражданского контроля либо как способ участия), нежели политического. В-третьих, публичная жизнь связана с позитивным правом, но к нему не сводится, потому что право в виде законов устанавливается государством. В-четвертых, публичность является побочным продуктом разделения в нововременной мысли социального и политического, их отождествление ведет к исчезновению публичного.

Кроме того, анализ классических моделей через призму концепта «публичная сфера» позволяет обозначить некоторые структурные элементы гражданского общества через отрицание их наличия в публичной сфере. Последняя не может быть, во-первых, только сферой «частной жизни», основой которой является семья. Во-вторых, государством, и здесь идея «публичной политики» не должна вводить в заблуждение: публичная сфера выступает продолжением гражданского общества как арена участия в государственных делах (но не только) и как форма контроля над государственными институтами. Публичная политика является областью взаимоотношений государства и гражданского общества во всем многообразии трактовок последнего, а публичная сфера — коммуникативной средой, наполненной институтами и организациями, созданными для обсуждения публичной политики. Наконец, публичная сфера является рынком, областью экономических обменов, и рыночные отношения тоже могут быть предметом обсуждения в публичной сфере. Таким образом, концепция публичной сферы позволяет не только прояснить важнейшие противоречия категории «гражданское общество», но и сама существует только как комплементарный ей термин.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 96 с.

Это социологическое исследование Левада-Центра посвящено анализу молодежной среды современной России. Сопоставляя результаты специального опроса 2011 года с более ранними, авторы выявляют и комментируют совокупность общественно-политических, культурологических, морально-психологических и иных факторов, формирующих облик, ценностные координаты и модели поведения различных категорий российской молодежи.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема молодежи в дискуссиях о будущем российского общества занимает в последние годы довольно скромное место. В кругах, связанных с властью или идеологическими ведомствами, вопросы социально-культурной репродукции или изменения ценностей обычно замещены практическими вопросами патриотического и нравственного (религиозного) воспитания, профилактики наркомании, состояния или реформы современной школы и т. п. Немногочисленные социологические исследования молодежи, проводимые университетами и академическими институтами (Н. Беляева, В. Магун и др.), подчинены задаче продемонстрировать переломные тренды в ценностных установках молодежи и доказать их соответствие курсу на модернизацию страны или сближение представлений российской молодежи с западноевропейской.

На наш взгляд, оценка положения дел в молодежной среде должна быть гораздо более дифференцированной и отражающей противоречивые процессы, идущие в посттоталитарном обществе.

С начала краха коммунистической системы в СССР прошло уже более двух десятилетий. За это время сменилось одно поколение. К концу 2000-х стало очевидным, что в жизнь, вслед за молодыми людьми рождения середины или конца 80-х годов, входит поколение рождения начала 90-х, людей, социализированных на протяжении уже путинско-

го времени — эпохи «стабильности», сравнительного экономического благополучия, усиления авторитарных тенденций в политике, имитации возвращения к великодержавной геополитике, к официальному православию и т. п. Речь идет о появлении нового поколения двадцатилетних, уже не знавших советского времени, для кого сегодняшние реалии представляются само собой разумеющимися и естественными, всегда бывшими. Это поколение не знает о хроническом дефиците эпохи брежневского застоя, чувстве бесперспективности жизни, тоске Высоцкого, о подцензурном искусстве. Этим молодым людям та жизнь не интересна, она для них не значима, как обычно это бывает с отношением к жизни родителей.

В начале 1990-х потенциал изменений в обществе, его модернизации связывался с вступлением в «новую жизнь» молодых поколений. Об этом не раз писалось в статьях и работах нашего Центра. Признаки изменений исследователи искали не только в образованном слое, из которого должны выдвигаться и формироваться профессиональные элиты общества, не только в современной, более сложно устроенной урбанизированной среде больших городов и мегаполисов, но и в среде молодежной. Мы постоянно отмечали, выделяли, «вытаскивали» на свет такие отличительные характеристики молодых, как положительное, открытое отношение к Западу, более явную, чем в населении в целом, идентификацию с либерально-демократическими ценностями*, стремление к гражданским свободам, к достижению успеха. И наконец, мы постоянно отмечали бо́льшую удовлетворенность среди молодых происходящим в стране и ее повседневной жизни.

Исходя из этой посылки, долгое время подтверждавшейся опросами, примерно до середины 1990-х годов, а затем постепенно ослабевавшей, мы полагали, что с каждым новым поколенческим сдвигом будут соответственно усиливаться механизмы рецепции западных ценностей и норм, а значит, станут углубляться и процессы структурно-функциональной дифференциации, происходить разделение властей, институционализация новых форм социальной организации, повышаться потенциал общественной инициативы и самоуправления. Короче говоря, ожидалось (и с большой вероятностью), что демократический и рыночный транзит будет завершен в вполне обозримые сроки.

Оценки изменений в социальной, политической, экономической жизни предполагали двойную оптику. Шкала изменений строилась на соотнесении реальных трансформаций с ожидаемыми, а те, в свою очередь, были обусловлены идеальной обобщенной моделью западной демократии и рыночной экономики. Либерально-демократическая идеология программ или сценариев модернизации постсоветского общества и экономики в публичной сфере опиралась не на понимание природы советского или эмпирическое знание постсоветского общества, а на общие схемы транзитологии и лежащие в их основе ценностные представления. Другими словами, в основу неявных посылок подобных исследований была положена тавтологическая ценностно-

---

** Как стало понятно позднее, идентификацию декларативную, поверхностную, знаковую, то есть не меняющую или не создающую новых ценностных порядков, регулятивов действия, стремления к гражданским свободам, развитию и успеху.*

методическая схема. В рамках таких представлений межпоколенческие различия в оценках ключевых для модернизационных процессов проблем и вопросов — будь то отношение к частной собственности, к роли государства в управлении экономикой, взаимодействия бизнеса и государства и его правового регулирования, проблематика соблюдения гражданских прав и свобод и пр. — рассматривались как относительно бо́льшая заинтересованность молодежи в изменениях, как «либерализм», а их близость с оценками, мнениями и представлениями высокообразованной части населения, специалистов, давала повод считать их более «авторитетными», вводя сюда уже логику «имплементации» (сверху вниз) — от статусно более высоких групп, как бы задающих тон в обществе, к менее авторитетным и готовым к пассивному усвоению группам, усваивающим социальные и культурные образцы и мнения «элиты».

Молодые люди, как и большинство населения, не имеют четкого представления о своем будущем. Лишь 6% россиян могут ясно представить свое будущее более чем на пять лет вперед, лишь одна пятая видит его на год-два вперед и менее одной десятой – на 5–6 лет вперед

Однако примерно к середине 1990-х годов в работах Левада-Центра, основанных на анализе, прежде всего, постоянно повторяющихся вопросов, было показано, что приписывать молодежи роль проводников модернизации и носителей новых либерально-демократических ценностей, приверженцев западной модели политической и экономической систем, по сути, означало выдавать желаемое за действительное. Сравнительный анализ данных по поколениям, возрастным когортам показывал, что «прозападные» ориентации молодых носили преимущественно декларативный и фазовый характер*. То есть по мере взросления молодые все больше вписывались в структуру тех массовых базовых ценностных представлений, которые не слишком далеко ушли от советского прошлого, а негативный фон настроений, доминировавший до 2006 года, только повышал чувствительность взрослеющих молодых людей к привычным для советского человека комплексам, стереотипам и предрассудкам. Значимым отличием молодых от старших поколений были и остаются, по сути, только бо́льшая удовлетворенность всеми сферами жизни, включая материальное положение, с одной стороны, а с другой, особенно для самых молодых, — бо́льшая чувствительность к проблематике, связанной с национальной или этнической идентичностью, бо́льшая проницаемость для националистической риторики, вплоть до самых экстремистских ее проявлений.

Пока общий политический климат в стране (примерно до 1998 г.) оставался относительно мягким и либеральным, сохранялась и видимость

** См., например: Левада Ю.А. Три «поколения перестройки» // Мониторинг общественного мнения, 1995, № 3, с. 3–7; он же: Заметки о «проблеме поколений» // Там же, 2002, № 2, с. 9–11; Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Там же, с. 11–15; Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Там же, 2001, № 2, с. 23–30.*

Пабло Пикассо. Женщина в красном кресле. 1932

относительного разнообразия, плюрализма мнений и позиций. Молодежь в это время отличала большая выраженность и поляризованность мнений: она была готова поддерживать в большей мере и праволиберальное крыло политического спектра, и политиков типа Жириновского. Но по мере укрепления авторитаризма, подчинения СМИ государству, девальвации избирательных демократических процедур, роста коррупции и проч. все более очевидной стала ситуация ценностных дефицитов, усилилась роль партикуляристских, в этом смысле домодерных, традиционных ценностных ориентиров, что сопровождалось массовым подъемом низовых, архаичных настроений и представлений, равно как и стремлением кремлевских политиков инструментально использовать подобные настроения*. После того последовал период, отмеченный резким ростом поддержки «путинской вертикали» в молодежной среде, сохраняющейся и по сей день.

Не надо забывать о том, что «путинская молодежь», поколение, активная социализация которого пришлась на первое десятилетие 2000-х, это «дети» 20–30-летних современников перестройки и гласности, начала либерально-демократических и рыночных реформ, и внуки 40–50-летних «прорабов перестройки». В отличие от наиболее образованного слоя, «интеллигенции», сохранявшего по меньшей мере до начала первой чеченской войны (декабрь 1994 г.) и даже до президентских выборов 1996 года надежду на удержание демократического вектора перемен и реформ (в начале 1990-х правительство Гайдара поддерживалось не менее одной пятой взрослого населения), основная часть взрослого населения страны, после недолгого периода надежд на быстрые перемены, погрузилась в состояние глубокой фрустрации, растерянности и раздражения, вызванного чувством заброшенности и оставленности государством. Отношение к переменам не связывалось у большинства с идеями будущего развития, движения к общему благу, идеалами свободного и демократичного общества, самостоятельности, освобождения от диктата и контроля государства, установками на профессиональное достижение, качественное образование и квалификацию как пути социального продвижения, а осознавалось как «выживание». Эти коллективные установки активизировали традиционный для советского и российского человека комплекс жертвы, лишенный идеального смысла, но запускавший компенсаторные механизмы коллективного самовозвышения и самоутверждения: ностальгию по советскому прошлому, тоску по «сильной руке» и т. п., вытесняя тем самым память о собственном опыте советской жизни и не допуская его последовательного осмысления и оценки.

На таком негативном фоне молодые — их оптимистичные настроения, оценки происходящего, их более «демократичные» взгляды — задавали некий положительно окрашенный «горизонт будущего» в изучаемом социуме.

В представлениях большинства населения от накативших на страну перемен выиграли либо люди нечестные — жулики, спекулянты, пре-

---

** См.: Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого // Мониторинг общественного мнения, 2003, № 1 (67), с. 28–44; он же: Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения, 2005, № 2 (76), с. 43–62.*

ступники, мафия (те, кто нарушал нормы «советской морали», что было и защитной реакцией большинства на экономические перемены), либо люди, имеющие власть или близкие к ней. Более половины россиян считали себя проигравшими в ходе реформ, людьми без будущего. Неясная, смутная надежда начального периода трансформаций на другую жизнь «для таких, как я», скоро обернулась разочарованием, растерянностью, новым ощущением принудительности жизни и зависимости от внешних обстоятельств. Понижающая стратегия адаптации, переживаемой и расцениваемой как «выживание», получала свою осмысленность как жизнь ради семьи, в первую очередь детей. Отказ от будущего для себя ради лучшего будущего молодых поколений как бы компенсировал ощущение собственной неудачи, слабости, недооцененности и фрустрации от нереализованности притязаний. Вместе с тем он вменял будущему поколению благодарное признание этой «жертвы»: поколение родителей на нее определенно рассчитывало.

Пассивное приспособление к переменам со стороны подавляющего большинства взрослых, понижение собственных запросов и ожиданий вели к общему сужению и упрощению представлений о «будущем» и «прошлом», к концентрации на решении повседневных проблем, «борьбе» с повседневным, хотя уже и не советским бытом.

Так или иначе, публичная критика прошлого, советской системы в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказалась практически не востребованной социумом, не стала отправной точкой для ценностных трансформаций институтов социокультурного воспроизводства, процессов социализации — от семейного воспитания и образования до гражданского и политического участия. Для современной молодежи, как и для общества в целом, переосмысление советского прошлого и его истории, понимание устройства советского общества, в котором выросло, социализировалось большинство нынешнего населения, полностью перестали быть значимы.

Молодежь, быстро, за довольно короткие сроки (хотя бы просто в силу б*о*льших ресурсов энергии и пластичности) адаптировавшаяся к социальным и политическим переменам, противопоставлялась массе дезориентированного, «выбитого» из привычной колеи населения, недовольство которого использовали в своих политических играх партии левого или национал-патриотического толка. Возникло парадоксальное явление: молодежь, воспринимаемая другими возрастными группами как носитель нового, новых ценностей, с течением времени и сама стала относиться к себе как к группе, поколенческой когорте, более «ценной», чем другие поколения или группы, не прилагая для этого каких-либо особых усилий, не ознаменовав себя в социальном плане особыми достижениями. Молодежь воспринимала свои «привилегированные» позиции скорее как нечто закономерное, получив в руки в «готовом виде» свободы и возможности, ранее недоступные людям старшего возраста, а потому относясь к ним не как к ценностям, а как к само собой разумеющимся условиям индивидуального существования. Незаслуженный, даровой характер этой оценки блокировал как для самого общества, так и для молодых людей необходимую работу по рационализации задач модернизации, переоценке прошлого; усилия, связанные с пониманием, восприятием, усвоением

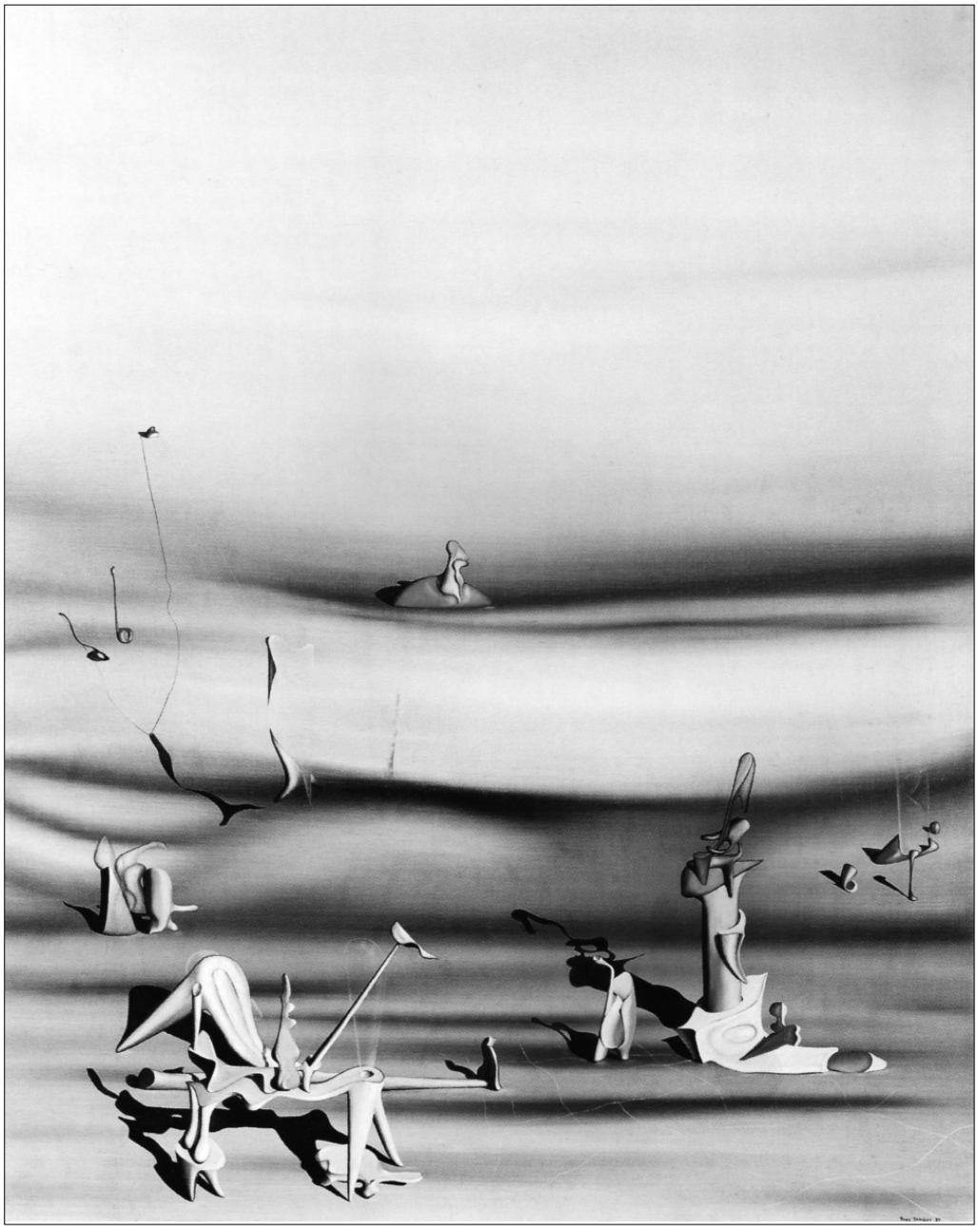
новых для российского общества идей, правовых представлений, ценностей; осознание ответственности, в том числе и гражданской, выработку форм социальной солидарности.

В постсоветском обществе так и не возникло ценностного конфликта поколений, «работа» с которым могла бы стать условием и способом реальных общественных трансформаций. Непроблематизированной, непроработанной, неосознанной осталась вся совокупность проблем, унаследованных от советского прошлого. Главное, что смогло предложить поколение родителей своим детям, это опыт выживания и адаптации, усвоенный в советское время. Переломный этап в жизни страны был прожит почти исключительно на «старом багаже» идей и ценностей. Если прозападные, либерально-демократические, пусть и декларативные установки (не поддержанные институциональными демократическими трансформациями в различных подсистемах общества, прежде всего в образовании, науке, культуре) были поначалу, на рубеже 1980–1990-х годов, заметнее выражены именно среди молодежи, то постепенное вытеснение проблемы гражданских прав и свобод, соблюдения закона на периферию групповых интересов и публичной сферы сменилось ростом нетерпимости, агрессии по отношению к «другим», социально или культурно чуждым группам, ксенофобии, национализма не только в обществе в целом, но и особенно среди молодых. Озабоченность этими важнейшими для формирования гражданского общества и демократии ценностями высказывают, по данным ряда опросов, не более 7–10% молодых россиян, тогда как безучастность по отношению к сворачиванию публичного пространства, сужению возможностей политического участия и влияния сопровождается у сегодняшней российской молодежи самой высокой, в сравнении с другими поколениями, аккламацией «путинского режима».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Для современной молодежи вопросы советского прошлого, понимания устройства советского общества, в котором выросло, социализировалось большинство нынешнего населения, перестали быть значимы. Структура самоидентификации у молодых горожан России в основных аспектах совпадает с общероссийской. Главными общностями, к которым молодые респонденты причисляют себя, прежде всего, выступают *государственно-национальная* (гражданин России, русский человек), *семейная* (особенно для женской части опрошенной молодежи) и *поколенческая*.

Молодежь легче и быстрее адаптировалась к социальным и политическим переменам. Воспринимаемые другими возрастными группами как носители нового, новых ценностей, молодые люди с течением времени и сами стали относиться к себе как к группе или поколенческой когорте, более ценной, чем другие поколения или группы, не прилагая для этого каких-либо особых усилий, не ознаменовав себя в социальном плане особыми достижениями. Молодежь воспринимала свои «привилегированные» позиции как нечто закономерное, получив в «готовом виде» свободы и возможности, ранее недоступные для людей старшего возраста, а потому относясь к ним не как к ценностям, а как к само собой разумеющимся условиям



Ив Танги. Медлительный день. 1937

индивидуального существования. «Незаслуженность» этой оценки молодежью блокировала как для самого общества, так и для молодых людей необходимую работу по рационализации задач модернизации, переоценке прошлого, усилия, связанные с пониманием, восприятием, усвоением новых для российского общества идей, правовых представлений, ценностей, понимания ответственности, в том числе и гражданской, создания форм социальной солидарности.

Заметное ослабление прозападных, либерально-демократических, пусть и декларативных установок, более выраженных именно у молодых, вытеснение проблемы гражданских прав и свобод, соблюдения закона и пр., сменилось ростом нетерпимости, агрессии по отношению к «другим», социально или культурно чуждым группам, безучастностью по отношению к сворачиванию публичного пространства, возможностей политического участия и влияния при высоком в сравнении с другими поколениями одобрении «путинского режима».

2. В целом удовлетворенность молодежи разными сторонами своей жизни весьма высока, а в сравнении с другими возрастными группами она наивысшая. Подавляющее большинство молодежи сегодня в общем и целом удовлетворено своей жизнью. Большинство оказывается довольным полученным образованием, не предъявляя особо серьезных претензий к его качеству. Непроблематичность для подавляющей части молодых учащихся содержания и качества получаемого образования, отсутствие в их сознании ценности индивидуального усилия при получении образования, «конвертируемого» в успех, говорит о той же пассивно-адаптивной стратегии поведения молодых, которая характерна для подавляющего большинства населения на протяжении последнего двадцатилетия. Идея отстаивания, защиты своих прав на получение качественной услуги за деньги, протеста против переплаты, нарушения договорных отношений среди молодых сегодня практически отсутствует. Больше всего молодежь не удовлетворена своим материальным положением, в этом молодые люди все сильнее сближаются с остальными группами населения. Разрыв между желаниями и сознанием своих возможностей приводит к стойкому негативизму в восприятии реальности, защитой от которого оказывается обесценивание или негативная оценка самого объекта желаний (принцип «зелен виноград»), массовая депрессия, особенно заметная в провинции — в селе или в малых городах, стойкое состояние безысходности.

Ощущения унижения, несправедливости, враждебности становятся почвой для самых разнообразных проявлений — политической поддержки авторитарного режима (когда его лидер наделяется чертами и свойствами, снимающими массовую неудовлетворенность положением вещей и комплексы неполноценности, вызванные сознанием собственной ничтожности и жизненных неудач), ксенофобии, как внутренней, так и внешней, например антиамериканизма, неприязни к бывшим республикам СССР, изоляционизма, социальной зависти и проч. Однако сама по себе двойственность оценок или, правильнее сказать, двойная перспектива восприятия реальности служит фактором стабилизации и «примирения с действительностью», предупредительного снижения планки своих запросов и общей стратегии «понижающей адаптации».

Молодые люди, как и большинство населения, не имеют четкого представления о своем будущем. По данным 2010 года лишь 6% россиян могут ясно представить свое будущее более чем на пять лет вперед, лишь одна пятая видит его на год-два вперед и менее одной десятой — на 5–6 лет вперед. Относительное большинство молодых считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два вперед.

3. Отношение российской молодежи к политике характеризуется общей неопределенностью или противоречивостью политических ориентаций и предпочтений; низким интересом к политике; низким уровнем доверия ко всем политическим институтам, за исключением фигуры президента; низ-

ким уровнем реального участия в политических и общественных инициативах при относительно высокой оценке подобных инициатив как социального феномена, потенциальной общественной силы. По многим принципиальным социально-политическим проблемам и векторам движения страны молодежные оценки близки к средним по населению в целом. 35% опрошенных молодых россиян вообще никогда не разговаривают с родителями на политические темы. Это означает, что не происходит межпоколенческой передачи политических оценок, предпочтений, отторжений и т. д. по крайней мере примерно в трети — двух пятых российских семей. От 56 до 64% опрошенных (2011 г.) сохранили положительные оценки советского времени. При этом чем дальше время опроса отдалялось от советской эпохи, тем выше становилась доля положительных оценок советского опыта в разговорах со старшими. В отношении к «советскому» у молодежи, не имеющей собственного жизненного опыта, преобладает влияние даже не столько старших родственников, сколько СМИ. Под их воздействием у молодежи идеологические оценки и характеристики СССР как социально-политической системы прочно ассоциируются с символами и значениями «советского» как своего рода цивилизации или культурного уклада.

4. Восприятие своего поколения молодыми россиянами лишено какой-либо возвышенности и романтической идеализации. Оно противоречиво, поскольку обусловлено в значительной мере ценностными установками старшего поколения, закрепленными школьной дидактикой или рутинными интеллигентскими догмами.

5. Главный ценностный ориентир — желание денег как утопия будущего и собственного благополучия.

6. Более образованные среди опрошенных молодых горожан заметно выше оценивают свои возможности влиять на ситуацию в стране через акции протеста или через общественные организации и гражданские инициативы. Более образованная молодежь чаще видит за формами общественной самоорганизации именно протестную составляющую, оппозиционную нынешней власти, и выделяет такие важные для нее права человека, как неприкосновенность частной жизни, жилища, право владеть собственностью, право на информацию.

Однако в целом заинтересованность российской молодежи политическими вопросами и формами деятельности крайне низка. Даже в сравнении с апатичным населением страны доля не интересующихся политикой среди сегодняшней городской молодежи в России вдвое больше. Отношение к политике исчерпывается исключительно зрительским слежением за информацией о политических новостях и обсуждением ее в узком кругу «своих», а не реальным и ответственным участием. Значимость гражданских прав чаще подчеркивают более образованные и, особенно, более обеспеченные подгруппы опрошенной городской молодежи. Менее обеспеченные группы молодежи (равно как и населения страны) чаще подчеркивают значимость гарантий со стороны государства — обеспечение работой по специальности, право на бесплатное образование и проч.

7. Более высокий уровень недоверия (и минимум доверия) всем государственно-политическим структурам выказывает московская молодежь. Абсолютное большинство молодых людей, по их признанию, не имеют представления о том, какие цели поставлены руководством перед страной, какие перспективы у России и куда она идет. Молодые россияне в целом

(54%) считают, что они не способны влиять на ситуацию, участвуя в общественных организациях и гражданских инициативах. Наибольшую уверенность в своих силах последовательно демонстрируют москвичи. Однако реальное участие молодых людей в общественной жизни значительно ниже, так что заявленная позиция остается в большинстве случаев исключительно демонстративной и декларативной.

8. Обращает на себя внимание высокий уровень неосведомленности и отстранения молодых горожан от оценок таких групп и движений, как антиглобалисты, лимоновцы, антифа, в которых участвует преимущественно молодежь: доля затрудняющихся с ответом здесь достигает 45 % опрошенных и выше.

9. Среди факторов, препятствующих формированию гражданского общества в стране, молодежь также заметно выделяет противодействие процессам самоорганизации со стороны власти. Вместе с тем молодые люди подчеркивают отсутствие самостоятельности и инициативы в самих своих соотечественниках и сверстниках, их слабую уверенность в пользе такого рода активности.

10. Прагматическое отношение к Западу как источнику благ, месту работы или отдыха и т. п. среди молодежи более позитивное, чем у населения в целом. Признание достижений Запада, тамошнего высокого уровня жизни, степени защищенности и свободы людей в развитых западных странах у городской молодежи России достаточно высоко и, во всяком случае, выше, чем у населения в среднем. Но если практическое отношение к западному как «другому» постепенно нормализуется, становится более позитивным и у населения, и, особенно, у молодых урбанизированных россиян, то символическая проблема влияния Запада на Россию, как и места России в мире, уважения к ней со стороны других стран и т. п., по-прежнему остаются ценностно-нагруженными, полными скрытых эмоций, обид и зависти.

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. 392 с.

Эта книга не только наиболее полное повествование о доэмигрантском периоде жизни одного из ярких интеллектуалов России, видного юриста, политика и блестящего оратора В. Маклакова (1869–1957). Это литературная реконструкция драматических событий в империи конца XIX – начала XX века, погрузивших ее в хаос революций и пучину "нового варварства" на долгие десятилетия. Как один из лидеров партии конституционных демократов автор, естественно, концентрируется на эволюции либеральной мысли в России в общеевропейском контексте, считая при этом необходимой его адаптацию к особенностям русской историко-культурной традиции. Безусловный противник ограничения политических, гражданских, экономических прав личности Маклаков считал возможным добиваться реформирования системы власти без насилия и крови. Это убеждение стало для него "главным уроком жизни".

Фракция Конституционно-демократической партии во 2-й Госдуме России. Санкт-Петербург, 1907

ГЛАВА 15*

Нельзя смешивать функций государства и населения. Многое в жизни определяется только самими людьми, их волей, способностями и интересами. Государство с своим аппаратом принуждения не должно пытаться заменять собой эти мотивы; желание по своему произволу распоряжаться всей жизнью людей равносильно претензии превратить их в «машины», или в покорных «рабов». Рабство может существовать; и человек некоторое время может простоять не на ногах, а на своей голове. Но такое его положение не может быть прочным. Человек при его теперешнем самосознании добровольно не согласится быть рабом у других, хотя бы эти другие и требовали подчинения себе именем всего «государства», или «именем» «общего блага». Для современного человека все, в том числе и представители государственной власти, остаются людьми, а не высшими существами; на такие претензии их он лишь негодует. И потому рабство несовместимо с миром внутри общежития; деятельность государственной власти в таком случае должна бы свестись к надзору за своими рабами, к держанию их в послушании силой. Этим государство человека «уродует», а себя ослабляет.

Назначение государства не в том, чтобы заменять деятельность и достижения людей, а в том, чтобы содействовать развитию всех сторон самого человека. Для этого необходимо его защищать от попыток

** Приводится с сокращениями (прим. изд.).*

нарушения его свободы другими людьми, отстаивать для всех одинаковые «права человека». Лассаль иронически называл это «теорией ночных сторожей». Здесь нет места иронии. Без сторожей совместная жизнь невозможна, какова бы ни была конструкция государства. Вопрос в том, что они должны охранять. В демократиях они должны охранять не привилегии отдельного класса, властей или партии, а справедливость, то есть одинаковость права для всех. Установление и защита таких прав и есть обязанность государства. Остальное вне его компетенции, зависит от уменья и желания самих людей, которые могут быть неодинаковы. Ошибка нашего времени в том, что государства под разными предлогами склонны и теперь позволять одним то, что запрещают другим; этим они изменяют своему назначению охранять справедливость.

Но демократии сбивались с этой дороги: их борьба с привилегиями была всегда борьбой с меньшинством; ведь только меньшинство населения может получать от привилегий выгоду по той же причине, по которой человек может ездить верхом на слоне, а слон в таком положении человека раздавит. Но меньшинство, которое раньше управляло всем государством, стало себя за него принимать. А борьба с привилегиями меньшинства приучала демократию к признанию за большинством самостоятельного преимущества. Достоинство народовластия не в этом. При нем легче увидеть, где нарушена справедливость и как ее восстанавливать. Но справедливость не непременно там, где желает видеть ее большинство. У нее самостоятельная природа, от воли большинства не зависящая. Справедливость и большинство могут совпадать, но могут и расходиться. Заменить искание справедливости подчинением большинству значит поклоняться другому кумиру, гоняться за теми болотными огоньками, которые сбивают с дороги заблудившихся путников. При таком понимании вместо искания справедливости в демократиях стали стараться всеми мерами создавать большинство, привлекать к нему обещаниями, обманами, даже насилием, запрещать или затруднять противоположные мнения. К «формированию» большинства приспособляли и политику, и идеологию, и самый государственный строй. В этом теперешняя болезнь демократий.

Кельзен заметил, что преимущество большинства заключается в том, что оно к единогласию ближе. Это только подтверждает, что идеал заключается не в большинстве, а в единогласии, то есть в соглашении всех. По дороге искания общего соглашения и надо идти, чтобы достигать справедливости, а не заменять его волей одного большинства.

Оттого на демократиях лежала задача строить так государство и управление им, чтобы воспитывать в людях привычку к справедливому отношению друг к другу, а не претензию над другими господствовать, требовать повиновения своей воле и в этом находить себе удовлетворение. О таком воспитании людей демократии недостаточно думали, когда отдавали власть большинству, отстраняя все, что могло волю его ограничить, и в отстранении этом видя успех демократии. Этим они затрудняли приближение к общему соглашению, то есть к наиболее справедливому разрешению противоречий между интересами всех.

Вместо того чтобы стремиться к этому, они стали добиваться образования большинства, находя волю его доказательством своей правоты. К этому было приспособлено и избрание представителей населения большинством голосов, при котором интересы меньшинства заглушались в самом зародыше, и решения в самом представительстве, которое принималось тоже по большинству голосов. Вместо старания отыскать такое решение, которое было бы для всех наиболее приемлемо, ценой уступок обеих сторон, демократии стали заботиться, как образовать то большинство, которое сможет предписывать свою волю другим. А по существу безразлично, предписывает ли свою волю монарх по «природному праву», привилегированное меньшинство, которое воображает себя лучше других, или просто арифметическое большинство населения. Дело не в воле кого бы то ни было, а в объективной справедливости, которую нужно не объявлять, а отыскивать. А отыскивать ее нужно прежде всего выявлением всех разногласий и исканием ими самими соглашения между собой. Этому процессу должны содействовать, а не препятствовать и структура, и практика государства.

В России социальный вопрос пока как будто на первом месте оставлен, почему Россия и не потеряла еще своего обаяния и представляется для толпы «обетованной землей». Так могло казаться, пока тоталитарный режим рекомендовал «грабить награбленное», отнимать то, что создали другие, и пока еще оставалось, что можно было у других отнимать. Отнимавшие все-таки нечто получали себе и притом мстили тем классам, кого в прошлом считали своими обидчиками. Но этот процесс должен был когда-то окончиться и замениться порядком на лучших, чем прежде, основах. Но новые основы в тоталитарном режиме России на практике оказались восстановлением худшего, что было и в старом: труд становился рабским трудом у государственной власти. О справедливости уже не было речи; ее клеймили презрительной кличкой «уравниловки». У власти, или у первенствующей партии, появились свои угодники и фавориты, «выдвиженцы», «кандидаты» для вступления в партию, чтобы в ней над остальными господствовать. Так было когда-то и с крепостными крестьянами, из среды которых выходили бурмистры для управления крестьянской массой. А с непокорными, с недостаточно преданными тоталитарная власть могла не стесняться: никто их уже не мог защищать против ее произвола.

Такой порядок установился не сразу. Введению его помогали многие: и те, кому он лично был выгоден, и те, которые этим своим обидчикам мстили за прошлое, и идеалисты, которые искренно думали, что при их управлении все будут счастливы, что при нем не будет эксплуатации, что аппарат их власти останется на высоте, которую можно обеспечивать «чистками»; что препятствия к общему счастью лежат не в этом уродливом режиме, а только в его противниках, и внутри, и вне государства; что этих противников можно обезвреживать и уничтожать. Оттого тоталитарный режим под соблазнительным предлогом «общего счастья» стал источником террора внутри государства и угрозой внешнему миру.

Для судьбы человечества опасно не вынужденное примирение с рабством, а то, что среди свободных людей, которым не угрожает ничто и

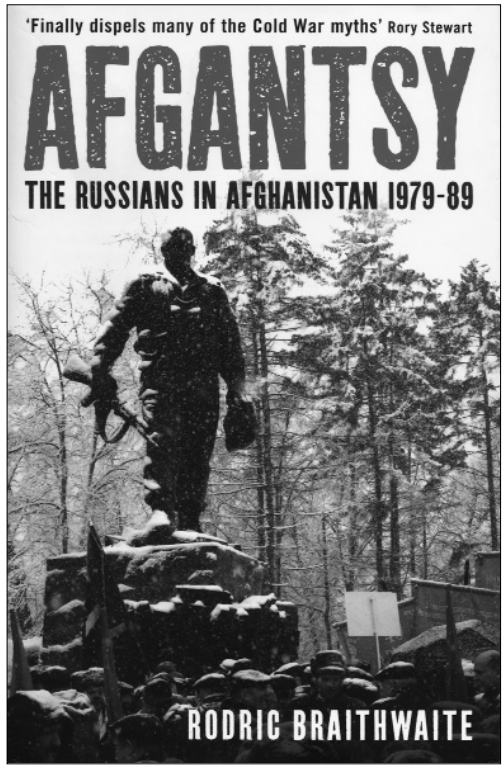
которых за деньги нельзя подкупить, находятся просвещенные люди, квалифицированные ученые, иногда бывшие народолюбцы, которые могут прославлять тоталитарный режим, советовать предпочитать положение сытого раба у богатых и сильных господ риску своей свободы и возможных при ней неудач. Такое настроение знаменует кризис не режима, а самого человека, который низводит себя на ранг домашних животных.

Таковы заключения, к которым мой опыт меня приводил; он мне показал, что, несмотря на несоразмерную роль, которую в моей жизни играла случайность, в ней оказалась последовательность. Я начал деятельность адвокатурой, то есть защитой человека перед представителями государственной власти по ее же законам. Когда обнаружилось, что самодержавие несовместимо с господством законности, я принял участие в борьбе против него, за замену его представительным строем. А когда мы ближе с сущностью его познакомились и можно было увидеть, что этот строй в большей или меньшей степени стал считать волю большинства суверенной, я становился защитником меньшинств, заглушаемых большинством голосов, а потом и вообще побежденных, поскольку победители свою волю считали себя вправе диктовать побежденным.

Жизнь мне давала и другие уроки. Она показывала, что в человеке есть зверь и что в споре о жизненном его интересе этот интерес может оказаться сильнее всех других побуждений. Так бывает, когда с тонущего корабля люди кидаются в шлюпку и других в нее не пускают или, умирая с голоду, выхватывают друг у друга последний кусок; это же можно видеть и в других замаскированных внешней культурой формах борьбы за себя. Но когда вопрос стоит не так остро, появляются ограничения звериной природы противоположными свойствами человека. Стремлением его к правде-истине в области науки, философии или религии; добровольным подчинением установленным нормам жизни, то есть законности; тяготением человека к справедливости в устройстве своего общежития и т. д. Если в борьбе за эти начала может проявиться и личный интерес, то в ней его роль ничтожна. Ведь эти споры решают не заинтересованные, посторонние люди. И как бы ни казались иногда несовместимы позиции обеих сторон, у каждой из них есть доля правды; без этого спор бы не мог продолжаться. И потому в таком споре нужно видеть не только недостатки противника, но, что часто труднее, уметь распознать ту долю правды, которая есть на его стороне. Так можно находить основы для мира, а не для обманчивой и преходящей победы. Ведь и в политике наиболее прочные достижения демократии обеспечиваются не перевесом числа голосов, а соглашением большинства с оппозицией. Мне приходилось видеть это в тех сферах деятельности, в которых и мне дано было участвовать, и в науке, и в судах, и в политической жизни; эти наблюдения накладывали свой отпечаток на приемы работы; они убеждали, что в этих приемах заключался путь к тому, что является и условием и признаком общего блага, то есть к общему добровольному миру. В этом был главный урок моей жизни.

Афганистан как актуальное прошлое

Rodric Braithwaite. Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–1989. — L.: Profile Books, 2011. — 417 p.



Книгу Родрика Брейтвейта «Афганцы» так и хочется, цитируя вождя мирового пролетариата, назвать чертовски своевременной. Война в Афганистане, начавшаяся после удара возмездия США и оккупации страны международной контртеррористической коалицией осенью 2001 года, длится второе десятилетие, а благополучных для внешних сил вариантов исхода не просматривается. Не случайно в Америке и Европе все больший интерес вызывает советский опыт пребывания на афганской земле (1979–1989), которую когда-то окрестили «кладбищем империй». К слову, Соединенные Штаты и НАТО находятся там уже дольше.

Сэр Родрик — блестящий британский дипломат, за спиной которого десятилетия службы в Форин-офисе и на Даунинг-стрит. В 1989–1992 годах он занимал пост посла Великобритании в Москве, где застал судьбоносное время: прекратила существование гигантская евразийская империя, на ее месте возникло больше дюжины новых государств, включая то, что вернуло себе историческое название Россия. В бытность Р. Брейтвейта послом Михаил Горбачев вывел войска из Афганистана, завершив тягостную кампанию, смысл которой с годами становился все менее объяснимым. Представитель Великобритании, который, разумеется, знал о безрезультатных мытарствах собственной державы в Афганистане, не мог не испытывать двойственных чувств по поводу советского «интернационального долга». С одной стороны, Запад резко осуждал «кремлевскую авантюру» и помогал моджахедам в битве против коммунизма (хотя впоследствии выяснилось, что американские и британские инструкторы готовили яму не только Советам, но и себе самим). С другой — логика имперского поведения на Среднем Востоке была слишком знакома и понятна британцам, тем более что к концу 1970-х от окончательного распада империи Лондон отделяло не так много времени. И сэра Родрика как добросовестного историка и объективного аналитика эта война всегда привлекала не только с политической или идеологической, но и с профессиональной точки зрения.

Книга «Афганцы» (по-английски она так и называется русским словом) — плод длительной и кропотливой работы в архивах, а также, что важнее, с много-

численными участниками тех событий, прежде всего с российской стороны. Беседы с ветеранами афганской кампании, от командующих, партийных и государственных деятелей до рядовых, позволили автору создать достоверную картину этих десяти трагических лет.

Повествование Родрика Брейтвейта лишено идеологической заданности, оно подкупает корректным отношением к персонажам. Здесь проявляются лучшие черты британской традиции: сколь ошибочной или неправильной ни была бы война, а Великобритания вела немало весьма сомнительных кампаний, солдаты, выполняющие свой долг и приказы руководства, достойны уважения и не отвечают за глупость и безрассудство политиков.

Этому России еще предстоит научиться, ведь наша власть, вне зависимости от общественно-политической формации, напротив, зачастую склонна сбрасывать с себя ответственность, делая крайними исполнителей. С восьмидесятых годов известна хрестоматийная чиновная фраза — «Я вас в Афганистан не посылал», символ бездушия бюрократии к тем, кто, по сути, стали жертвами ее же недомыслия. И Брейтвейт, сохраняя необходимый для стороннего наблюдателя такт, тем не менее удивляется тому, как еще советское руководство не понимало важности преодоления «афганского синдрома». Можно подвести черту под ненужной кампанией и закрыть баланс, списав политические убытки, но отношение к людям войны формирует отношение их к государству. И история того, как власть после Афганистана старалась, по сути, вычеркнуть из истории те десять лет вместе с действующими лицами, позволяет на конкретном примере понять механизм стремительного обрушения Советского Союза. Ведь самым поразительным в нем было то, что в критический момент почти никто не захотел защищать накренившееся государство.

Сэр Родрик подробно изучает советскую тактику в Афганистане, меры, нацеленные на то, чтобы все-таки расположить к себе местное население, создать более благоприятную обстановку. Это сейчас крайне актуально для НАТО, который после 10 лет боевых действий так толком и не понял, к чему надо стремиться в этой стране. Кстати, многие эксперты отмечают, что по части национально-государственного строительства СССР был все-таки успешнее контртеррористической коалиции. По той простой причине, что Москва руководствовалась идеологией строительства социализма в Афганистане, и, несмотря на бессмысленность самой цели, путь к ней создавал в отсталой стране инфраструктуру и внедрял подобие прогресса. Конечный результат это не изменило, однако западным участникам нынешней кампании есть чему поучиться, хотя бы тактически.

Наконец, сейчас наибольшее внимание интересующихся привлечет, вероятно, описание подготовки вывода войск и уход из Афганистана: именно с этой задачей США и НАТО столкнутся в ближайшие годы. И опыт отвода советской сороковой армии, безусловно, серьезнейшим образом изучается военными специалистами на Западе.

Афганистан раз за разом демонстрирует тот же эффект: на чужих ошибках здесь никто не учится, и, только повторив их, следующий наступивший на грабли начинает вдумываться в уроки предшественников. Родрик Брейтвейт написал замечательную книгу. Она очень важна для его соотечественников и их союзников, которые сейчас находятся в Афганистане и в определенной степени идут по стопам советских «афганцев». Но она не менее ценна и для российского читателя как пример того, как можно глубоко, тактично и уважительно относиться к собственному непростому прошлому, не впадая в крайности, не умалчивая правду, но и не нагнетая конъюнктурного пафоса.

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Региональное книжное обозрение

Рябова О., Витковская Т. Моногорода Северного Урала: локальные и политические процессы. — *Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. — 259 с.*

Накопившиеся к середине 80-х годов, то есть к началу горбачевской «перестройки», проблемы последствий сталинской индустриализации и урбанизации были «отложены» на более спокойные времена. Тогда страна мучительно перестраивалась, открывалась внешнему миру, и было, в общем, не до того, чтобы решать судьбу городов и поселений, так называемых моногородов, которые создавались в довоенное время. Чаще всего они возникали в открытом поле, что называется, на пустом месте, как «придаток» к строившемуся промышленному предприятию. Заводчанин и горожанин были в них синонимичными понятиями. Создавалось промышленное производство, и рядом с ним вырастало скромное жилье и формировалась социальная инфраструктура. Таких новых поселений на карте Советского Союза появилось немало, и они вполне успешно выполнили свою историческую миссию, пока к концу XX века не превратились в серьезную проблему, для решения которой предлагаются, как известно, самые разные сценарии.

Промышленные города с монопрофильным производством рассредоточены неравномерно. В них проживает около 20 процентов населения страны. При этом лидерами по количеству моногородов являются регионы Северного Урала (Свердловская область и Пермский край) и прилегающая к ним Кировская область, где сосредоточено машиностроение, металлургия и химическая промышленность. Их история не превышает жизни трех поколений, а предприятия, вокруг которых они возникли, предопределяют их градообразующий облик.

О. Рябова и Т. Витковская — авторы книги «Моногорода Северного Урала» — провели интереснейшее исследование: проанализировав глубинные интервью с городскими руководителями моногородов, они воссоздали весьма любопытную картину жизни североуральских муниципалитетов, в которых аутентично буквально все — и внутриполитический процесс, и социальный климат, и образы будущего. И показали, что эти моногорода в наши дни — явление во многом уникальное не только географически, но и социокультурно.

Исследовательницы концентрируют свое внимание на нескольких макротемах: на особенностях моногородского

социума, его внутренних конфликтах и сценарных альтернативах их решения. Парадоксальным образом сегодняшнее положение многих моногородов, по их словам, не так печально, как это может показаться малосведущему человеку. На удивление, в них нередко складывается сравнительно эффективное местное самоуправление, и городское сообщество развивается вполне сбалансированно. Локальные элиты, как правило, твердо стоят на ногах, их отличают материальное благополучие и достаточно высокий авторитет среди населения. При этом из материалов исследования складывается впечатление, что введение в действие федерального 131-го Закона о местном самоуправлении оказало двойственное влияние на перспективы развития местной политики в моногородах. Хотя, с одной стороны, были ликвидированы многие юридические неточности и четче прописаны правила внутриполитической игры, с другой — для локальной политической элиты реализация муниципальной реформы в большинстве случаев означала уменьшение ресурсной базы и снижение автономности моногородов. Однако авторы оптимистично утверждают, что пока нет оснований говорить о «конце» локальной политики, так как местные элиты развиваются в сторону «качества политического феномена».

Самые серьезные испытания моногорода пережили в 1990-е годы, когда радикально трансформировалось экономическое пространство страны. При этом не столь катастрофично выглядели вначале их хозяйственно-экономические перспективы, сколько перемещение центра принятия экономических и политических решений на федеральный уровень и на уровень региональных столиц и в объединенные финансово-промышленные группы. В результате в моногородах обострились противоречия между «производственниками» и муниципалами, поскольку руководители градообразующих промышленных предприятий в малых городах, как правило, не являются собственниками, что неизбежно приводит к конфликту интересов. Поэтому неслучайно в отношении моногородов в последнее время высказываются самые невероятные прогнозы и предложения, и считается, что их историческое время прошло.

Между тем, по мнению авторов, сегодня становится понятно, что доминирование градообразующего предприятия ведет к тому, что именно характер стратегии его руководства является определяющим фактором при формировании модели политических отношений в моногородах. На большом фактическом материале О. Рябова и Т. Витковская рассматривают в этой связи две стратегии: (а) поглощение сферы местного самоуправления командой градообразующего предприятия и (б) отказ руководителей муниципальных образований от претензий на контроль жизнедеятельности местного сообщества и их сдвиг к конвенциональной политике. Сколь сложно ни развивался бы второй сценарий, он может стать вполне реальным. Конечно, заключают авторы этой прекрасной книги, ближайшая перспектива моногородов остается неопределенной, но высказанная федеральной властью страны идея их «переселения» выглядит абсурдной, а обсуждение подобных проектов «не только бессмысленно, но и вредно». Вдумчивому читателю не остается другого пути, как согласиться с этим трезвым и ответственным выводом. Очень жалко, что такие исследования в отечественной урбанистике появляются редко.

Александр Согомонов

А.В. Петров. Тоталитаризм: уроки прошлого. Учебно-методическое пособие. — *Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2011. — 136 с.*

«Тоталитаризм, — пишет автор этой книги, выпускник МШПИ, — во многом поучителен для всех, особенно для российских граждан. Сталинский СССР — это одно из немногих государств XX века, в котором присутствовали все признаки тоталитаризма. Знание тоталитарного государства “в лицо” полезно и для будущего, чтобы исключить вероятность его возврата в современных условиях» (с. 17).

Книга является методическим пособием для студентов вузов и предлагает молодому поколению правду о тоталитаризме и нашей собственной советской истории, когда «любое проявление даже слабого политического несогласия безжалостно уничтожалось и искоренялось... Тоталитаризм может обеспечивать собственную жизнедеятельность, только когда господствует во всех сферах общественных отношений» (с. 15).

В небольшой по объему работе автору удалось дать развернутое научное понимание тоталитаризма, привести практические примеры его появления и реализации в разных странах. Работа содержит статистические таблицы с данными о репрессиях в СССР, Китае, Камбодже. Ссылки на исторические факты, материалы исследований, цитаты из документов и выступлений тех лет как нельзя лучше передают и содержание явления, и общую атмосферу той эпохи в странах тоталитаризма.

Анализ охватывает помимо Советского Союза тоталитарные режимы, существовавшие в XX веке в Италии, Германии, Испании, странах Восточной Европы, Китае, Камбодже, Вьетнаме.

Важной частью, безусловно, стал и раздел, посвященный проблемам преодоления тоталитарного прошлого, выхода из того состояния общества, когда оно пассивно одобряет все происходящее и начинает осознавать свои права и свободы, бороться за них и дорожить ими.

Большое количество ссылок, цитат известных российских и зарубежных авторов, источников, используемых в каждой из 13 глав, демонстрируют высокий академический уровень работы.

Родной для Алексея город Иркутск в эпоху девяностых годов прошлого века был одним из лидеров демократических реформ. Наверное, во многом и поэтому здесь особенно остро воспринимаются тенденции возврата к тоталитарному управлению, подавлению инакомыслия, проведению политических судебных процессов. Это иллюстрируется и постоянными победами оппозиции на выборах разного уровня (последние выборы мэров Иркутска, Братска, выборы в городскую думу Ангарска и ряда других городов), и активной работой независимых общественных организаций и движений.

Помимо высокой оценки этой книги хочу выразить уверенность, что нас ждут еще более глубокие и содержательные работы талантливого автора.

Игорь Князев

Контрапункт

Владимир Рыжков, политик, публицист

СИСТЕМА ТОТАЛИТАРНОГО ПРАВОСУДИЯ

Никита Петров. Палачи. Они выполняли приказы Сталина. — *М.: Новая газета, 2011. — 320 с.*

Эрозия и разрушение правосудия и, более того, его отрицание во имя «высших» интересов (революции, нации, государства) могут увлечь не только отдельного человека, но и общество в самые страшные глубины порока, насилия и ужаса. Вся первая половина XX столетия — тому свидетельство. Как и в нацистской Германии, в СССР в то время были провозглашены антиправовые законы и созданы репрессивные судебные органы (известные сталинские «тройки» и Военная коллегия Верховного суда СССР), которые «именем закона» отправляли на расстрел и в концлагеря миллионы ни в чем не повинных людей. Именно в тоталитарных системах формальный закон становится полной противоположностью права, убивает и отрицает право.

Советский и германский диктаторы любили устраивать показательные судебные процессы в целях имитации правосудия и нагнетания истерии в обществе. Сталин требовал от следователей ОГПУ/НКВД логичного изложения самых абсурдных обвинений и, конечно, признания вины самими обвиняемыми. Пытки были узаконены решениями соответствующих партийных и государственных инстанций, именно под пытками из арестованных выбивались совершенно дикие и абсурдные самооговоры и признания.

Системе, уничтожившей миллионы собственных граждан, требовались исполнители. Необходимы были, и в больших количествах, следователи, охранники тюрем и лагерей и исполнители — палачи (только за годы большого террора 1937–1938 гг. были расстреляны более 700 тысяч человек). Кто же были эти люди, что ими двигало, как они сами оправдывали свои злодеяния и преступления?

Об этом — очень важная для нашего общества книга историка Никиты Петрова, в которой рассказывается о самых высокопоставленных и известных сталинских палачах: Берии, братьях Кобуловых, Мерку-

лове, Влодзимерском, Родосе, Шварцмане и других. Главное достоинство книги — ее документальность (везде есть необходимые сноски на архивные дела и документы), и при этом — лаконичный и ясный язык, убедительные характеристики «героев». Галерея палачей предстает не как сухое перечисление фактов и дат их жизни, но как достоверный рассказ о живых людях — душегубах, некоторые из которых дожили почти до наших дней. Именно таких книг не хватает нашему обществу, замороченному сотнями дешевых и лживых поделок про «вождя народов», восхваляющих его кровавое и трагическое для народа правление, поделок, которыми буквально завалены полки книжных магазинов.

Поражает будничность, обыкновенность превращения самых обычных и простых людей в кровавых, беспредельно жестоких палачей.

Вот лишь одна история о главном лубянском палаче — Василии Блохине, лично расстрелявшем из пистолета в затылок более десяти тысяч (!) человек. Родился в Ивановской губернии в семье крестьянина-бедняка в 1895 году. В 1915 году пошел на фронт пехотинцем, дослужился до старшего унтер-офицера. В 1921 году, будучи служащим райвоенкомата, вступил в ВКП(б), после чего перешел на службу в войска ВЧК в Ставрополе. Здесь впервые в его обязанности входит приведение в исполнение расстрельных приговоров (ему только исполнилось 26 лет). Делал он это, видимо, охотно и без колебаний, что привело его в 1926 году в Москву — сразу на должность врио, а потом и коменданта ОГПУ, по служебным обязанностям — главного палача чекистского ведомства. После чего он расстреливал и расстреливал людей фактически ежедневно на протяжении многих лет вплоть до выхода на пенсию в марте 1953 года с благодарностью за 34-летнюю «безупречную службу». Немало было им лично расстреляно и знакомых из самой ЧК, включая самого бывшего наркома Ежова.

Вот как выглядел этот «рыцарь революции» на «работе», по рассказу очевидца: «Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!».

Или — один из ближайших подельников Берии Меркулов. Из дворян, закончил с золотой медалью гимназию и даже 3 курса университета. После революции помыкался по разным работам и, будучи тайным осведомителем ВЧК, перешел на работу в «головную контору». Лично бил и пытал арестованных. Как член «тройки» НКВД активно участвовал в организации расстрела польских пленных весной 1940 года.

Другие палачи — и тоже вполне стандартные биографии. Дети кустарей, казаков и военных, банковских служащих и крестьян-середняков. В «органы» попадали больше случайно, многие — из числа тайных осведомителей. После чего система требовала от них быть палачами и выполнять любые, самые преступные приказы начальства — и они выполняли. Самые жестокие садисты делали карьеру особенно быстро — под их пытками арестованные признавались быстро и во всем.

Палачи в ходе судебных антибериевских процессов 1954 года искренне недоумевали — «а в чем, собственно, дело?». «Ведь избивать и пытать приказала партия! А он лишь исполнитель». «В 1937 году было указание руководства партии применять физические меры воздействия к арестованным врагам»... И «применяли» и били жестоко, до полусмерти, до потери сознания — до 1953 года. А если приказывали, то и убивали — без всякого решения «суда».

Сталин лично приказал убить оппозиционеров Сокольникова и Радека, полпреда в Китае Бовкуна-Луговца, жену маршала Кулика Симонич-Кулик. Чекисты без колебаний убили женщину деревянным молотком. Убийца жены маршала Влодзимерский искренне не понимал, в чем состоит его вина: «Этот случай я не считал убийством, а рассматривал его как оперативное задание. Берия упоминал, что это строго секретное правительственное задание».

Принцип организации массовых репрессий был прост. Вождь определял, кто враг, следователи выбивали у жертв нужные признания, «суд» приговаривал к смерти, палачи расстреливали. На каждого в суде во главе с палачом Ульрихом (который однажды лично расстрелял осужденного и неоднократно присутствовал при расстрелах) уходило по нескольку минут. На вопрос Хрущева о том, как это Постышев и Косиор (большевистские вожди) были объявлены следователем Родосом врагами народа, Родос прямо и просто описал всю систему репрессий: «Я делал то, что мне партия приказывала. Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я как следователь должен был собрать факты, должен был вытащить признание, что они враги». Стандартный ответ всех палачей: «Я беспрекословно выполнял все указания товарища Сталина».

С самого начала было принято, что в ВЧК не было специальных профессиональных исполнителей «высшей меры». Считалось, что, если понадобится, приведение в исполнение — обязанность любого чекиста. На практике же в Москве постепенно сложилась особая «спецгруппа», которая и осуществляла расстрелы. Вошли в нее люди, которые были способны расстреливать осужденных практически ежедневно. В страшные дни расстрелов поляков Блохин и его группа, которая «работала» в Калинине (Тверь), ежедневно расстреливала 200–250 человек. Свои палачи были и в региональных структурах ВЧК/ОГПУ/НКВД. Никита Петров приводит имена всех членов московской «спецгруппы» и всех, кто участвовал в расстреле поляков в 1940 году.

Палачами были и начальники лагерей ГУЛАГа — сталинские «крепкие хозяйственники». Бывший начальник Воркутинского угольного комбината НКВД — МВД генерал-майор Мальцев (с 2008 г. — почетный гражданин Воркуты!) говорил: «Здесь лагерь. И наша задача — медленное убийство людей». Люди были лишь материалом для исполнения сталинских производственных планов.

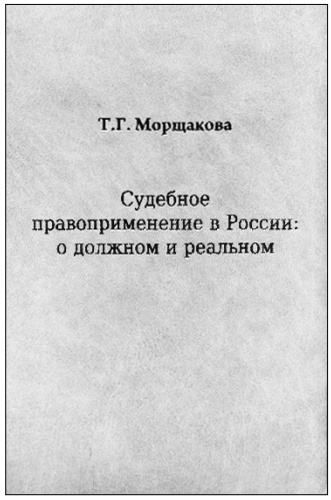
Никита Петров впервые подробно рассказывает о «лаборатории Икс», где на осужденных на смерть испытывались смертоносные яды. О попытке Сталина откупиться от Гитлера в начале войны советскими территориями. О том, что Сталин лично руководил пытками и репрессиями практически до самого дня своей смерти. Об истории бессудного расстрела по его решению 592 поляков и литовцев летом 1945 года. И все это — лишь верхушка страшного айсберга смерти и пыток. Ведь

архивы наследника ЧК/НКВД — ФСБ — до сих пор большей частью засекречены, закрыты для историков и даже для родственников жертв репрессий, особенно в части информации о тех, кто писал доносы, фабриковал дела и приводил приговоры в исполнение. Имена стукачей и палачей до сих пор — главная тайна российских спецслужб. Не случайно на могиле палача Блохина недавно вдруг появился новый аккуратный памятник. «Не забывают!» — пишет Никита Петров.
И мы не должны забывать. Нужно добиться открытия архивов. Нужны книги о всех жертвах и о всех палачах — не только московских, но и местных.

О СТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Т. Г. Морщакова. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном. — *М.: Р. Валент, 2010. — 312 с.*

Тамара Морщакова — видный российский юрист, судья, заместитель председателя Конституционного суда России (1991–2002 гг.), одна из тех, кто разрабатывал и осуществлял на практике либеральную судебную реформу первой половины 1990-х годов, — опубликовала книгу своих статей, докладов и интервью, в которой анализирует и прослеживает судьбу российского конституционализма и суда в первое постсоветское двадцатилетие. Будучи одним из самых квалифицированных в России специалистов в области права и одновременно крупным ученым и практиком, Тамара Георгиевна представляет читателям далеко не черно-белую, а, напротив, объемную и сложную картину современных российских правовых реформ и контрреформ.
Российская Конституция 1993 года возводилась на принципиально новых основаниях. Новые принципы права и государственного строительства (правовое государство, разделение властей и др.) были восприняты и заимствованы тогда из международного опыта демократического конституционно-правового развития. Но при этом, подчеркивает Т. Морщакова, это не было подражанием Западу: новая Конституция, прежде всего, обрела ***правозащитный характер***, создав эффективные правовые инструменты для защиты личности от своеволия власти, учитывая тяжелый опыт прошлого.
Правозащитная функция была отведена и принципиально новому судебному органу страны — Конституционному суду, в который получил право обращаться любой гражданин страны, оспаривающий конституционность законов или судебных решений. В результате такого стратегически важного решения, 98 % всех обращений в КС и почти 95 % рассмотренных им дел в 1995–2005 годы были инициированы именно гражданами и их объединениями. Начинал свою деятельность КС очень хорошо, будучи составлен не из числа советских судей и прокуроров с их навыками исполнять приказы начальства, а из ученых-юристов. Суд приобрел репутацию истинного защитника и толкователя новой Конституции и ее либерально-демократических основ.
Однако затем произошел разворот назад — к ослаблению независимости судебной системы, снижению самостоятельности и влияния КС.



Началась судебная контрреформа (которая официально была объявлена, конечно же, «реформой»). Так, если прежде КС мог объявить неконституционным любой указ президента или закон, то теперь речь шла лишь о предписании законодателям поправлять правовые акты, что позволяло де-факто не исполнять решения КС. Начались законодательные манипуляции со сроками полномочий судей КС. Без консультаций с самим КС суд был перемещен из Москвы в Санкт-Петербург. Назначение новых судей стало производиться на безальтернативной основе, в основном исходя из принципа личного знакомства или землячества с президентом; квалификация, научный и общественный авторитет кандидатов отошли на второй план (в 90-е годы на каждое вакантное место предлагалось несколько авторитетных в юридическом сообществе кандидатур). Наконец, судьи КС потеряли возможность сами избирать себе председателя — теперь это делает Совет Федерации по предложению главы государства.

В результате КС стал зависеть от исполнительной власти и значительно потерял в весе в обществе. Он, например, ни разу не признал неконституционность новых законов, даже самых сомнительных с точки зрения Конституции (о партиях, формировании СФ, отмене выборов губернаторов и др.) Как справедливо пишет Т. Морщакова: «КС, как и другие появившиеся в России институты самоограничения власти, могут — в отсутствие политической конкуренции — существовать в определенной степени лишь как имитация демократических общественных процессов».

В целом судебная реформа, задуманная в начале 90-х годов, переживает глубокий откат назад.

Суть любой судебной контрреформы — ограничение судебной власти и независимости суда. Результатом контрреформы, начатой в начале 2000-х, стало то, что судьи вновь, как в советский период, стали руководствоваться зачастую не столько законом, сколько указаниями вышестоящего судебного начальства (судебной бюрократии), зависеть от председателей судов, а закрытость судебной корпорации от общества лишь усилила эту зависимость.

Сфера применения судов присяжных также была значительно сужена. Судей ориентируют на вынесение только обвинительных приговоров (оправдательные считаются профессиональным «браком» — «много оправдывали — плохо работали»), судью можно легко лишить статуса за что угодно и когда угодно. Выяснилось, что значительное улучшение финансирования судов и высокие зарплаты судей отнюдь не приводят автоматически к их независимости, а, напротив, могут быть использованы для их закабаления судейским (и не только) начальством.

Тамара Морщакова убеждена — только подлинная независимость суда и судей может реально обеспечить защиту прав и свобод человека, прав собственности, верховенство права.

Она многие годы предлагает конкретные пути достижения этой цели. Прежде всего речь идет о расширении области применения суда при-

сяжных, распределении дел в судах по жребию, выборности председателей судов самими судьями, обеспечении общественного контроля за судебной системой, развитии системы специальных судов (например, административных и ювенальных), обязательной публичности судебных заседаний и др. Отбор кандидатов в судьи должен производиться самим судейским сообществом при условии полной открытости всех процедур.

Еще одна принципиально важная для Т. Морщаковой мысль — об опасности «позитивистского подхода» к праву, когда под правом понимается исключительно существующий *текст* закона, инструкции, постановления. То есть когда не делается *различия между законом и правом*.

Именно этот подход господствует сегодня в российских судах. В результате буквальное следование закону ведет к прямому нарушению фундаментальных конституционных прав граждан. Тамара Морщакова напоминает, что, согласно Конституции России, каждый судья, перед тем как начать рассмотрение дела в рамках того или иного закона, обязан проверить сам этот законодательный акт на предмет его соответствия Конституции, основам права. «При этом суд не вправе применять неправовые по содержанию законы, т.е. не соответствующие общеправовым принципам, признаваемым и действующим в демократическом обществе».

Т. Морщакова настойчиво напоминает: «Верховенство права характеризуется не только и не столько требованием подчинения закону, но прежде всего признанием неотчуждаемых прав и свобод человека непосредственно действующими и определяющими смысл и содержание законов, проверка и применение которых обеспечивается правосудием». Забвение этого конституционного требования приводит, например, к отказу в участии в выборах тысячам граждан и партиям на основании бюрократических придирок, выдвигаемых, по существу, антиконституционным законодательством. Как в этом, так и во многих подобных случаях суды игнорируют правовую сторону вопроса, начетнически руководствуясь только буквой закона, не осмеливаясь задуматься о «духе законов», соучаствуя тем самым в массовом попрании прав и свобод граждан формально «на законных основаниях». Мало кто из граждан России в курсе, что, «*исходя из Конституции, любой суд может и должен отвергнуть неконституционный закон в качестве основы разрешения дела*». Во многом по причине того, что этот принцип не укоренился в общественном сознании и российских реалиях, произошло сползание страны в сторону произвола и коррупции.

Причина деградации конституционного и общего правосудия в России лежит на поверхности — «*власть устраивает управляемый суд*». Немалая доля вины за это лежит и на самом судейском сообществе, которое (за исключением немногих — Тамары Морщаковой, Ольги Кудешкиной, Сергея Пашина и других достойных судей) практически не сопротивлялось контрреформам, предпочтя существование в рамках властной вертикали, в которой судам отведена служебная и карательная роль. «Для общества, которое стремится к тому, чтобы обеспечить верховенство права, — цитирует Т. Морщакова американского политолога Томаса Карозерса, — самую серьезную угрозу представляет его элита, которая не желает подчиняться закону».

Российское образование и будущее альтернативной энергетики

Константин Ильковский,
депутат Госсобрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)

Дмитрий Тимофеев,
заместитель директора ОАО «Дальневосточная энергетическая управляющая компания»

Глобальные тенденции в энергетике

За последние 150 лет человечество освоило массу эпохальных научно-технических областей, без которых наша сегодняшняя повседневная жизнь просто не представляется возможной. Одна из них — электроэнергетика, влияние которой на общество просто колоссально. В то же время она самая закрытая с точки зрения влияния на нее общества. Энергетика устроена таким образом, что является жестко детерминированной, централизованной, практически военной структурой, без всяких элементов демократии, не только в России, практически во всем мире.

Существующая схема организации электроэнергетики в общих чертах такова. Есть конечное число генераторов, сетевое хозяйство, которое структурировано от более высокого напряжения к низкому, которым мы пользуемся, и бесконечное число потребителей. Это число практически никоим образом не связано с генерирующими мощностями, и потребители не имеют на них никакого влияния. Подобная организация отрасли, влияющей, по сути, ежесекундно на нашу жизнь, долго существовать в неизменном виде не сможет. Это понимают прежде всего сами энергетики. Одним из вариантов смены парадигмы в энергетическом хозяйстве может быть переход от исключительно количественного критерия выработки и потребления электроэнергии как товара, измеряемого в киловатт-часах, к качественной составляющей этого продукта, позволяющей оценивать его соответствие нормативным параметрам, а следовательно, влиять на оплату.

Но это одна сторона дела. Вторая — у потребителя, то есть у нас как клиентов, тоже происходит смена парадигмы. Мы хотим все больше влиять на эту отрасль. Мы стремимся сами определять, какое количество электрической энергии нам необходимо в данной конкретной точке. Ведь сегодня мы можем сами для себя конфигурировать, например, информационно-коммуникационное пространство. У нас есть на выбор целый комплекс приборов — ноутбуки, модные сегодня айпады, стационарные компьютеры, сотовые телефоны (на две, возможно, 3, 4 и 5 сим-карт) и т. д. Мы сами решаем, какие из этих продуктов нам необходимы, а производители учитывают спрос и в свою очередь предлагают продукты с новыми потребительскими свойствами.

Иная ситуация в энергетике, которая испытывает очень сильное давление

внешних обстоятельств, в частности — симптомы изменения климата, вызывающие общественную реакцию на те или иные решения в отрасли. С другой стороны, сама электроэнергетика, пожалуй, один из главнейших «агентов влияния» на климат. Самые большие выбросы CO_2 связаны именно с электроэнергетикой.

Еще один из важных моментов заключается в том, что сегодня 1,5 млрд человек в мире не имеют доступа к электричеству и 2,5 млрд используют первичные энергоресурсы в виде дров в качестве топлива для обогрева.

Третий момент связан с переходом к новому технологическому укладу. Поскольку технологии, связанные с разработкой и внедрением возобновляемых источников энергии, а также с так называемыми умными энергосетями на промышленном и бытовом уровнях уже готовы войти в нашу жизнь, даже стать товаром в розничных сетях.

Таким образом, основными принципами, на базе которых будет строиться функционирование энергетики XXI века, являются:

— учет пределов роста потребления энергии и постепенный отказ от ископаемого топлива к концу XXI столетия;
— справедливое распределение энергии;
— децентрализация электроэнергетики.

В чем суть последней? Существующая модель электроэнергетики, как уже было сказано, жестко детерминирована: мы имеем ограниченное число генераторов и бесконечное число потребителей, к которым надо доставлять электричество, преодолевая порой огромные расстояния и неся гигантские потери, как технологические, так и финансовые, в том числе для потребителя. Децентрализованная модель, или, как ее еще называют, «распределенное производство» электроэнергии, позволяет максимально приблизить генерацию к потребителю за счет внедрения возобновляемых источников энергии.

Сегодня Российская Федерация позиционирует себя в глобальном мире как энергоимперия. Это действительно так: мы эксплуатируем те энергоресурсы, которыми нас наделила природа. Мы являемся глобальным игроком на глобальном рынке нефти и глобальным игроком на региональных рынках газа. Это основа нашего нынешнего благополучия. Здесь наши плюсы и наши минусы. Энергоимперия — статус, который у нас есть сейчас. А в будущем?

Глобальное исследование IBM Global Business Services выявило радикальные изменения во взаимоотношениях между производителями электроэнергии и их клиентами. В настоящее время у клиентов растет желание самостоятельно выбирать способ удовлетворения своих энергетических потребностей. В развитых странах уже примерно 84 % потребителей хотели бы сменить поставщика энергии. Кроме того, при условии предоставления свободного доступа к электрическим сетям и потенциального снижения затрат на энергоснабжение на 50 %, доля потребителей энергии, готовых к постройке и эксплуатации собственных малых электростанций в развитых странах, достигает 60 %. По степени активности и количеству располагаемых ресурсов можно выделить четыре главные клиентские группы: пассивные, экономные потребители, энергетические эпикурейцы и новаторы. Энергетические новаторы наиболее активны и многочисленны в Японии и Германии, что связано с высокими ценами на электроэнергию в этих странах, а также достаточными объемами финансовых ресурсов у клиентов на фоне монополистического поведения крупнейших энергокомпаний и при активной государственной поддержке инициатив по развитию возобновляемых источников энергии. При этом речь идет прежде всего об альтернативной энергетике.

В настоящее время лидерами в области альтернативной энергетики являются США и Китай, европейские страны также активно развивают это направление (таблица 1).

Таблица 1.

УСТАНОВЛЕННАЯ МОЩНОСТЬ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

Страна	*Установленная мощность, ГВт.*	*Темп роста, % в год*
США	53,4	24
Китай	52,5	79
Германия	36,2	14,4
Испания	22,4	9,1
Индия	16,5	31

Несмотря на глобальный финансовый кризис, инвестиции в возобновляемые источники энергии за последние два года практически не снизились, более того, они растут. Согласно последним прогнозам (доклад «Состояние мировой энергетики, 2010», подготовленный Международным агентством по энергетике), наибольший рост мощностей возобновляемых источников энергии до 2035 года будет наблюдаться в Китае, США и Европейском союзе. При этом, по оценкам Green Peace, потенциал возобновляемых источников энергии в мире используется не более чем на 0,5–1 %.

Начиная с 2000-х годов отмечается резкий рост патентной активности по 6 ведущим альтернативным энерготехнологиям. Несмотря на это, сроки внедрения инноваций в этих областях остаются значительными (таблица 2).

Таблица 2.

СКОРОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Наименование технологии	*Средний срок внедрения, лет*
Ветровая энергетика	19
Фотовольтаика	22
Биомасса	25
Конденсация солнечной энергии	30
«Чистый уголь»	27
Улавливание CO_2	22

Из таблицы видно, что масштабный переход к «зеленой» энергетике может потребовать 20–30 лет. Однако в последнее время наметились возможности сокращения этого цикла по ветровой энергетике до 5, а по фотовольтаике до 7 лет. Пока у России есть шансы на встраивание в глобальные инновационные процессы по альтернативным энерготехнологиям, хотя сейчас страна, обладающая значительным потенциалом возобновляемых источников энергии, фактически не использует его: например, в национальном энергобалансе доля возобновляемой энергетики (без учета крупных ГЭС) не превышает 1,5 %.

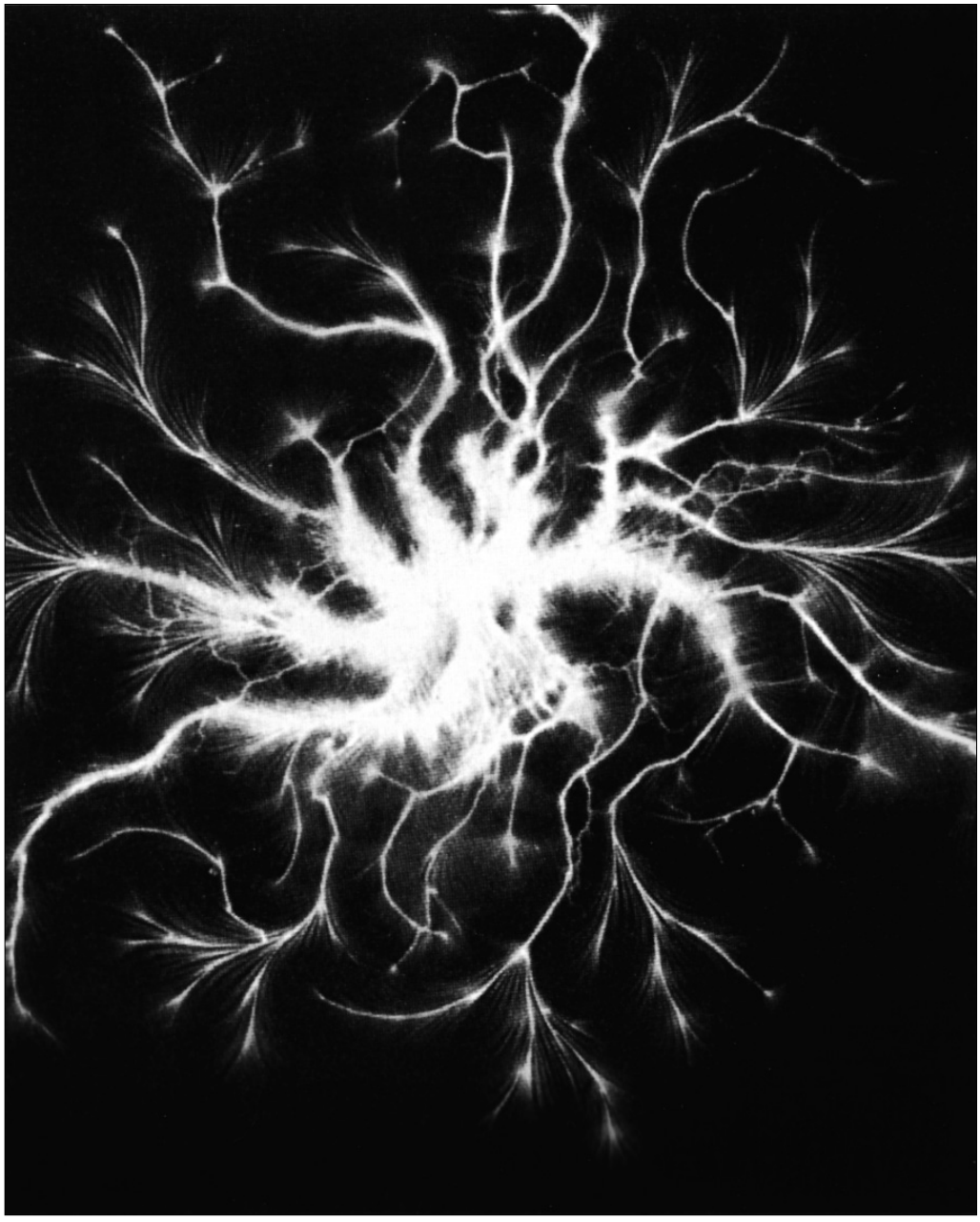
Образование для инновационной экономики

В свете сказанного образование является, на наш взгляд, первым звеном инновационной цепочки «образование — исследования — венчурные проекты — массовое освоение инноваций». Если ставится задача разработки и внедрения передовых энергетических технологий, то развитие системы образования, адекватной столь масштабной задаче, естественно, становится главным условием успеха. Согласно социологическому опросу, проведенному ВЦИОМ в 2010 году, 53 % экспертного сообщества нашей страны связывает основные перспективы развития инноваций с деятельностью научных центров при вузах. Но при этом опрошенные эксперты озабочены отсутствием механизмов формирования инновационной культуры у молодежи и населения в целом. Иначе говоря, современный российский университет не является структурой, порождающей новые знания и условия для смены сложившегося в стране техносоциокультурного уклада.

В настоящее время российское образование находится перед лицом следующих системных проблем:

— продолжающегося снижения качества образования;

— негативного воспроизводства педагогического корпуса;



Брассай (Дьюла Халас). Изображение, полученное в процессе «автоматического письма». 1934

— снижения конкурентоспособности на глобальном рынке;
— несоответствия структуры образования потребностям экономики;
— высшая школа не производит инновации и инноваторов.

Чтобы содействовать становлению инновационной экономики, российская система образования должна, следовательно, перейти к новой модели, принципиально отличающейся от существующей. А именно — образования в течение жизни, когда ключевым фактором его результативности является доступ учащихся к учебным ресурсам и технологиям самообразования.

Поскольку инновационную экономику характеризует информационная перегрузка, культура обучения должна строиться на культуре поиска и постоянного обновления знаний.

Еще одним важнейшим отличием новой модели является высокая ценность таланта и мастерства, понимаемых как владение наиболее эффективными технологиями и знаниями в конкретной области. Мотивация, интерес, индивидуальные склонности обучающихся должны рассматриваться как ключевой и наиболее дорогой ресурс образования.

Новые образовательные модели, естественно, предполагают повышение в системе непрерывного образования роли учителя и преподавателя.

Наконец, принципиальное отличие новой образовательной модели состоит в ориентации на подлинную открытость системы, на формирование ее сетевого взаимодействия с другими институтами и агентами индивидуального, экономического и социального развития.

В новой модели профессиональное образование всех уровней должно стать частью инновационной системы, в рамках которой работодатели и потребители новых знаний будут иметь возможность реально влиять на положение дел в образовании, а учителя и преподаватели получать опыт работы в сферах потребления знаний (например, в производстве) и вновь возвращаться к преподавательской деятельности.

При этом основным структурным элементом обновленной системы высшего образования останется университет как центр фундаментальной и прикладной науки, производства, экспертизы и т. д. Основная его особенность видится нам в том, что учебный процесс в таком центре, включающий весь цикл движения знания, организуется на основе создания профильных лабораторий, исследовательских институтов, технопарков, центров инжиниринга, маркетинговых исследований, центров формирования стратегических компетенций, кадровых центров и т. д. В целом можно выделить 5 траекторий вхождения в инновационную экономику на базе таких университетов, целью которых является:

— освоение новых стандартов управления с учетом изменения фундаментальных знаний, технологий, ценностных ориентаций, а также соответствующих стилей жизни. То есть подготовка людей, способных осваивать и реализовывать соответствующие стандарты;
— разработка в специальных кадровых центрах профессиональных стратегий, соответствующих современному уровню технологического развития производств и типу организационно-институциональных структур;
— освоение и опробование принципиально новых промышленных технологий в инжиниринговых центрах и бизнес-инкубаторах на основе фундаментальных знаний и институциональных условий функционирования национальной экономики;
— разработка новых технологий в технопарках;
— обеспечение нового прорыва в центрах фундаментальных наук.

Такой режим работы университета предполагает постоянное продвижение фундаментальных научных откры-

тий к созданию новых технологий и их освоение в системе национальной экономики на основе переподготовки профессиональных кадров.

Устойчивое развитие и передовые университеты

Существующие сегодня в мире передовые университеты активно откликнулись на актуальную повестку дня, связанную с требованиями перехода к концепции устойчивого развития, т. е. системы координат природа — общество — человек. Инициативы университетов с точки зрения их влияния на окружающую среду можно разделить на:
— локальные (университетские) инициативы,
— региональные программы,
— национальные проекты.

В частности, Гарвардский университет входит, согласно рейтингу издания *The Daily Green*, в десятку самых «зеленых» университетов США. В этом университете запущена специальная программа реконструкции университетского городка в соответствии с требованиями устойчивого развития. В университете создан специализированный фонд, общим объемом 12 млн долл., который за 2007–2009 годы реализовал 153 экологических и энергосберегающих проекта и получил экономию энергопотребления на более чем 4 млн долл. при средней рентабельности вложений 27 %. В настоящее время Гарвард является крупнейшим в США вузом — потребителем «зеленой» электроэнергии, ее доля в энергобалансе университета составляет 17,5 %. За 2006–2009 годы университет в соответствии со своей «зеленой» стратегией снизил выбросы CO_2 на 7 %, а к 2016-му планирует уменьшить их на 30 %.

Еще один пример: старейший университет Юго-Восточной Европы, Загребский. Он был создан в 1669 году, в настоящее время в нем 29 факультетов, а количество обучающихся превышает 50 тыс. человек. Все здания, находящиеся на университетской территории, в том числе имеющие историческое значение, были разделены на «возрастные» подгруппы и подвергнуты энергоаудиту. Благодаря целенаправленной работе удалось снизить энергопотребление во всех типах зданий. Полномасштабно вуз реализовал концепцию «зеленого университета» в своем новом кампусе Borongaj, во время строительства которого использовались новейшие энергетические и строительные технологии на общую сумму 7,5 млн долларов. К 2011 году на территории Borongaj было открыто 3 факультета, в которых работают 200 преподавателей и обучаются 4500 студентов. Согласно плану развития до 2030 года площадь кампуса достигнет 100 тыс. кв.м., а количество факультетов возрастет до 7.

В качестве примера нового университета, созданного фактически на «пустом» месте, можно также привести Университет науки и технологии имени короля Абдаллы (KAUST) в Саудовской Аравии. Кампус университета с самого начала проектировался как «зеленый», с использованием самых передовых технических решений, обеспечивающих максимальное соответствие стандартам экоархитектуры. Кампус сертифицирован по рейтинговой системе энергоэффективных и экологически чистых зданий (LEED) на высшем уровне Platinum. Энергоснабжение университета базируется на солнечной энергетике, дизайн зданий использует преимущества естественной вентиляции с учетом интенсивности инсоляции. Общие инвестиции в университет превысили 5 млрд долларов, а срок реализации проекта, находившегося под личным патронажем короля Саудовской Аравии, составил 3 года. Кроме того, при университете создан целевой фонд с общим объемом финансов более 10 млрд долл. (10-е место в мире), что обеспечивает его дальнейшее развитие.

Весьма интересным представляется и опыт «зеленых» университетов в Японии. Вузы в этой стране играют

Рональд Бладен. Три элемента. 1965

ведущую роль в реконструкции городов и развитии «зеленой» экономики на уровне муниципалитетов. Университет Хоккайдо — первый вуз в Японии, разработавший в 1996 году план строительства «зеленого университета» с возведением на его территории экозданий, запретом на движение автомобилей и т. д. При реализации своих планов Университет Хоккайдо создает новые рабочие места в инновационных отраслях промышленности и секторе услуг, связанных с «зеленой» экономикой.

Еще более масштабным и комплексным является подход университетов Тайваня. После разрушительного землетрясения в 1999 году правительство острова приняло решение использовать концепцию «зеленого» кампуса для всей системы образования страны. Ведущим вузом, реализовавшим эту инициативу, стал национальный университет Ченг Кунг. За период с 2002 по 2009 год количество образовательных учреждений, разделяющих концепцию устойчивого развития, достигло в стране 532. «Зеленое» образование трактуется весьма широко и используется как в дизайне зданий и инфраструктуры, так и в образовательном процессе в средней и высшей школе, а также в масштабных общественных инициативах.

Таким образом, деятельность западных и азиатских университетов представляет собой примеры инициатив как регионального, так и национального уровня и базируется не только на строительстве «зеленых» кампусов, но и на активной роли в создании новых рабочих мест, содействии социально-экономическому развитию региональной и национальной экономики в соответствии с принципами устойчивого развития.

«Зеленые» вузы и будущее энергетики

Тенденции в российском образовании, а также положительный опыт зарубежных стран свидетельствуют, что для динамичного развития «зеленой» энергетики нужно подготовить почву для смены действующего социотехнического уклада в сфере энергоснабжения. Ключевую роль в этом может сыграть национальная сеть российских «зеленых» университетов на уровне:
— экокампусов;
— специализированных структурных подразделений, создаваемых совместно с бизнесом и ответственных за трансфер «зеленых» технологий и их коммерциализацию;
— научных центров и долгосрочных программ, нацеленных на прорывы в фундаментальной и прикладной науке в области устойчивого развития;
— широкого набора бакалаврских и магистерских программ междисциплинарного образования, разработанных в соответствии с требованиями устойчивого развития.
Кроме того, целесообразно развивать «зеленые» университеты в качестве лидеров и модераторов перемен на локальном, региональном и национальном уровнях.
Основным условием успеха может при этом стать вовлечение всех факультетов в процесс жизнедеятельности «зеленого» университета с учетом единства материальной среды: «зеленый» кампус и энергосберегающий стиль жизни, система энергоснабжения вуза, построенная на возобновляемых источниках энергии, а также на основе специализированных образовательных программ и научных исследований. Возможные направления участия факультетов в этой инициативе:
— энергетический факультет — «зеленая» генерация энергии;
— факультет информационных технологий — «умные» электрические сети;
— химико-технологический факультет — хранение энергии, биотопливо;
— строительный факультет — экоархитектура;
— факультет электромеханики — экологически чистые транспортные системы;
— факультет гуманитарного и социально-экономического образования — широкий спектр гуманитарных технологий, соответствующих требованиям устойчивого развития;
— факультет дистанционного обучения — поддержка инициативы в интернет-пространстве.
Создание национальной сети «зеленых» университетов позволит, на наш взгляд, подготовить новую генерацию специалистов-энергетиков, с одной стороны, а также ответственных потребителей энергии, с другой. Все это в совокупности обеспечит планомерный и устойчивый переход от существующего социотехнического уклада, построенного на монополизме производителя, использующего ископаемые виды топлива, к новой энергетике, соответствующей требованиям устойчивого развития.

CONTENTS

To Our Reader *5*

Seminar

Why are Institutions Important in the Building of Democracy?
Silke Tempel *7*

Discussion *12*

Theme of the Issue

Civil Education (A Most General Introduction into the Subject)
Alexander Sogomonov *18*

Russia and the West

The European Vector of Russia's Policy
Alexander Grushko *29*

Russia — a Strategic Partner?
Ernst-Jurg von Studnitz *34*

Power and Society

Power against the Public Good
Pierre Rosanvallon *44*

The Law

Court and Justice: Independence and Accountability
Mindia Ugrekhelidze *52*

Five Minutes of Legal Philosophy
Gustav Radbruch *57*

Regions of Russia

Active Citizenship is Good for the Society
Nikita Belykh *59*

Viewpoint

«Russia for the Russians»
Nikita Sokolov *62*

Personal Experience

Moscow-Leningrad Economic School
Serguei Vassiliev *69*

August, 1991 and the Opposition
Igor' Kharichev *77*

From Russian Publications

«Bulletin of the Perm University»
Lyubov' Fadeeva *81*

Civil Society and the Public Sphere
Andrei Semenov *82*

Announcement

The Young of Russia
L.D. Gudkov, B.V. Dubin, N.A. Zorkaia *93*

From the Memoirs
Vassilii Maklakov *103*

Books

Afghanistan as a Relevant Past
Fedor Lukyanov *108*

Regional Book Review
Alexander Sogomonov, Igor' Knyazev *110*

Counterpoint
Vladimir Ryzhkov *113*

Nota bene

Russian Education and the Future of "Green" Energy
Konstantin Il'kovskii, Dmitrii Timofeev *119*

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема: РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

СЕМИНАР
(Голицыно, 3–5 ноября 2011 г.)

Наши авторы:

Сергей Алексашенко
Торбьерн Беккер
Сергей Васильев
Вадим Волков
Андрей Захаров
Андрей Колесников
Алексей Макаркин
Михаэль Мертес
Аркадий Островский
Елена Панфилова
Владимир Рыжков
Александр Согомонов
Крис Фокс

Подписано в печать 12.12.2011.
Формат 70×108/16.
Усл.-печ. л. 8.0.
Тираж 999 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
http://www.msps.su

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-025-8